Полное Собранїе

СОЧИНЕНIЙ

Михайла Васильевича

ЛОМОНОСОВА,

Съ прїобщенїемъ жизни сочинителя и съ прибавленїемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ творенiй.

Часть вторая.

Третьимъ тисненїемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
иждивенїемъ Императорской Академїи Наукъ
1803 года.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ.

Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои любя Россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи, и сія дана Тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видишъ Твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманіемъ Твоимъ возстану ободренъ.
Хотя во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру,
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣть намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій трудъ *Петровъ.*
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднѣе, нежели какъ въ десять лѣтъ взять Трою.
О естьлибъ было то въ возможности моей!
Бѣглецъ Виргиліевъ изъ отчества Еней
Едвабъ съ Мазепою въ стихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилій устыдился.
Уликсовыхъ Сиренъ и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ пораненный ревомъ Левъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ

За кѣмъ же я пойду? — Въ слѣдъ подвигамъ *Петровымъ*,
И возвышенїемъ стиховъ Геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣлые вселенныя концы;
Что тѣмъ я заслужу Парнасскїе вѣнцы:
Что первый пѣлъ дѣла такого Человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Хотя за знанїе служилъ мнѣ въ томъ таланъ;
Однако скажутъ всѣ, я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ вперить дѣла *Петровы* громки,
Описаны въ моихъ стихахъ прочтутъ потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рѣкъ,
И только гдѣ живетъ Россїйскїй человѣкъ,
И почитающи Россїю всѣ языки,
У коихъ по трудамъ прославленъ *Петръ* Великїй,
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
И станутъ ихъ гласить по рощамъ и лѣсамъ.
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,
Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ!
Однакожъ я отнюдъ надежды не лишенъ:
Начатой будетъ трудъ прилѣжно совершенъ.
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами,
Стремлюся на Парнассъ какъ легкими крилами.
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ Твоей
Пренебрегаю злыхъ роптанїе людей.
И естьли въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россїя,
Лишь былибъ завсегда защитники такїя,
Каковъ Ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для щастїя наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Благо-

ПОЕМА

Благополучная сїяла къ нимъ планета,
Предвозвѣщая плодъ въ Твои прекрасны лѣта.
Въ благодѣянїяхъ Твои проходятъ дни,
О коль красно цвѣтетъ Парнассъ въ Твоей тѣни!
Для Музы моея Твой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ щастїя продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня, 1760 года.

СОКРА-

СОКРАЩЕНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

ПЕТРЪ Великій увѣдавъ, что Шведскіе корабли идутъ къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинить раззореніе и отвратить Государевъ походъ къ Шлиссельбургу, отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріемлетъ путь въ Сѣверъ, и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣгство флотъ Шведской. Оттуда простирая походъ къ осадѣ помянутой крѣпости, по Бѣлому морю, претерпѣваетъ опасную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. По томъ приставъ къ Соловецкому острову для молитвы, при случаѣ разговора о расколѣ, сказываетъ Государь Настоятелю тамошнія обители о стрѣлецкихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничей.

ПЕТРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРЬВАЯ.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полкѝ и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.
Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;

Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да на Его примѣръ и на дѣла велики.
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны Владыки,
Познаютъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой.
Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами *Петръ* снабдитъ,
Велика Дщерь Его щедротой оживитъ.

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній есть законъ,
Ты внемлешь съ кротостью мой слабый лирный звонъ:
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ Тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Ужѣ освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотискихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ черной,
Что созданъ въ скорости *Петромъ* неимовѣрной.
Ужѣ великая покоилась Москва,
Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ казни,
Простерла внѣ свой мечь безъ внутренней боязни.
Отъ дерзской наглости разгнѣваннымъ *Петромъ*,
Воздвигся въ западѣ войны ужасной громъ.

Отъ

ОтЪ Нарвской обуявЪ сомнительной побѣды,
Шатались мыслями и войскЪ походомЪ Шведы.
МонархЪ нашЪ отЪ Москвы простерЪ свой быстрой ходЪ,
КЪ любезнымЪ берегамЪ полночныхЪ бѣлыхЪ водЪ,
Гдѣ прежде межь валовЪ душа вЪ немЪ веселилась,
И больше кЪ плаванью вЪ немЪ жажда воспалилась.
О коль ты щастлива, великая Двина,
Что славнымЪ шествїемЪ его освящена!
Ты тѣмЪ всѣхЪ выше рѣкЪ, что устьями своими
Сливаясь вЪ сонмЪ единЪ со безднами морскими,
Открыла посредѣ играющихЪ валовЪ
ДругихЪ всѣхЪ прежде струй пучинѣ зракЪ *ПетровЪ.*
О холмы красные и острова зелены,
КакЪ радовались вы симЪ щастьемЪ возхищены!
Что поздно я на васЪ, что поздно я рожденЪ,
И тѣмЪ толикаго веселїя лишенЪ;
Не зрѣлЪ, какЪ онЪ сїялЪ величествомЪ надЪ вами,
И шествовалЪ по вамЪ предЪ новыми полками;
КакЪ новы крѣпости, и новы корабли,
Ужасные врагамЪ вЪ волнахЪ и на земли,
СмотрѣлЪ и утверждалЪ, противу ихЪ набѣгу,
Грозящему бѣлой Архангельскому брегу:
Дабы Россїйскую тѣмЪ силу раздѣлить,
ОтЪ ИнгерскихЪ градовЪ осады отвратить.
Но вдругЪ пришествїя *Петрова* вЪ сѣверЪ слухомЪ,
Смутясь пустились вспять унылы, томны духомЪ.

Уже бѣлѣя ПонтЪ передЪ *ПетромЪ* кипитЪ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитЪ.
ТамЪ вмѣсто чаянныхЪ бореи флаговЪ ШведскихЪ,
Россїйскїе вЪ зыбяхЪ взвѣвали СоловецкихЪ.
Закрылись крайнїе пучиною лѣса;
Лишь сЪ моремЪ видны вкругЪ слїяны небеса.

Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.
Герой нашъ посредѣ великія напасти,
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ;
,,Мужайтесь; Промыслъ насъ небесный искушаетъ;
,,Къ трудамъ и къ крѣпости на предки ободряетъ;
,,Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
,,Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.,,
Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая вліялась,
И буря въ ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта въ морѣ мочь,
Желая отвратить набѣгъ противныхъ прочь,
Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла
Что въ плаваньи *Петра* нечаянно постигла

О вы рачители и слушатели словъ,
Въ которыхъ подвигъ вамъ пріятенъ есть *Петровъ*,
Едина истинна возлюбленна и сродна,
Отъ вымысловъ краса Парнаскихъ неугодна!
Позвольте между тѣмъ, чтобъ слаба мысль моя
И голосъ опочилъ, труды Его поя;
Въ Кастальски рощи я не съ тѣмъ себя склоняю,
Что онымъ тамъ сыскать красу и силу чаю;

Ключи, источники, долины и цвѣты
Не могутъ дѣлъ Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась въ долгій путь гдѣ трудности толики,
Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой,
Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мной:
Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ
Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ
И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
Какое зрѣніе мечтается въ очахъ?
Я на землѣ стою, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ подаетъ обрушась на *Петра.*

Но промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ разныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
Однако доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовыя:
Такъ Сѣверъ укротясь впослѣдни возстеналъ.
По усталымъ валамъ Понтъ пѣну разстилалъ;
Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый,
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ;
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.
Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала;
Но Предковъ рокомъ злымъ *Петровыхъ*, прослыла:
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова;

Какъ Праотцевъ Его онъ въ сѣверъ заточилъ,
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
Сошелъ на берегъ *Петръ,* и ободрилъ стопами.
Мѣста обмоченны Романовыхъ слезами.
Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.
Межъ тѣмъ способной вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ.
Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣшаетъ
И мѣлкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.
Тогда пловущимъ *Петръ* на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньѣ сїи слова вѣщалъ:
„Какая похвала Россїйскому народу
„Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду.
„Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ;
„Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.
„Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама,
„И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
„Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
„Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
„Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
„Которой лишены пугливые невѣжды,
„Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
„Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
„Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
„Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
„Бездонный Океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
„Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
„Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
„Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
„Лишаетъ долгой зной здоровья и ума.
„А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
„Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
„Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.

„Колум-

„Колумбы Росскїе презрѣвъ угрюмый рокъ,
„Межь льдами новый путь отворятъ на востокъ,
„И наша досягнетъ въ Америку держава;
„Но нынѣ настоитъ въ войнахъ иная слава.„
Надежды полный взглядъ слова его скончалъ,
И добрый духъ къ трудамъ на всѣмъ лицѣ сїялъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
Отъ сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ
И воду вихрями крутятъ, и къ верьху бьютъ,
Предшествуя царю пространныя пучины,
Что двинулся къ *Петру*, ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосягаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрѣнїю обыкли звать мѣлями,
Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
На томъ сего царя палаты и престолъ.
Столпы округъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы.
Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межь тучь густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.

Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь;
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ Царь.
Въ заливы, въ Океанъ десницу простираетъ,
Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
Одежда царская порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
Ни мразы, ни Борей туда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ:
Воздвигли радостной морскія птицы кликъ.
Онъ въ слѣдъ къ пловущему Герою обратился,
И новости судовъ *Петровыхъ* удивился:

„Твои, сказалъ, моря, надъ нами царствуй вѣкъ;
„Тебѣ теченіе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
„Построй великой флотъ; поставь въ пучинѣ стѣны.„
Скончали пѣніемъ сей гласъ его, сирены.
То было, либо такъ быть надобнобъ сему,
Что долженъ Океанъ Монарху своему.

Ужѐ на западѣ восточными лучами
Открылся освѣщенъ съ высокими верьхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней градъ;
Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.
Отъ міра отдѣлясь и моремъ и святыней,
Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пустыней,
Лишь только лишены пріятнѣйшихъ плодовъ
Отъ древъ, что подаютъ и пищу и покровъ:
Не можетъ произвесть короткое ихъ лѣто;
Снѣгами въ прочи дни лице земли одѣто.
Сквозь мракъ и сквозь туманъ, сквозь буйныхъ вѣтровъ шумъ.
Восходитъ къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
Къ симъ строгимъ берегамъ великій *Петръ* приходитъ,
Внимательный свой взоръ на зданія возводитъ.

Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,
Водами отъ всѣхъ сторонъ окружена,
Его и воиновъ съ веселїемъ прїемлетъ;
Стрѣльбѣ и пѣнїю пустыня купно внемлетъ.
На встрѣчу съ ликомъ Фирсъ усердствуя спѣшитъ,
И Гостя осѣнивъ, въ восторгѣ говоритъ:
,,Благословенъ Твой путь Всевышняго рукою:
,,Могущество Его предходитъ предъ Тобою.
,,Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смотря,
,,О имени своемъ возвеселитъ Царя.
,,Живящїя Его въ семъ мѣстѣ благодати
,,Причастны новыя Твои да будутъ рати.,,
Монархъ отъ промысла избранный человѣкъ
Вмѣнилъ, что передъ нимъ стоитъ Мельхиседекъ,
Побѣды прежнїя Его благословляетъ,
И къ новымъ торжествамъ духовно ободряетъ.

Монархъ почтивъ труды и знаки чудныхъ дѣлъ,
Строенїе вокругъ и мѣсто осмотрѣлъ:
Спросилъ Наставника: ,,Кто сими васъ горами
,,Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками?
,,Великїй Іоаннъ, Твой сродникъ и примѣръ,
,,Что Россовъ превознесъ и злыхъ Агарянъ стеръ.
,,Онъ жертву принося за помощь въ бdifferentiatedряхъ Богу,
,,Межъ прочими и здѣсь далъ милостыню многу:
,,Пятьсотъ измѣнниковъ пойманныхъ Татаръ,
,,Имъ въ казнь, обители прислалъ до смерти въ даръ.
,,Работою ихъ рукъ сїи воздвиглись стѣны,
,,И Праотцевъ Твоихъ усердїемъ снабдѣнны
,,Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ,
,,Безмолвно бдѣнїе и безнавѣтенъ трудъ.,,
Сїе въ отвѣтъ далъ Фирсъ; и указавъ на слѣды,
Гдѣ церковь надъ врагомъ семь лѣтъ ждала побѣды,

Сказалъ: „здѣсь каменны передъ стѣной валы
„Насыпаны противъ раскола и хулы.
„Желая ереси исторгнуть Твой Родитель,
„Исправить церкви чинъ послалъ въ сїю обитель,
„Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надежныхъ толь стѣнахъ,
„Не преклонилъ ни гладъ, ни должной казни страхъ.
„Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
„Не двигнулись своихъ кровавыми струями;
„Пока упрямство ихъ унизилъ Божїй судъ,
„Ужѐ въ церковной всѣ послушности живутъ.
Монархъ воспомянулъ, коль много отъ раскода
Простерлось наглостей и къ высотѣ престола,
Вздохнувъ повѣствовалъ ужасную напасть,
И властолюбную Софїи хитрой страсть.

Ахъ, Музы, какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою,
Которыхъ сродники развращены мечтою
Не тщились за *Петромъ* въ благословенной путь,
Но тщетно мыслили противъ Его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ гнушаюсь и жалѣю,
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею!
Какой бодритъ меня и лучь и жаръ и шумъ,
И гонитъ въ скорости смущенныхъ тучу думъ?
Съ прекрасной высоты, съ великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ,
И нудятъ совершить священный спѣшно трудъ.
„Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла злато?
„Мы пѣть тебѣ велимъ; и что велимъ, то свято.
Уже съ горы глашу Богинь великихъ власть:
Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду;

Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь;
Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно.
И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отнюдъ отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, для правды, для ПЕТРА.

Пять кратъ противъ меня, Онъ сказывалъ, возстала,
И царствовать сестра чрезъ кровь мою искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,
Въ завѣсу святости притворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣты,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣты.
Передъ кончиною мой старшій братъ признавъ,
Что средній въ силахъ слабъ и внутренне не здравъ,
Способность предпочелъ естественному праву,
И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
Сестра подъ образомъ, чтобъ братъ былъ защищенъ,
И купно на престолъ со мною посажденъ,
Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣтски презирала.
И руку хищную къ державѣ простирала.
Но прежде притворясь, составила совѣтъ,
Къ которому бояръ и всѣ чины зоветъ,
И церкви твердаго столпа Іоакима;
Душа его была отъ ней непобѣдима.
Коварную начавъ съ притворной скорбью рѣчь,
Свой принудила и прочихъ слёзы течь.
„Когда любезнаго Өеодора лишились,
„Въ какой печали мы, о небо, погрузились!

„Но сверхъ той вопіетъ естественный законъ,
„Что меньшій старшему отъемлетъ брату тронъ.
„Стрѣльцы и весь народъ себя вооружаютъ,
„И общей пагубой Россіи угрожаютъ.
„Всѣ ропщутъ: для чего обойденъ Іоаннъ:
„Возложатъ на него убійствомъ Царской санъ!
„Познавъ такую злость, отвѣтствовалъ Святитель:
„Отъ жизни отходя и братъ твой и Родитель,
„Избраніе ПЕТРА препоручили намъ:
„Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ.
Несклоннаго сего отвѣта ради гнѣвна,
„Съ народомъ выбирать, сказала имъ Царевна;
„Съ народомъ выбирать, не запершись въ чертогъ,
„Повелѣваетъ вамъ и общество и Богъ.
Толстой къ Софіину и Милославской слову,
По особливому сошедшіеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей;
Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.
Іоакимъ со всѣмъ представилъ купно ликомъ:
„Мы избрали ПЕТРА и сердцемъ и языкомъ.
„Ему здѣсь вручена державы вышней часть:
„Съ престола низвести уже не наша власть.
Софія видя ихъ противъ себя упорство,
Склонила замысловъ къ иной стезѣ проворство.
Въ надеждѣ досягнуть своихъ желаній злыхъ,
Совѣтъ дала вѣнчать на царство обоихъ.
Однако Патріархъ отнюдь не колебался:
И сими отъ того словами отказался;
„Опасно въ обществѣ многоначальству быть:
„И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословить.
И такъ возставъ отъ Ней съ Святительми отходитъ.
Софію страсть владѣть въ безчувственность приводитъ.

Дѣлятъ на скопищахъ Москву бунтовщики,
Готовясь токъ пролить кровавыя рѣки,
Предходитъ бѣшенство и наглость и буянство,
И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство:
Обсѣли улицы, торги и ворота;
На разхищенїе разписаны мѣста.
Безъ сна былъ злобной скопъ, не затворяя ока,
Лишь спитъ незлобїе; не зная близко рока.

Открылся тайный ковъ, когда изчезла тѣнь;
Багровая заря кровавый вводитъ день.
Наружъ выходитъ, что умыслила Софїя,
И что Совѣтники ея велѣли злыя.
Ужѐ измѣнники стрѣльцы сбѣжались въ строй;
И Милославскаго орудїе Толстой,
Толстой въ бунтующихъ шеренгахъ разъѣзжаетъ,
И дерзскихъ ложными словами поощряетъ.
Кричитъ: что Іоаннъ младый Царь удушенъ,
Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ.
Тогда свирѣпствуя жестокїе тираны,
Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
Свѣтило вешнихъ дней оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.
Внезапно въ ужасѣ Москва зритъ изумленна
Оружїе на кремль спѣтаще и знамена.
Колѐса тяжкїя подъ пушками скрыпятъ,
Глаза отчаянныхъ кровавые горятъ.
Лишь дому Царскаго, что должны чтить, достигли,
Какъ звѣри дикїе рыканїе воздвигли:
На месть спѣшите намъ Нарышкиныхъ отдать,
Или мы станемъ всѣхъ бить, грабить и терзать.
Бояре старшїе Матвѣевъ, Долгорукой,
Представъ давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой,

Что всѣ волнуются напрасно обуявъ;
Что Іоаннъ съ ПЕТРОМЪ безъ поврежденья здравъ,
И только лишь о семъ смущеніи печаленъ.
Симъ словомъ дерзскій бунтъ былъ нѣсколько умаленъ:
Всѣ ждали, чтобы имъ младыхъ Царей узрѣть,
И въ домы возвратясь, спокойствіе имѣть.
Увидѣвъ изъ своихъ чертоговъ то Софія,
Что пресѣкаются ея коварства злыя,
Подгнѣту буйности велѣла дать вина,
Чтобъ снова возпылавъ горѣла внутрь война.
Тутъ вскорѣ разъярясь стрѣльцы, какъ звѣри дики,
Возобновили шумъ убійственной музыки:
Подобно какъ бы всю Москву съѣдалъ пожаръ.
Царица, Мать моя, прошеніемъ бояръ
Для утоленія всеобщія напасти
Презрѣвъ толь блиской рокъ, презрѣвъ горящи страсти,
Выводитъ насъ съ собой на красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнѣвъ покрылъ ея лицо;
И брата и меня злодѣямъ показала,
И чтобъ спокоились, со властью увѣщала.
Толпами наглые на верьхъ взбѣгали къ намъ,
И мыль то кликали обѣхъ по именамъ.
Обличены въ конецъ и правдой и присудствомъ,
Хотятъ оставить злость неправедну съ безстудствомъ,
И часть бунтующихъ въ обратной бьютъ походъ.
Царевна усмотрѣвъ, что тихнетъ злобный родъ,
Коварство новое въ погибель составляетъ,
И искры яркія въ сердца стрѣльцамъ всыпаетъ,
Сказавъ имъ собственну опасность и боязнь;
Что завтрѣ лютая самихъ постигнетъ казнь,
И тѣ имъ отомстятъ, что нынѣ въ оныхъ волѣ:
Пропущенны часы не возвратятся болѣ.

Какъ

КакЪ на поляхЪ пожарЪ вЪ началѣ утушенЪ,
Но вдругЪ дыханїемЪ изЪ пепла оживленЪ
Сухой тростникЪ траву вЪ дни лѣтни поядаетЪ,
И пламень слабыя препятства превышаетЪ;
Подобно такЪ стрѣльцы страхЪ сЪ лютостью смѣшавЪ,
И поощренїемЪ злодѣйскимЪ возпылавЪ,
ВЪ чертоги Царскїе насильно устремились,
Убїйствомъ, наглостью неистово вломились.
Царица мать моя среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Гдѣ праотцевЪ престолЪ вЪ палату грановиту,
Ко святости его и кЪ Вышнему вЪ защиту.
ВЪ чертогахЪ жалкой стонЪ, терзанье и грабежЪ
И раздается крикЪ: коли, руби и рѣжь.
Одни Софїины покои лишь свободны
И двери варварамЪ бунтующимЪ невходны:
Для убїенїя не нуженЪ былЪ вЪ нихЪ искЪ:
На сродниковЪ моихЪ направленЪ былЪ ихЪ рыскЪ,
Внезапно большей шумЪ сердца вЪ насЪ утѣсняетЪ:
ВЪ злодѣйственныхЪ рукахЪ НарышкинЪ возрыдаетЪ,
Не могЪ его закрыть и жертвенникЪ святый.
ЛетитЪ на копїя поверженЪ сЪ высоты.
Текущу видя кровь рыкаютЪ: любо, любо!
Пронзеннаго поднявЪ сїе глясятЪ сугубо.
Сего невинный духЪ предтеча кЪ небесамЪ
ОставилЪ тлѣнну часть неистовымЪ врагамЪ.
Немедленно мечи сверкаютЪ обнаженны,
И раздробляются трепещущїе члены!
Царицей посланныхЪ кЪ стрѣльцамЪ увѣщевать,
ЧтобЪ кровь сїю проливЪ престали бунтовать,
Подобной лютостью злодѣи похищаютЪ,
На копїя сЪ крыльца низвергнувЪ прободаютЪ.

Старѣй-

Старѣйшихъ стольниковъ и знатнѣйшихъ бояръ
Подобный умертвилъ судьбины злой ударъ.
Тамъ Ромодановской, о горькая кончина!
Въ послѣдней разъ взглянулъ на страждущаго сына.
Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
Межъ членами другихъ окровавленъ лежитъ.
И краснорѣчіемъ несчастливой Матвѣевъ,
Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,
Убитъ; но въ смерти живъ: что блѣдная глава
Движеньемъ кажетъ устъ нескончаны слова.
Коль много послѣ нихъ невинно пострадали:
Съ Царицыныхъ очей злодѣи дерзко брали,
На беззаконную влекли безчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.

О скорбный лютый день и варварствомъ ужасный.
День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!
Не помрачился онъ, какъ дерзостный Борисъ,
Сей смертоносной змѣй Димитріа угрызъ,
Когда убивецъ злой вертѣлъ въ гортани жало,
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мнѣ чувства изострилъ мой собственной примѣръ,
Лишь вспомню, вижу я, какъ злится изувѣръ.
Въ младенческомъ умѣ взоръ лютый вкоренился.
И нынѣ вспомянувъ я духомъ возмутился:
Волнуется во мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ,
Какъ рождьшая меня держа въ своихъ рукахъ
Мой верьхъ и грудь свою слезами обмывала,
Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
Когда безчувственной въ продерзости злодѣй
Гортани копіемъ касаяся моей
Ревѣлъ: скажи, гдѣ братъ, или тебя и сына
Постигнетъ въ мигъ одинъ послѣдняя година.

О промыслъ! въ оной часъ ты чудо сотворилъ;
Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ,
Изъ жаждущихъ Моей погибели сыскался ,
Ктобъ о Моемъ тогдажъ спасеніи старался.

Въ то время съ Ѳедоромъ и Мартемьяномъ Левъ
По селамъ странствуя скрывались межъ деревъ,
Вообразивъ своихъ невинну страсть рыдали,
И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный мужъ при старости Кирилъ,
Послѣдній Дѣдъ Мой дни въ затворахъ тѣсныхъ крылъ;
Другихъ, не своего терзанія боялся,
Чтобъ крови токъ сыновъ предъ нимъ не проливался.

Въ отчаяньи, въ тоскѣ, въ стенаніи, безъ сна,
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣдность
Изображали вдругъ насиліе и бѣдность.
Злодѣйской вольностью плѣненная Москва
Казалась въ пропасти погребена жива.
Какъ неусыпной червь тоска всѣмъ грызла груди,
Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали люди.
Вездѣ тревогу бьютъ. Мятежнической крикъ ,
Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ достигъ.
Рыканья звѣрскія неистово возносятъ,
Нарышкина на смерть ярясь Ивана просятъ.
Грозятъ, что скоро всѣхъ постигнетъ строгій рокъ,
Прольется по Москвѣ и слезъ и крови токъ.
Но не дошла еще нещастнаго година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду изъ Кремля разсыпался мятежъ:
Въ рядахъ, въ домахъ, въ церьквахъ насильство и грабежъ.

Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,
И къ расхищенію богатства устремилась.
Презрѣніе святынь, позоръ почтенныхъ лицъ.
Укоры знатныхъ женъ, ругательства дѣвицъ,
Лишеніе всего богатства превышали:
Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превосходитъ всѣ печали.

Коль вечера сего благословенъ былъ мракъ,
Что буйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ!
Уже отяготясь весь день питьемъ излишнимъ
И изъ нещастливыхъ домовъ богатствомъ хищнымъ,
Шатаются, спѣшатъ своихъ достигнуть норъ.
Градски врата блюдетъ ихъ стража и запоръ.

Царевна усмотрѣвъ, что время протекаетъ,
А умыселъ ея конца не достигаетъ,
Стрѣльцамъ назавтрѣе велѣла приступать,
И наглость съ ковомъ злымъ начавъ соединять,
Къ Царицѣ шлетъ большихъ Бояръ для уговору,
Чтобъ брата и отца стрѣльцамъ дала безъ спору:

„Уже чинятъ приступъ ко красному крыльцу:
„Безъ выдачи не быть смятенія концу.
Для уваженія въ совѣтѣ словъ Боярскихъ
Представила особъ опасность Государскихъ.
Нарочно яко бы для утоленья зла
Сама въ родившія Меня чертогъ пришла.
„Для собственной Твоей и для Дѣтей избавы
Свирѣпы укроти стрѣльцовъ сказала, нравы,
„Спаси Себя и ихъ опасность отложи,
„И брата и отца для миру покажи.
„Здѣсь домъ Спасителевъ, защита есть велика.
„Кто смѣетъ ихъ отнять отъ Божескаго лика?

Послѣдуя судьбѣ и льстивымъ столь словамъ,
Изъ потаенныхъ мѣстъ Нарышкинъ входитъ въ храмъ.
Въ слезахъ святый олтарь цѣлуетъ и объемлетъ,
И службѣ Божїей усерднымъ духомъ внемлетъ,
Готовится принять страдальческїй конецъ.
„Невинность, говоритъ, разсудитъ самъ Творецъ.
Тутъ руки Матерь Моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданїемъ Свою прерывала рѣчь:
Изсякнувъ не могли ужъ слезы больше течь.
„Для отческой къ тебѣ, супружней Мнѣ любови
„Не проливай еще Моей невинной крови.
„Представь, что сей по мнѣ и Алексѣю братъ,
„И дядя и отецъ его оставшихъ чадъ.
Софїя слѣдовать велѣла за собою.
Нарышкину къ стрѣльцамъ, поднявъ его рукою.
Съ притворной жалостью. Царица отъ тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Какъ волки хищные на Агнца наскочили,
Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили;
Презрѣвъ Царицыныхъ и власть и святость рукъ,
Безчестно за власы влекутъ на горесть мукъ.
Межъ тѣмъ сестра себя предъ чернью извиняла,
Что братьевъ кровью сей отъ смерти избавляла.
Царица внѣ Себя не зная, что отецъ
Въ отсутствїе ея неволей сталъ чернецъ,
Полуумершимъ въ слѣдъ на брата смотритъ взоромъ,
Терпящаго толь зло мученїе съ позоромъ.
Нещастнаго на торгъ злодѣи привлекли:
И ложны клеветы, оставя стыдъ, взвели,
Что будто по своей онъ безразсудной страсти
Монаршеской искалъ продерзостїю власти.

Безъ доказателей по томъ его терзавъ,
На копья подняли, и кинули стремглавъ;
Отсѣкли варварски и руки и главу.
По злости слышатъ всѣ въ народѣ ужъ молву,
Тамъ вѣрные рабы преступникамъ грозили:
„Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.
„Васъ мстительный пожретъ неукоснѣнно мечь,
„И крови какъ водѣ достойно вашей течь.
„Начала только ждемъ: велика вся Россія,
„Исторгнетъ корень вашъ за возмущенья злыя.
Стрѣльцы хотя рабамъ сулили дать свободу,
И крѣпости подравъ, сказали то народу,
Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.
Уже уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ,
Свирѣпость праздникомъ всеобщимъ окончали:
На царство брата вдругъ со Мною увѣнчали.
Софія воздала преступнымъ мзду и честь,
И грамоты Москвой на злыхъ главахъ пронесть
Велѣла въ торжествѣ, чтобъ скрыть свой замѣи:
Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи.
Побитыхъ имена читались на столпахъ
И вѣрнымъ Отечеству въ сердца вливали страхъ.

Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укротился
И Я въ спокойствіи къ наукамъ обратился,
Искалъ, гдѣ знанія сіяетъ ясно лучь,
Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ тучь
Отъ суевѣрія и грубости восходитъ,
И видомъ святости сугубой страхъ наводитъ.
Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ
И пустосвятъ злодѣй, его сообщникъ думъ.
Невѣжество почетъ за святость старой вѣры,
Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры:

Хованской съ сыновми и Мой и церькви врагъ,
Не устыдился быть въ совѣтѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капитоновъ,
Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.
О церьковь! о святынь исполненный олтарь!
О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злобна тварь!
Не можно ихъ почесть въ сообществѣ словесныхъ,
Что смыслъ и совѣсть ихъ и честь въ предѣлахъ тѣсныхъ.

Приноситъ службы долгъ мужъ святъ Іоакимъ,
Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
Къ лицу Святителя для вреднаго раздора,
Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
Когда отъ дерзости ихъ кротко отвращалъ
И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщалъ,
Ты волкъ, ты хищникъ злой, безстыдно съ шумомъ лаютъ,
И каменьемъ въ него и въ клиръ его бросаютъ.
Отъ наглыхъ Патріархъ тогда еретиковъ
Къ Монархамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ.

СОКРАЩЕНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Отъ Бѣлаго моря путешествуя ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ къ Шлиссельбургу черезъ Олонецъ, осматриваетъ горы, и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣряется основать заводы, чтобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предпріемлемому строенію новаго великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невою впредь великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осадѣ окружена новыми его войсками, и огнестрѣльными орудіями приведена въ крайнее утѣсненіе. Женской полъ присылаютъ изъ города просить о выпускѣ; на что отказано: Россійское де войско не за тѣмъ городъ обступило, чтобы женъ разлучить съ мужьями. Между тѣмъ по учиненному приготовленію данъ знакъ къ приступу. Мужественному и сильному нападенію непріятель противится весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣстницы коротки, и Шведы обороняясь храбро, причиняютъ немалой вредъ Россіянамъ, послалъ съ указомъ отступить назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣстницами наступленіе учинить благополучнѣе. Посланному главной предводитель на приступѣ Князь Голицынъ отвѣтствовалъ: что уже большая трудность преодолѣна; а естьли снова приступъ начинать, то больше людей потерять должно. Послѣ того вскорѣ чиненымъ разорванымъ бревномъ сброшенъ, съ приступной лѣстницы упалъ за мертво на землю. Между тѣмъ почти безъ предводительства Россіяне на городъ стали всходить, и Шведы спасенія отчаясь, подаютъ знакъ къ сдачѣ. По вступленіи оныхъ, выпущены изъ города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

ПЕТРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О войско славное, потомки тѣхъ Героевъ,
Что слѣдуя *Петру* по жатвѣ многихъ боевъ,
Торжественные въ вѣкъ приобрѣли вѣнцы,
Отечество въ земны прославили концы!
Я вашимъ мужествомъ въ трудѣ семъ ободряюсь,
И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь.
Воюйте щастливо, сравните честь свою
Со предковъ похвалой, которую пою.
Военны подвиги *Петровы* начинаю,
Въ отцахъ и въ дѣдахъ вамъ примѣры представляю.
Неустрашимость ихъ изобразитъ мой гласъ,
Что чувствуете вы наслѣдственную въ васъ.
Ступая мужески въ похвальные ихъ слѣды,
Монархинѣ своей приносите побѣды,
Гдѣ вашъ оружный звукъ восходитъ до небесъ
И по путямъ вездѣ растетъ лавровой лѣсъ.
Тамъ Нѣменъ съ Преглою, тамъ Висла, Одра, Шпрея,
Живое вашихъ дѣлъ мечтаніе имѣя,
Текутъ съ почтеніемъ, какъ при *Петрѣ* текли,
Гдѣ съ трепетомъ Его встрѣчали Короли.
И рѣки и поля вамъ къ вѣчной славѣ двери
Отверзли, чувствуя Его въ Великой Дщери.
Противныя страны геройствомъ и трудомъ
Вы въ собственной себѣ преобратили домъ.
И солнце къ намъ спѣша въ обратной колесницѣ
Готовитъ новой блескъ Россійской багряницѣ:

Чтобъ нашей радостью украсить новый годъ,
Вторично угобзить успѣхами походъ.
Дыханья нѣжныя рожденныя весною
Повьютъ, бодрому споспѣшествуя строю;
Прохладная роса отъ благовонныхъ травъ
Къ отрадѣ вамъ прольетъ обиліе забавъ.
Богатые плоды въ дни лѣтніе пожните,
Монархинѣ своей сторичны принесите.
Завистникамъ своимъ не оставляйте зернъ;
Оставьте плевы имъ, сухой тростникъ и тернъ;
Чтобъ чувствуя въ груди явленіе ихъ злоба
Несноснѣе почла затворовъ мрачныхъ гроба;
Чтобъ гордостью своей наказанный Берлинъ
Для безпокойства царствъ не умышлялъ причинъ,
И помнилъ бы, что *Петръ* ему былъ оборона:
Его десницею удержана корона,
Чѣмъ нынѣ красится среди земныхъ Владыкъ:
Великимъ онъ *Петромъ* на свѣтѣ сталъ великъ.
Всѣхъ нынѣ дѣлъ Его имѣетъ Дщерь наслѣдство.
Пусть Карловыхъ онъ дней себѣ представитъ бѣдство.
О коль бы въ жизни я благополученъ былъ,
Когда бы дѣйствіе усердныхъ вашихъ силъ
Изобразивъ въ водахъ прохладной Ипокрены,
Воспѣлъ съ подвижники *Петровыми* сравненны,
Елисаветинымъ пѣвцемъ бы сталъ побѣдъ:
Но нынѣ трудъ *Петровъ* къ себѣ мой духъ влечетъ.

Гдѣ Ладога въ Неву вливаетъ быстры воды,
Стѣною огражденъ тутъ островъ въ древни годы.
Россійска сей оплотъ поставила рука.
Съ негодованіемъ шумѣла вкругъ рѣка:
Что проливалася въ чужую власть насильно;
Спасенна нынѣ къ намъ несетъ дары обильно.

Во влагѣ начерталъ Петрова града видъ,
Что краситъ Дщерь Его, покоитъ и живитъ.
Блаженныя струи брегъ тукомъ напаяютъ,
Прохладной влагой всю окрестность ободряютъ,
Защитникамъ своимъ похвальной внемлютъ стихъ,
Всю тягость позабывъ отверженныхъ веригъ.

Въ нещастьѣ нѣкогда Россія утомленна
Вечернихъ сихъ бреговъ крушилася лишенна,
Какъ Готскіе полки для помощи пришедъ,
Въ противность нанесли странамъ Россійскимъ вредъ;
Какъ тягость силъ своихъ Москву повергла къ низу;
Дряхлѣя, сѣтуя, одѣлась въ мрачну ризу.
Лишенна красоты Монаршаго вѣнца,
Злощастью своему не видѣла конца.
Измѣна, зависть, злость, раздоръ, братоубивство,
Преобратили все въ погибель, въ кровопивство,
Изчезло истинныхъ раченіе похвалъ,
Вездѣ свирѣпый рокъ отечество терзалъ;
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
Смотря на праотцевъ на славну Россовъ древность,
Пресѣкла наконецъ побѣдою напасть,
И обществомъ дана *Петрову* Дѣду власть.
Младый Монархъ во градъ поверженный приходитъ
И на развалины плачевный взоръ возводитъ.
Отрада Россовъ всѣхъ по скорби *Михаилъ*,
О какъ крушился Ты рыдалъ, и слезы лилъ!
Что мыслилъ Ты ступивъ на высоту престола
Стоящаго среди плачевнаго всѣмъ дола?
Тамъ храмовъ Божіихъ старинный трудъ верхи
По стогнамъ и по рвамъ повергнули враги.
Еще возходитъ дымъ отъ хищнаго пожара,
И воздухъ огустѣлъ отъ побіенныхъ пара.

На торжищахъ пустыхъ поросъ колючей тернъ,
Печальной Кремль стоитъ окровавленъ и чернъ.
Чертоги Царскіе, церковныя святыни
Подобно сѣтуютъ, какъ скучныя пустыни.
О горесть! но Твоя великая душа
Въ геройской младости утѣшить насъ спѣша,
Присудствомъ и трудомъ печальнымъ ободряетъ,
Отечество изъ безднъ глубокихъ воздвигаетъ.
Къ пріумноженію благословенныхъ дней
Наслѣдовалъ Тебѣ подобный *Алексѣй*.
Онъ Россамъ возвратилъ старинное наслѣдство,
Злодѣевъ истребилъ и усмирилъ сосѣдство.
Обратно пріобрѣсть вечернія страны,
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Орѣховецъ стѣсняется въ осадѣ,
И въ каменной крѣпясь противится громадѣ,
Россійскимъ воинствомъ отвсюду окруженъ:
Но Готской гордостью въ надеждѣ вознесенъ,
На бреги, на валы на множество взираетъ
И видя новые полки пренебрегаетъ.
Къ пособству призывать старается съ границъ
Поставивъ знамена на высотѣ стрѣльницъ.
Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла
Къ осаднымъ на судахъ притти не укоснѣла.
Прибывшимъ воинствомъ противникъ подкрѣпленъ,
И пищей и ружьемъ избыточно снабдѣнъ
Всѣ мысли устремилъ къ жестокому отпору,
Надѣясь получить отъ Карла помочь скору.
Монархъ нашъ преходя Онежскихъ крутость горъ,
Свой проницательной кругомъ возводитъ взоръ,
И видя, что изъ нихъ изшедшіе потоки
Несутъ изъ крутизны металлически соки,

Богатства, здравія, являются ключи:
Блестятъ изъ мрачныхъ мѣстъ сокровищей лучи:
Сказалъ „ты можешь мнѣ произвести, Россія,
„Цѣлебны влажности и жилы золотыя.
„Но нынѣ для твоей безсмертной похвалы
„Спѣшу противъ враговъ чрезъ горы и валы:
„Желѣзо мнѣ пролей, разженной токи мѣди:
„Пусть мочь твою и жаръ почувствуютъ сосѣди,
„И вспомнятъ, сколько намъ произвели обидъ.„
Надежной ревностью блисталъ Геройской видъ.

Принесши плодъ земля, лишилась лѣтней нѣги;
Разносятъ блѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги
Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей,
Дожди и снѣгъ и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей,
Наводитъ на воду глубокія морщины:
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водой на берегъ илъ.
Волнами свержены встрѣчаютъ гору волны
И скачутъ кругъ нея печальныхъ знаковъ полны:
Между запасами колеблется тамъ дубъ,
Между снарядами пловцевъ Россійскихъ трупъ.
Тамъ кормы, дна судовъ, разсыпаны, разбиты.
Монархъ узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый
Вздохнулъ изъ глубины и бурѣ запрещалъ,
И въ сердцѣ положилъ великій трудъ Каналъ;
Дабы Россійскою могущею рукою
Потоки Волхова соединить съ Невою.

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны,
Ликуйте тщаніемъ *Петровымъ* сопряженны!

Струями по томужъ играючи песку,
Забудьше древнюю другъ о другѣ тоску;
Вливайте вы себѣ взаимную отраду,
Благодаря, плоды къ Его носите граду.

На свой, ты Волховъ, рокъ негодовалъ въ пути,
Что не въ Неву тебѣ, но въ Ладогу итти
Судьбой поставлено, и бурями терзаться,
И силы потерявъ едва въ нее вливаться.
Коль часто ты вздыхалъ, чтобъ вкупѣ завивать
Струи и въ морѣ вдругъ теченіе начать.
Ты выше береговъ смущаясь поднимался,
То подъ землей сыскать ходъ тайной покушался,
Вездѣ противъ любви поставленъ былъ оплотъ:
Не могъ ты одолѣть ни хлябей, ни высотъ,
Пока Великій *Петръ* презрѣвъ упругость рока,
Тебѣ далъ путь, и намъ довольство отъ востока.

Онъ окомъ и умомъ въ округъ мѣстà обшедъ,
Избранные полкѝ къ Орѣховцу ведетъ.
Животворящему Его прихода слуху
Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ:
Примѣръ изображенъ тутъ Ольговыхъ чудесъ.
Предъ Цареградскими высокими стѣнами
Онъ по полю въ ладьяхъ стремился парусами.
Здѣсь вмѣсто вѣтра былъ усердый нашихъ духъ,
И вмѣсто парусовъ спряженны силы вдругъ.
Ужѐ судà ходя по собственной стихіи,
На Шведской брегъ везутъ защитниковъ Россіи:
Тамъ тысяща мужей преправясь чрезъ Неву,
Надежду подаютъ къ побѣдамъ, къ торжеству.

На

На ровъ, на валъ бѣгутъ врагами укрѣпленны:
Даются Шведы въ бѣгъ отъ Россовъ устрашенны.
И Шереметевъ ставъ наономъ берегу,
Отвсюду заперъ путь къ спасенїю врагу
Ужѐ къ начальнику подъ крѣпость посылаетъ,
Свободной выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаетъ:
Что имъ противъ *Петра* не можно будетъ стать,
Напрасно кровь хотятъ отвсюду проливать,
И здача города не будетъ имъ зазорна.
Но Готвы, помощи надѣяся отъ Горна,
Сказали: отъ него приказу къ здачѣ ждутъ.
На лживой ихъ отвѣтъ громады вдругъ ревутъ,
Пылаютъ всѣхъ сердца̀ присутствїемъ разженны,
Отъ силъ ихъ потряслись упорства полны стѣны,
Обширность воздуха куренїю тѣсна,
И влажная огнемъ покрыта быстрина.
Гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣпый,
Пылая зелїе желѣзны рветъ заклепы
Представь себѣ въ примѣръ стихїй ужасный споръ;
Какъ внутренность кипитъ возпламененныхъ горъ,
Дымъ, пепелъ и смола полдневну ясность кроютъ,
И выше облаковъ разженны холмы воютъ,
Трѣщатъ разсѣдавшись во облачной водѣ,
Сугубятъ громъ и страхъ сражаясь въ высотѣ,
Грознѣе какъ въ земномъ ярились прежде чревѣ.
Въ такомъ трясенїи, во пламени и ревѣ
Стоитъ отчаявшись противу Росса Шведъ,
Въ ничто вмѣняетъ кровь и презираетъ вредъ!
Однако въ пагубѣ, въ смятенїи великомъ,
Подвигнутъ женскимъ былъ рыданїемъ и крикомъ:
Растрепанны власы и мертвость блѣдныхъ лицъ,
И со младенцами повергшїяся ницъ

Мужей къ смягченію Россіянъ преклоняютъ.
Ужѐ изъ крѣпости съ мольбою присылаютъ:
„Избавьте отъ страстей, отъ бѣдства слабыхъ женъ,
„И духъ вашъ на мущинъ пусть будетъ изощренъ.
„Изъ нужной тѣсноты дозвольте имъ свободу;
„Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.
Отъ предводителя осады данъ отвѣтъ,
Что толь свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ;
Между супругами не учинятъ разлуки;
Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ избавтесь муки.
Съ отказомъ зашумѣлъ изъ жаркихъ тучей градъ,
Перуны Россіе и блещутъ и разятъ.
Напрасно изъ дали противны подъѣжжаютъ
Осадныхъ выручать: ни въ чемъ не успѣваютъ.
Готовится вездѣ кровопролитной бой
И островъ близъ враговъ подъ нашей сталъ пятой.
Пріемлетъ лѣствицы охотная дружина;
Передъ очами ихъ побѣда и кончина.
Инымъ летучей мостъ къ теченію готовъ;
Иные знака ждутъ межъ Ладожскихъ валовъ.
Дивятся изъ дали въ стѣнахъ градскихъ пожару,
Призывнаго на брань не слышавши удару.

Какъ туча грозная вися надъ головой,
Надута пламенемъ сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
Отъемлетъ почернѣвъ путь дневному свѣтилу,
Внезапно разродясь стѣсняетъ громомъ слухъ,
И воздухъ двигаясь въ груди стѣсняетъ духъ;
Сугубятъ долы звукъ и пропасти глубоки,
И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревутъ потоки:
Земля, вода, лѣса поколебались такъ,
Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ поданъ знакъ,

И Ладога на днѣ во глубинахъ завыла.
Стоящая на ней самоизвольна сила
Удара и часа урочнаго дождавъ,
Спѣшитъ на подвигъ свой, на положенье главъ;
Имъ къ разнымъ путь смертямъ теченіе прекрасно.
Представь себѣ, мой духъ, позорище ужасно!
Отъ веселъ шумъ и скрыпъ, свистъ ядръ, и махинъ ревъ
Гласятъ противникамъ *Петровъ* и Божій гнѣвъ.
Они упрямствомъ злымъ еще ожесточенны
Покрывъ смертельными орудіями стѣны,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Какъ вихри сильные стѣсненные грозою,
Полки Россійскіе сперлися предъ стѣною.
Къ приступу Карповъ вождь Преображенскихъ силъ
Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смерть вкусилъ.
Свинцомъ лежитъ пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,
Віючись далъ знать съ душей и съ храбростью разлуку.

Сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканіе мечей
Вперяетъ бодрыхъ *Петръ* вниманіе очей,
И лѣствицъ краткость зритъ поставленныхъ къ восходу,
Въ приступѣ Своему губительну народу:
Не могутъ храбрые стѣнъ верху досягнуть,
И тщетно вѣрную противнымъ ставятъ грудь
Стремяся отвратить раженіе ихъ встрѣчно.
О коль велико въ Немъ движеніе сердечно!
Геройско ревніе, досада, гнѣвъ и жаль
И для погибели удалыхъ главъ печаль!
Смотря на воинства упадокъ безполезный,
Къ стоящимъ близъ Себя возвелъ зѣницы слезны:
„Что всуе добрыхъ Мнѣ, сказалъ, сыновъ губить?
„Голицыну спѣша, велите отступить.

При-

Примѣромъ показалъ Монархъ намъ, что Герои
Не радостїю чтутъ кровопролитны бои;
И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбенъ слѣдъ.
Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряютъ,
И лѣствицъ мужествомъ коротокость дополняютъ.
Голицынъ пламенемъ отвсюду круженъ,
Сказалъ: ,,мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
,,Чрезъ отступленїе отъ крѣпости обратно
,,Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно.
,,И естьли Государь желаетъ городъ взять;
,,Позволилъ бы намъ бой начатый окончать.
Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ:
,,Безчестенъ въ свѣтѣ вамъ и смертенъ здѣсь возвратъ;
,,Преславно торжество, конецъ вашъ будетъ святъ:
,,Дерзайте мужествомъ отечество прославить,
,,Монарха своего побѣдою поздравить.
На копья, на мечи, на ярость супостатъ,
На очевидну смерть Россїяне летятъ.
Противники огнемъ разятъ и влажнымъ варомъ,
Желѣзомъ, камнями, всѣхъ тягостей ударомъ.
На предводителя поверженно бревно
Свирѣпымъ зелїемъ упало разжено.
Онъ сринутъ поблѣднѣлъ межъ трупами бездушныхъ,
И томнымъ окомъ зритъ оружниковъ послушныхъ;
Еще старается дать къ твердости приказъ,
Еще пресѣченной болѣзнью нудитъ гласъ.
Ревнители его и слову и примѣру,
Держа въ умѣ Царя, отечество и вѣру,
Какъ волны на крутой тѣснятся дружно брегъ;
Вспященный крутизной возобновляютъ бѣгъ,

До

До прежней вышины отъ низу вставъ ярятся,
И скачущихъ верьхи кудрявые крутятся,
Старинныхъ корни древъ и тяжки камни рвутъ.
Съ обѣихъ сторонъ сталъ, сомнѣнный рока судъ.

Межъ тѣмъ ревнительны сердца къ звѣздамъ возходятъ,
Святаго съ горнихъ мѣстъ Героя въ мысль приводятъ.
Поборникъ Александръ издревле сихъ бреговъ
Зритъ грозно ополченъ надъ ними на враговъ.
Ужѐ высокїй всходъ съ землей быть мнится равенъ,
И Ярославовъ сынъ среди зарей преславенъ,
Являя сродный зракъ *Великаго Петра*,
Оружїемъ звучитъ чистѣйшимъ серебра,
Святою силою противныхъ устрашаетъ,
Россїянъ важностью десницы укрѣпляетъ.
Защиту древнюю отъ сильнаго плеча,
Броней, копья, щита и шлема и меча
Возпомянувъ мѣста веселый плескъ воздвигли,
Что избавленїя желаннаго достигли,
Достигли наконецъ желанныхъ тѣхъ временъ,
Что паки Александръ для нихъ вооруженъ.

Въ священной дерзости то представляетъ воинъ,
По мыслямъ, по дѣламъ безсмертїя достоинъ,
Высокъ усердїемъ, надеждою легокъ,
Чрезъ мертвыя тѣла на свой ступаетъ рокъ.
По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ
И по волненїяхъ противныхъ и способныхъ
Взливается на стѣнъ кровавыхъ высоту,
Наводитъ на враговъ боязнь и тѣсноту.
Наполнился весь градъ рыданїя и плача.

Ужѐ не Нарвская, о Готы, вамъ удача:
Не мѣстничество здѣсь и не сплошной Крой,
Не старой брани видъ, не безъ порядка строй;

Великій правитъ *Петръ* рожденное имъ войско,
И Шереметева раченіе Геройско
Отмщеньемъ дышущихъ бодритъ напоръ сердецъ.
Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецъ,
Вы неизбѣжну смерть покорствомъ предварили,
И бѣлой къ сдачѣ знакъ по вѣтру распустили.

Умолкнулъ грозный звукъ со обоихъ сторонъ;
Лишь слышенъ раненыхъ плачевный вой и стонъ.
Вандалы выпуску съ военной честью просятъ,
И городскихъ воротъ ключи *Петру* приносятъ,
На Побѣдителя въ восторгѣ взводятъ взоръ,
И укрѣпляютъ свой о сдачѣ договоръ.
Коль радостная тамъ, коль красная премѣна!
Ужь вѣютъ на стѣнахъ Россійскія знамена,
Изображаются, Нева, въ твоихъ струяхъ,
Тимпановъ мирный шумъ при радостныхъ трубахъ
Забыть велитъ сердцамъ минувшихъ тучей громы;
И Шведы тщатся въ путь въ свои достигнуть домы.

Обычай воины изъ древнихъ лѣтъ хранятъ,
Чтобъ храбрыхъ почитать по сдачѣ сопостатъ:
Признаки мужества въ рукахъ ихъ оставляютъ,
И славу тѣмъ своей побѣды уважаютъ.
Побѣдоносецъ нашъ жаръ сердца отложилъ,
И первый кротостью успѣхъ свой посвятилъ:
Снабдилъ противниковъ къ отшествію судами.
Оставивъ стѣну зрятъ прискорбными очами.
Распущены на вѣтръ знамена; трубный шумъ
Печальной радостью тѣснятъ ихъ вольной умъ.
На волю имъ пути прискорбны, стѣнъ проломы,
Что отворили имъ изъ рукъ Россійскихъ громы.

По

По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.

Въ отечестве сказать сей случай поспешайте,
И побежденны быть от Россов привыкайте.
Скажите ваш домой почтительный возврат,
Что выпущены вы пространством новых врат.
И Карлу вашему победу возвестите,
Что *Петр* Отечеству и къ славе и къ защите
Над вами получив, наследство возвратил,
И ближе къ Швеции простер шум орлих крил.
Пускай въ Германии Герой ваш успевает,
Отверсты городы свободно протекает,
Въ рожденной щастием кичливости своей
Низводит съ высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит как буйный ветр къ востоку,
И приближается къ предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать:
Не спорит меж собой, развратна прежде рать;
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят въ полках единодушны.
Движением Своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову:
Карл пышностью своей возвысит честь *Петрову*.

Разливы Невские на устиях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят,
Там Нимфы по брегам въ веселии ликуют,
И въ осень Зефиры между древами дуют;
Вменяя, что лице земное разцвело.
Тогда возвел Монарх веселое чело,
Къ начальникам Своим победоносных ратных,
Что видит въ целости другов своих обратных

Отрада всѣхъ живитъ, стократно выше бѣдствъ.
Отвсюду слышенъ гласъ желаній и привѣтствъ:
„Уже намъ, Государь, Твоими въ западъ персты
„Врата для подвиговъ торжественныхъ отверсты;
„И промыслъ далъ Тебѣ земли и моря ключь:
„По ихъ обширности разпростирай Свой лучь.
„Намъ сносны всѣ труды и не ужасны смерти,
„Лишь только бы Твоихъ враговъ гордыню стерти,
„Отечеству подать довольство, честь, покой.
„И просвѣтишь народъ, какъ духъ желаетъ Твой.
Усерднымъ толь рѣчамъ *Петръ* радостно внимаетъ;
Но къ городскимъ стѣнамъ приближась воздыхаетъ:
Смотря на разныя поверженія тѣлъ,
Кому какъ умереть предписанъ былъ предѣлъ;
Прощается у нихъ печальными устами:
„О други вѣрные, я вашими кровями
„И общихъ и Своихъ преодолѣвъ враговъ:
„Небесныхъ радуйтесь сподобившись вѣнцовъ.
„Примѣромъ съ высоты другимъ по васъ сіяйте,
„И мужество въ сердца полкамъ Моимъ вливайте.
Рыданіе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,
И маніемъ далъ знакъ къ сокрытію костей.

Чрезъ стѣны проходя отъ древности наслѣдны,
Что были долго намъ отъ межъусобства вредны,
Онъ окомъ облетѣлъ преодолѣнный градъ;
Разсматриваетъ Самъ все множество громадъ.
Между различными едина изваянна
Великимъ именемъ являетъ Іоанна,
Сей бодрый Государь въ Россію первый ввелъ
На бряняхъ новый страхъ земныхъ громовыхъ стрѣлъ.
Неслыханны предъ тѣмъ и сильные удары
Почувствовавъ отъ насъ вротивъ себя Татары,

Во вѣкъ отчаялись надъ Россами побѣдъ:
Скончался съ гордостью Ордынскою Ахметъ.
Сїе старинное орудїе военно
Въ смущенны времена осталося плѣненно.
На выгоды свои, на знаки нашихъ бѣдъ
Смотря съ веселїемъ тогда гордился Шведъ.
Теперь противъ него обратно пусть пылаютъ,
И вмѣсто радости во брани устрашаютъ.
Коль многи тягости оружїй роковыхъ,
Что въ приступленїи вредили насъ и ихъ,
Лежатъ по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,
Наметанные тамъ изъ грозной Россовъ тучи.
Межъ цѣлыми число разсѣдшихся громадъ,
Что выше силъ своихъ на насъ пускали градъ.
Тамъ потрясенный домъ на домъ другой склонился,
Иной на улицу поверженъ разрушился.
По всходамъ, по стѣнамъ, по кровлямъ угли, прáхъ.
Показываютъ видъ, каковъ былъ самой страхъ.

О смертные, на что вы смертїю спѣшите?
Что прежде времени вы другъ друга губите?
Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны путей?
Вездѣ насъ тянетъ рокъ насильствомъ злыхъ когтей!
Коль многи вышедши изъ матерней темницы,
Отходятъ въ тотъ же часъ въ мракъ черныя гробницы!
Иной усмѣшкою отца повеселилъ,
И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки затворилъ.
Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзаетъ сердце смерть и подсѣкаетъ ноги.
Въ срединѣ лутчихъ лѣтъ иной устроивъ домъ,
Спокойнымъ говоритъ, льстясь здравъ пребыть, умомъ:
Отнынѣ поживу, и наслаждусь трудами;
Но часъ послѣдней былъ, скончался со словами.

Коль многи обстоятъ болѣзни и бѣды,
Которымъ, человѣкъ, всегда подверженъ ты!
Кромѣ что немощи, печали внутрь терзаютъ,
Извнѣ коль многія напасти окружаютъ.
Потопы, бури, моръ, отравы, вредный гадъ,
Трясеніе землѝ, свирѣпы звѣри, гладъ,
Паденіе домовъ, и жрущіе пожары,
И градъ и молніи гремящіе удары.
Болота, ледъ, пески, земля, вода и лѣсъ
Войну съ тобой ведутъ, и высота небе́съ.
Еще ли ты войной, ещель не утомился,
И самъ противъ себя во вѣкъ вооружился?
Но оправдалъ тебя военнымъ дѣломъ *Петръ*.
Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
При томъ и мечь простеръ и на морѣ и въ полѣ.
Сомнительно, чѣмъ Онъ, войной иль миромъ болѣ.
Другіе въ чести храмъ рвались чрезъ ту вступить.
Но ею онъ желалъ Россію просвѣтить.
Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщеній;
Не можетъ свѣтъ стоять безъ сильныхъ вооруженій.
На устіяхъ Невы его военный звукъ.
Соорудилъ сей градъ, воздвигнулъ храмъ наукъ;
И зданій красота, что нынѣ возрастаетъ,
Въ оружіи свое начало признаваетъ.

Посмотримъ мысленно на прежни времена;
Народамъ первенство даетъ вездѣ война.
Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаетъ
И храбрыхъ мышцею роститъ и украшаетъ.
Оружіе дано природою звѣрямъ;
Готовить хитростью судьба велѣла намъ.
Народы дикіе не знаючи науки
Воюютъ пращами и напрягаютъ луки.

Открой мнѣ бытїя, о древность, времена;
Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Тебѣ ихъ бытїе извѣстно все единой.
Что приращенїю оружїя причиной?
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура мать:
Въ тебѣ я знанїя и въ оной тщусь искать.

Ужѐ далече зрю въ куренїи и мракѣ
Нагова тѣла видъ неявственный въ призракѣ.
Простерлась въ облака великая глава
И ударяютъ въ слухъ прерывныя слова̀:
Такъ должно древности простой быть и неясной
Съ народомъ нагошой, съ нещанїемъ согласной!

Велитъ „ты зрѣнїе по свѣту обведи,
„По мѣстъ различности и вѣки разсуди,
„И мысльми обратишь на новые народы:
„(Простерла руку въ даль изъ облаковъ чрезъ воды)
„Тамъ вмѣсто знанїя военныхъ всѣхъ наукъ,
„Довольна мнится быть едина твердость рукъ;
„Тамъ знаютъ напрячись колѣномъ и бедрою,
„Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ есть къ бою,
„Иные камни взявъ съ земли другъ друга бьютъ;
„Сломивъ уразину нагїе члены рвутъ.
„Дреколїя концы огнемъ тамъ прижигаютъ,
„И заостривши ихъ противниковъ пронзаютъ.
„Тамъ тучи страшныя на воздуха предѣлъ
„Терновыхъ, костяныхъ, желѣзныхъ воютъ стрѣлъ.
„При накрахъ движутъ духъ свирѣли, барабаны,
„И новость стѣнъ трясутъ пороки и тараны,
„Но индѣ съ ужасомъ трудолюбивой умъ
„Услышалъ для войны огня приличной шумъ;

Европа тѣмъ гремитъ сама въ себѣ пылая,
Коль часто фурія свирѣпствуетъ въ ней злая!
Кровавая война отъ вѣка такъ течетъ,
Такъ хитрость бранная отъ первыхъ дней растетъ.
Рокъ кровью присудилъ лице земли багровить;
Монархамъ надлежитъ оружіе готовить.
Вашъ *Петръ* за широту предѣловъ мечь простеръ;
Блаженству Росскому завиствующихъ стеръ.
И нынѣ Дщерь торжествъ безсмертность утверждаетъ,
Огней раженіе искуствомъ умножаетъ.
Елисаветины военныя дѣла̀
Какъ мирныя во вѣкъ вѣнчаетъ похвала.

Ужѐ Россіяне мѣстъ дряхлость очищаютъ,
И рухлость стѣнъ, стрѣльницъ, прилѣжно укрѣпляютъ,
Дабы лежащій градъ возсталъ и былъ готовъ,
Оружіе поднять и отвратить враговъ.
Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ Побѣдитель
Во градъ, гдѣ Праотцы, и храбрый гдѣ Родитель
Оставили своихъ заслугъ великихъ знакъ.
Коль радостенъ тамъ былъ Москвы священный зракъ.

Но муза помолчи, помедли до̀ трофеевъ,
Что взяты отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:
Безмѣрно больше трудъ на предки настоитъ;
Тогда представь сея Богини свѣтлый видъ.

ТАМИРА И СЕЛИМЪ

ТРАГЕДІЯ

Въ пяти дѣйствіяхъ.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная погибель гордаго Мамая Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской Исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьми своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаево на Россію, Муметъ Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичь Багдатскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Натолію посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдатское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметъ будучи осаженъ, и не имѣя довольныя силы къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дождаться обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МУМЕТЪ *Царь Крымскій.*

МАМАЙ *Царь Татарскій.*

ТАМИРА *Царевна Крымская дочь Муметова.*

СЕЛИМЪ *Царевичь Багдатскій.*

НАРСИМЪ *Царевичь Крымскій, братъ Тамиринъ.*

НАДИРЪ *Братъ Муметовъ.*

ЗАИСАНЪ *Визирь Муметовъ.*

КЛЕОНА *Мамка Тамирина.*

ДВА ВѢСТНИКА.

ВОИНЫ.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Которой съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился;
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной ночи
Закрыла отъ меня поля, его и строй.
Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой;
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:
Смущался мысльми сонъ, смущались мысли сномъ;
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,

Какъ

КакЪ вЪ перемирны дни скакалЪ передЪ стѣнами,
ИскусствомЪ всѣхЪ другихЪ и взоромЪ превышалЪ,
И стрѣлы пущены ужè подЪ облаками,
Направленными вЪ слѣдЪ стрѣлами разсѣкалЪ.

КЛЕОНА.

Багдатско воинство умножилось безЪ счота!
При всходѣ свѣтлыя я видѣла луны,
Что мосты и пути и городски ворóта
ПротивныхЪ силою вездѣ осажены.
Ночно молчанïе боязнь усубляло,
И слéзы по лицу блѣднѣющихЪ лились.

ТАМИРА.

Теперь сраженïе конечно ужЪ настало;
Клеона! посмотри и скоро возвратись.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА *одна.*

О какЪ смущенЪ мой духЪ! я знаю и заочно,
СелимЪ противу стѣнЪ стоитЪ напереди.
Боюсь, чтобЪ кто его не ранилЪ ненарочно,
И не вонзилЪ стрѣлы отЪ насЪ вЪ его груди!
Я ей не чаю быть такого кровопивца,
КтобЪ сЪ умыслу хотѣлЪ направить лукЪ вЪ него!
О небо, отврати свирѣпаго убивца,
И сокрушить не дай тѣмЪ сердца моего!
АхЪ! Что я дѣлаю? что вЪ мысли я имѣю?
Я тѣмЪ родителя и Бога прогнѣвлю,
Что общаго врага отечеству жалѣю!
НикакЪ СелимомЪ я плѣнилась и люблю?

ОднакЪ

Однакъ и безъ любви емуль желать мнѣ року?
Тотъ злою львицею въ пустыхъ горахъ рожденъ,
Кто видя съ младостью природу въ немъ высоку,
Къ жалѣнію по немъ не будетъ побужденъ.
Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его! отецъ, не онъ намъ супостатъ.
Онъ щастливъ, что ему есть въ старости замѣна.
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
О какъ волнуюсь я! какая внутрь борьба!
Теперь я признаю, что нѣкоторая сила
Неосторожной духъ уже взяла во власть,
И сердце нѣжное къ Селиму преклонила:
Къ нему я чувствуя въ себѣ любовну страсть!
Любовь меня влечетъ его смотрѣть на стѣны.
Куда? и какъ? Или на стрѣлы устремлюсь,
Что нынѣ противъ насъ шумятъ какъ градъ сгущенный?
Но я уязвлена; и стрѣлъ ужъ не боюсь.
Ахъ что терзаюсь я безчастная, не зная!
Селиму можетъ быть въ отечествѣ своемъ
Любима и любви залогъ взяла иная;
О чемъ крушуся я не разсудя, о чемъ?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тотъ противникъ нашъ, котораго люблю.
Однако гдѣ бы мнѣ видать его случилось?
Я время суетнымъ мечтаніемъ гублю.

Не

Не лучше ли просить отъ вѣрныя совѣту,
И способовъ скоряй къ отрадѣ мнѣ искать?
Однако ждать могу ль утѣшнаго отвѣту?
И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказать?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Престань себя смущать, дражайшая Царевна!
Какія вижу я премѣны на лицѣ!
Оставь боязнь: въ сей часъ минетъ судьбина гнѣвна;
Весь страхъ мнѣ кажется при самомъ быть концѣ.

ТАМИРА.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ супостаты,
И превратили страхъ въ отчаянну печаль?

КЛЕОНА.

Теперь всходила я въ высокія палаты,
И на Багдатскіе полки смотрѣла въ даль.

ТАМИРА.

Ты видѣла полки: ты видѣла Селима?

КЛЕОНА.

Я видѣла, что онъ отшолъ уже отъ стѣнъ,
И кажется, что прочь совсѣмъ идетъ отъ Крыма,
Невѣдомо какой причинной побужденъ;
Я чаю, утомясь, не хочетъ больше бою.

ТАМИРА.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ;
Или отецъ объятъ нечаянно войною,
И требуетъ себѣ его на по́мочь силъ.

Я

Я чаяла конца и по паденьѣ мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ оставшій прахъ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ.

КЛЕОНА.

Тотъ ужасъ миновалъ: военные снаряды
Противники входя на корабли несутъ,
Кафа избавилась отъ грозныя осады.
Что слёзы по лицу, дражайшая, текутъ?
Никакъ отъ радости? Однако воздыханья
И твой прискорбной взоръ иное кажутъ мнѣ.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обеспокоили младую мысль во снѣ?
Или враги въ ночномъ призракѣ побѣдили?
Никакъ представилось паденіе сихъ стѣнъ?
Что Крымски городы и сёла пусты были,
Что Царь и Домъ его былъ взятъ въ поносной плѣнъ?

ТАМИРА.

Ахъ естьлибъ то былъ сонъ, тобъ съ меракомъ разрушился!
Однако бы и сонъ такой меня плѣнилъ!

КЛЕОНА.

Или твой нѣжной духъ любовью уязвился?
Но ктоже бы тебя въ любви нынь уловилъ?
Скажи, Царевна! мнѣ; или тому быть можно,
Чтобъ тайны мнѣ твоей не должно было знать?

ТАМИРА.

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигдѣ не слыхано, и ужасно сказать!

КЛЕОНА.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье отложи,
И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,
Не обинуясь мнѣ тоску свою скажи.
Чѣмъ далѣе она въ закрытїи таится,
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея;
Но естьли объявишь, то можетъ утолится,
Иль быть умѣренна потомъ печаль твоя.

ТАМИРА.

Любезная моя и вѣрная Клеона!
Коль тяжко мучусь я?

КЛЕОНА.

О небо!

ТАМИРА.

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можетъ быть, своимъ . . . . .

КЛЕОНА.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать.

ТАМИРА.

То небо отврати! довольно что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона представляя,
Горю, и пламень мой гашенїемъ растетъ.
Не знаю что начать! скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлать мнѣ теперь; когда онъ прочь идетъ?

Уже

Ужѐ всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
И горы Крымскія отъ насъ изъ виду скрылись!
Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!
Уѣдетъ о моей любови не извѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!
За тѣмъ ли ты, Селимъ! казался мнѣ прелестенъ,
Чтобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхать?

КЛЕОНА.

Царевна ты тоску напрасно! умножаешь.
Послѣдуй моему совѣту и забудь
Пусты мечтанія, чѣмъ мысль отягощаешь,
И кровь кипящую къ спокойствію принудь.
Селимъ, я слышала о нѣжности не знаетъ,
Онъ въ полѣ только жить и на стану привыкъ,
За полное свое блаженство почитаетъ,
Когда оружной трескъ и въ войскѣ слышитъ крикъ,
Какъ стѣны падаютъ и городы дымятся,
Когда мечи блестятъ, течетъ по копьямъ кровь,
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться:
Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

ТАМИРА.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
Любовію горятъ нерѣдко и Герои;
Отъ ней избавиться не можно никому,
Кому любезнѣе сраженія и бои
И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?

Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хотя въ Россїйской край пошолъ вооруженъ,
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
Всѣ мысли клонитъ къ той, которой уязвленъ.
Возлюбленный мой братъ! когдабъ ты здѣсь былъ нынѣ,
То ябъ въ отчаяньи толикомъ не была;
Ты сдѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,
Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла.
Ты далъ бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ,
Или бы къ симъ его не допустилъ стѣнамъ;
И я бы не была въ мученьи нестерпимомъ,
Не показалъ такой прїятности очамъ.
Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю,
Въ которомъ варварство и гордость мнѣ гнусна,
Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
Ему вселенная къ владѣнїю тѣсна.
Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
Боюсь, чтобъ не постигъ такой его конецъ,
Что плачь бы произвелъ и нестроенье въ Крымѣ.

КЛЕОНА.

Царевна! вотъ идетъ дражайшїй твой отецъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, ТАМИРА и КЛЕОНА.

МУМЕТЪ.

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной миръ насталъ, возлюбленная дочь,
И утверждается надежное спокойство:
Въ союзъ со мной вступивъ, Селимъ отходитъ прочь.

Поста-

Поставленный сей миръ мнѣ больше тѣмъ пріятенъ,
Что выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ
Съ начала случай сей едва мнѣ былъ понятенъ,
Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
Однако нынѣ я причину вижу ясно,
За чѣмъ спѣшитъ въ союзъ со мной вступить Селимъ;
Ему прибытіе Нарсимово ужасно,
Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
Пришла, мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,
Что, Росская страна подверглась вся Мамаю,
И сынъ мой поспѣшитъ полки сюда привесть,
Сего дня лишь заря намъ свѣтъ предвозвѣстила,
Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
И вѣсть принесъ, что вся Ордынска къ бою сила
Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней;
Но Ольгъ Рязанскій Князь, и Князь Олгердъ Литовскій
Свой къ Мамаевымъ поставили полки,
И съ малымъ воинствомъ Димитрій Князь Московскій,
Противу стать дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.
Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
Съ свирѣпой яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ,
Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ восхититъ за собою,
И въ вихрь крутой завивъ возноситъ до небесъ,
И нивы на поляхъ окрестныхъ поядаетъ,
И села и кругъ нихъ растущіе плоды;
Надежды селянинъ лишившись оставляетъ
Ревущему огню вселѣтные труды.
Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
Противъ Димитрія Ордамъ летѣть велѣлъ,
И въ мужествѣ стремясь на полкъ противный яромъ,
Скакалъ съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи тѣлъ.

Россїйскїя въ крови повержены знамена,
И Князь Московскїй былъ отвсюду окруженъ,
И сила войскъ его слабѣла утѣсненна:
Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

ТАМИРА.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой! прїятно,
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;
Однако будетъ мнѣ утѣшнѣе стократно,
Когда прїѣдетъ здравъ возлюбленный мой братъ!
Ахъ небо помоги желаннаго достигнуть,
И поспѣши къ концу намѣренїй моихъ!

МУМЕТЪ.

Я къ большей радости могу тебя подвигнуть.
Возлюбленная дочь! Мамай тебѣ женихъ.

ТАМИРА.

Мамай! о Боже мой!

МУМЕТЪ.

Востока обладатель
И побѣдитель всѣхъ полночныхъ нынѣ странъ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ прїятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многїе подъ областью народы.
Тамира! будетъ онъ тобою жить плѣненъ,
И станешъ оной плѣнъ дороже чтить свободы,
Хотя ему востокъ и сѣверъ покоренъ.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я стыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:
И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
Природную къ нему любовь твою люблю;

Однако

Однако нынѣ ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о братѣ отложи,
И на отеческу смотря нетерпѣливость,
Согласна ли ты мнѣ, немедленно скажи.

ТАМИРА.

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ.
Однако разсуди мои младыя лѣта;
И въ возрастъ мнѣ притти въ дому твоемъ позволь.
Я буду почитать, что я живу внѣ свѣта
Какъ естьли безъ тебя я буду жить средь поль!
И какъ подумать мнѣ, что я мила Мамаю?
И какъ могу сказать, чтобы онъ мнѣ былъ милъ,
Когда лица его и нравовъ я не знаю?
И какъ его мой взоръ заочно бы плѣнилъ?

МУМЕТЪ.

Оставь о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будетъ толь межъ васъ крѣпка любовь,
Что лишь твое со мной минуетъ разлученье,
То будетъ къ одному кипѣть Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой въ востокѣ родъ возставить
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ утвердить,
Умножишь нашу мочь, и съ нимъ себя прославить;
Мнѣ польза, честь тебѣ велитъ его любить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Война и миръ противъ моей любви воюетъ!
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынь, Клеона! миръ свирѣпѣе враждуетъ;
Меня сильняе бурь колеблетъ тишина!
Сугубымъ бременемъ за что отягощаюсь?
Въ супружество даютъ тому, кто мнѣ постылъ!
Довольноль что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще война и понынѣ продолжалась,
То мучилъ бы меня одинъ лишь только страхъ.
Мнѣ лучше, естьлибъ я Селиму въ плѣнъ досталась,
Какъ славно царствовать въ Мамаевыхъ странахъ.
Ахъ! естьлибъ было то, и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горитъ;
То слезъ потокъ проливъ, ошцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ тобою говоритъ.
Онъ видя искренность, на плачь бы преклонился,
И нашу можетъ быть любовь бы утвердилъ.
Илибъ и мой животъ съ надеждой прекратился,
Въ спокойствѣ, что уже Селимъ меня любилъ.
Но нынѣ ненависть въ одну страну склоняетъ,
Въ другу отчаянье нещастную влечетъ.
Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
То водъ стремленіе противъ нея несетъ;
Такъ я противными страстями вдругъ борима,
Не чая одолѣть, должна противъ стоять.
Отчаявшись имѣть въ супружествѣ Селима,
Отчаявшись любить Мамая, что начать?

КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Ахъ! лучше то избрать, что подлинно извѣстно,
Какъ онаго желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебѣ прелестно!
Но праву слѣдуя, старайся позабыть.

ТАМИРА.

Довольно бы того, что права и законы
Во обузданіи любовну страсть крѣпятъ,
Довольно отъ стыда любовникамъ препоны;
Когда взаимной жаръ другъ въ другѣ знать хотятъ.
Но развращенной вѣкъ насильства умножаетъ;
Отеческа гроза, богатство, родъ и честь
Коль многихъ въ вѣчное нещастье погружаетъ,
Любви желающихъ достатки предпочесть.
Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный,
И каменьемъ драгимъ въ глазахъ блеститъ чертогъ,
Когда мой будетъ духъ отъ оныхъ отвращенный
Къ тому всегда вперенъ, чего имѣть не могъ.
Дабы на мало лѣтъ возстановить союзы,
Родители даютъ свою залогомъ кровь,
На дѣтскія сердца кладутъ несносны узы:
Въ какой неволѣ ты, дражайшая любовь!
Я вамъ завидую, которы отдаленно
Отъ гордыхъ сихъ палатъ живете въ тишинѣ:
У васъ веселїе равно и непремѣнно,
И прямо щастливы лишь только вы однѣ,
У васъ вольна отъ узъ живетъ любовь святая;
У васъ не для отцовъ, но любятъ для себя,
Союзовъ никакихъ ни выгодъ не считая,
Но склонность лишь своихъ сердецъ употребя.

Коль щастлива былабъ, коль щастлива Тамира!
Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:
Не злато, не вѣнцы, не Царская порфира,
Но вѣрнаяоъ любовь соединила духъ.

КЛЕОНА.

Одно тебѣ еще прибѣжище осталось.
Ты дядѣ мысль сїю, Царевна! объяви;
Спѣши, пойдемъ пока совсѣмъ не основалось
Супружество твоей противное любви.

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЕЛИМЪ и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселїе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

СЕЛИМЪ.

Сѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понынѣ мѣста воспоминаютъ,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя,
Хотя и никому твой Царской родъ не знаемъ,
Которой и друзьямъ твоимъ былъ потаенъ?
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

НАДИРЪ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.
Однако онъ Царемъ не мной на свѣтъ рожденъ.
Родившись отъ одной съ Муметомъ я утробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хотя, какъ ты открыть своей особы
Высочество таилъ въ названїи простомъ.

СЕЛИМЪ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братъ Тамирѣ!
Пріятель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можешъ быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

НАДИРЪ.

Его обратно Царь всечасно ожидаетъ.

СЕЛИМЪ.

Однако и твоя поможетъ мнѣ пріязнь.
Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ желаетъ;
Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣстна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобой,
Бывалаль красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые (*) Брамины
Съ младенчества въ моей оставили крови,
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму порабощенъ,
Преодолѣнны я имѣлъ подъ игомъ страсти,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу.
Но нынь подъ общей я подверженъ сталъ законъ
И мыслей быстраго сдержать не силенъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду
Любовь исторгнула изъ рукъ военныхъ мечь;
Тамира не полкі была защита граду,
Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечь.

НАДИРЪ.

(*) Индѣйскіе Философы.

НАДИРЪ.

Что слышу я? и какЪ?

СЕЛИМЪ.

Сквозь самы тверды стѣны,
МежЪ копей, межЪ щитовЪ любви свободенЪ путь.
Я вЪ перемирны дни на градЪ сей утѣсненный,
Приближившись ко рву едва успѣлЪ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изЪ бойницы.
СмущенЪ и изумленЪ спросилЪ, какЪ ѣхалЪ прочь:
Мнѣ плѣнникЪ обЪявилЪ, что смотрятЪ тутЪ дѣвицы,
И что Муметова вЪ срединѣ оныхЪ дочь.
СЪ того часа война вЪ крови моей востала;
Я вамЪ спокойство давЪ, сЪ собою брань имѣлЪ:
Любовь поставить мирЪ, честь кЪ бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разумЪ одолѣлЪ.
Я вЪ руки принялЪ мечь; но сердце вопіяло:
СелимЪ, на то ли ты дерзаешь устремленЪ,
ЧтобЪ око нѣжное на кровь гражданЪ взирало,
Которое меня вЪ пріятной взяло плѣнЪ,
И чтобЪ вЪ слезахЪ лице Тамирино прекрасно
ОтЪ падающихЪ стѣнЪ покрылЪ сгущенный прахЪ.
Я симЪ движеніямЪ противился напрасно,
И удержать не могЪ оружія вЪ рукахЪ.
Дражайшій мой НадирЪ, познавЪ причину мира,
И дружбу вспомянувЪ потщись мнѣ пособить.
Царю напомяни, что можешЪ лишь Тамира
ТріумфЪ мой и сихЪ стѣнЪ мнѣ цѣлость заплатить.

НАДИРЪ.

Твои заслуги изды толикія достойны,
Достойны качества, и славный Царскій родЪ:
Ты мысли между тѣмЪ имѣй, СелимЪ, спокойны;
Когда твой обЪявлю Царю сюда приходЪ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА, СЕЛИМЪ и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Отраду можетъ быть въ моей печали крайной
Вторoй мнѣ дастъ отецъ . . . . кого я вижу здѣсь ?
Клеона ахъ ! куда ?

КЛЕОНА.

О случай невзначайной!

СЕЛИМЪ.

О радостной восторгъ! я цепенѣю весь!
Драгая, не мятись симъ взоромъ необычнымъ,
Но слуху своего гласъ слезный удостой,
И красотѣ твоей воззрѣніемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ
Продерзостную мысль нечаянно открыть;
Но время краткое отнюдь не позволяетъ
И сердце не даетъ движенія таить.

Становится на колѣна.

Ты видишь предъ собой, прекрасная Царевна,
Тобой плѣненнаго презрителя любви;
Тобой мнѣ будетъ жизнь блаженна, иль плачевна.
Коль хочешь, оживи, коль хочешь, умертви.

ТАМИРА.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ!
Тебя, Селимъ, тебя могу я умертвить ?
Коль странна рѣчь !

Поднимаетъ его.

СЕЛИМЪ.

Твоимъ пронзенно сердце взоромъ
Бунтующей душѣ велитъ твоею быть.

Вотще

Вотще противЪ тебя, противЪ себя воюю:
У стѣнЪ, вЪ полкахЪ, вЪ поляхЪ твою срѣтаю тѣнь,
И вЪ трубный шумЪ твое я вЪ мысли имя чую,
Тебя мнѣ练 мракЪ ночной и ясность кажетЪ вЪ день.
Пріятностей твоихЪ вездѣ мнѣ блескЪ сіяетЪ;
Тобой исполненЪ я и вЪ явѣ и во снѣ.
Недвижимый мой духЪ и крѣпость оставляетЪ,
Я больше ужЪ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой животЪ вЪ любезной сей рукѣ!

ТАМИРА.

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
ВЪ лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

СЕЛИМЪ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую противность учинить?
Какое сердце есть на свѣтѣ толь безбожно,
Которое тебя дерзаетЪ оскорбить?
Тебя, предЪ коею жарЪ бранный погасаетЪ
И падаютЪ изЪ рукЪ и копья и щиты,
ГеройскихЪ мыслей бѣгЪ насильный утихаетЪ
УдержанЪ силою толикой красоты!
Но естьли ты меня, драгая удостоишь,
Причину твоего смущенія узнать;
То свой ты черезЪ то и мой духЪ успокоишь:
Во всемЪ любовь моя возможетЪ помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
Готова всѣ бѣды и смерть вЪ ничто вмѣнить;
Лишь только бы твоей отрадой веселиться,
И чтобЪ любовь твою взаимно заслужить.

ТАМИРА

ТАМИРА.

Ахъ тщетны всѣ слова! напрасны обѣщанья!
Гонимой отъ своихъ поможетъ ли чужой?
Однѣ остались мнѣ со плачемъ воздыханья:
Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зоветъ и должность понуждаетъ
Оставить здѣшній градъ и въ дальный край спѣшить,
Престань того желать, что небо запрещаетъ,
Такъ промыслъ положилъ, и не льзя премѣнить.

СЕЛИМЪ.

Поспѣшно твоему отшествію иль косно,
Чрезъ море должно быть, или пространствомъ поль:
То ежели тебѣ мое присутство сносно,
Дражайшая, себѣ послѣдовать позволь,
И удостой меня взирать слезящимъ окомъ
На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ,
Но ежель не дано тебѣ предѣла рокомъ,
Гдѣ должно странствовать, оставя домъ отцовъ;
Послѣдуй мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
Гдѣ вешніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя,
Царицу воспріять великую стекаясь,
Богинею почтитъ чудящійся народъ,
И красотѣ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой приходъ.

ТАМИРА.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
Но выше въ нихъ твоимъ достоинствомъ цѣна.
Ахъ! что прельщаюсь тѣмъ, чья быть не уповаю?
Какъ сердце я отдамъ, въ которомъ не вольна?

Велика

Велика держитъ внутрь мой робкой голосъ сила;
Но большая тоя отъ сердца гонитъ вонъ!
Когда противъ твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударомъ громнымъ стонъ!
Ужъ долѣе таить мой духъ не позволяетъ,
И толь великихъ бурь не можетъ грудь вмѣстить.
Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаетъ,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть желаніямъ противна
Иному отдаетъ тобою полну грудь,
И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

СЕЛИМЪ.

О радостныя вдругъ минуты и плачевны!
Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
На что соединилъ сердца, о промыслъ гнѣвный!
Когда союзъ ихъ въ вѣкъ тобой не утвержденъ?
Но нынѣ о твоей любви я увѣренъ,
Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.
Мой духъ такъ напряженъ, коль пламень мой безмѣренъ;
Умру, или съ тобой въ тріумфѣ возвращусь.

ТАМИРА.

Я сердце ужъ въ тебѣ, любезный, поручаю,
И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свѣтъ побѣдитъ, не побѣдитъ меня.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СЕЛИМЪ *одинъ*.

Мамай! Тиранъ во плѣнъ толику добродѣтель,
Чудовище влечетъ толику красоту?
О солнце, ты сего возможешь быть свидѣтель,
И свѣта не лишить такую срамоту!

Я коль великимъ то и славнымъ почитаю,
Чтобъ вѣкъ Тамириной любовїю горѣть;
Толь напротивъ того позорно быть вмѣняю,
Такого варвара соперникомъ имѣть.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, СЕЛИМЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

СЕЛИМЪ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
Тебя пришолъ почтить и видѣть, Государь!
И договоромъ миръ возобновить согласнымъ,
Къ чему мнѣ далъ всю власть меня родившїй Царь.
По волѣ я его Таврїйскую вершину
Прешелъ и воинствомъ наполнилъ корабли,
Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоемъ навели.
Отмстивъ купечества грабежъ, я миръ далъ граду,
Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:
За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою побѣду предпочелъ.

МУМЕТЪ.

Причину твой отецъ имѣлъ вооружиться,
Какую завсегда къ войнѣ легко сыскать.
Котора можетъ власть на свѣтѣ похвалиться,
Чтобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держать,
Какъ мирны требуютъ отъ оныхъ договоры,
И многибъ тысящи имѣли мысль одну?
И кто угодитъ тѣмъ, что будтобъ рушить ссоры,
Наносятъ для хвалы неправедну войну?

Хотъ

Хоть наша жизнь кратка, и оныя прибавить
Чрезъ храбрыя дѣла Героямъ долгъ велитъ;
Но мѣру праведну желаніямъ поставить,
Въ томъ больше похвала чрезъ цѣлой свѣтъ гремитъ.
Тебѣ довольно быть, Селимъ, я уповаю,
Когда повиннымъ казнь достойну наложу.

СЕЛИМЪ.

Спокойство утвердивъ я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,
Что въономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
И та, которою пылаю и терзаюсь,
Плѣняетъ красота воззрѣніемъ твоимъ.
Союза нашего залогъ и совершенство
И вѣчная печать быть можетъ дочь твоя.
Тамира дастъ одна и сохранитъ блаженство,
Котораго во вѣкъ лишуся безъ нея.
Какъ естьли данный миръ землѣ твоей полезенъ,
За тое надлежитъ воздать моей любви.
И буде, Государь, твой сынъ тебѣ любезенъ,
То друга ты его себѣ усынови.

МУМЕТЪ.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
Онъ также какъ и я за щастіе почтетъ,
Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
Тебя союзникомъ а не врагомъ найдетъ.
При немъ намъ небеса помогутъ все устроить,
Его къ отрадѣ я по вся минуты жду.

СЕЛИМЪ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
На Понтски берега съ веселіемъ пойду,

И прежде дружняго потщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣстить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

МУМЕТЪ.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.
Примѣтивъ ненависть Нарсимову къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою таилъ.
Но нынѣ большія препятствія срѣтаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай постылъ.
Не должно царское Царю быть слово ложно;
Но какъ я кровь свою тиранствовать могу?

ЗАИСАНЪ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно:
Кто другомъ былъ, тому открыто все врагу.
Когда кто сильному, что долженъ, отрицаетъ,
Тотъ будетъ принужденъ, что и не долженъ, дать.
И долгъ къ отечеству Царямъ повелѣваетъ
Блаженство онаго родству предпочитать.
Помысли, Государь, коль будетъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамая раздражить;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпить.

НАДИРЪ.

Что мѣру превзошло, стоитъ надъ стремниною,
Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать:
Безумна власть падетъ своею тяготою;
Что срамно пріобрѣсть, срамнѣе потерять.

Видалъ

Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки,
Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
Упали тягостью поверженныхъ враговъ.
Нарочно Богъ во тьмѣ грядущее скрываетъ,
Чтобъ смертныхъ гордые совѣты разорить.
Мамай поля свои людьми опустошаетъ,
Дабы ихъ трупами Россійскій край покрыть.
Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
Кто гонитъ одного, тотъ всякому грозитъ.
Россію варварство его безчеловѣчно
Изъ многихъ областей въ одну совокупитъ.
На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ стекутся;
Разсыпанныхъ враждой сберетъ послѣдній страхъ.
Какою силою въ единствѣ облекутся,
Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
Сей вредные своей земли отмстивъ набѣги,
Лавровымъ верьхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,
А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріялъ.

ЗАИСАНЪ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;
Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россіей овладѣвъ.
Великостію силъ военны мѣрятъ права
Великіе Цари и областію гнѣвъ.

НАДИРЪ.

Великодушный левъ жаръ тотчасъ утоляетъ,
Коль скоро видитъ онъ, что врагъ его лежитъ;
Но хищной волкъ пота противника терзаетъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВѢСТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

ВѢСТНИКЪ.

Съ Придонскихъ, Государь, полей я отъ Нарсима
Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
Что къ радости твоей и къ утѣшенью Крыма
Велику заслужилъ онъ храбростію честь.
Побитыхъ кровію Непрядвы токъ сгустился,
И грабятъ Росской станъ Херсонскіе полки,
И ранами покрытъ отъ бою уклонился
Димитрій бѣгая Нарсимовой руки.
Одно нещастіе Мамая сокрушаетъ,
Что сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ!
Но намъ послѣдуя побѣда ужъ гремитъ.
Оставшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу Дономъ,
Или въ бою падутъ или дадутся въ плѣнъ.
Мамаю малымъ толь людей своихъ урономъ
Пространный сѣверъ весь подъ область покоренъ.

МУМЕТЪ.

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
И слово данное сама судьба крѣпитъ.
Хоть нравы разные съ Нарсимомъ раздѣляютъ;
Но обще щастье ихъ въ любовь соединитъ.
Ты вѣрный Заисанъ, и ты мой братъ любезный,
Подумавъ межъ собой, придите въ мой чертогъ,
Союзы утвердить и дать совѣтъ полезный,
Дабы доволенъ быть Селимъ отказомъ могъ.

Конецъ второму дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

МАМАЙ *одинъ.*

Еще великїй страхъ меня не оставляетъ!
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечтанїе смущаетъ!
Здѣсь съ паромъ кровь изъ Мурзъ разсѣченныхъ течетъ,
Здѣсь тѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,
Ужѐ въ глазахъ моихъ отмщенїемъ грозитъ!
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду срывай бѣдою,
И горести кажи на мнѣ Геройской видъ.
Отъ Россовъ побѣжденъ, хотя я ужасаюсь
Въ отечествѣ свой стыдъ и слабость показать;
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима утѣшаюсь,
Что не остался, ктобъ здѣсь могъ о томъ сказать.
Мамай, ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
Мумета ложною побѣдою увѣрь.
На дѣлѣ испытай коль къ умысламъ способенъ,
И ковъ составленной напастью нынѣ мѣрь.
Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Муметъ и войско.
Я орды по степямъ разсыпанны сберу;
Искусство покажу коварствомъ симъ геройско,
Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.
На плачъ тамъ премѣня я торжество спокойно,
И покажу врагамъ, каковъ мой гнѣвъ и власть.
Въ конецъ отчаяться Мамая недостойно;
Безумно всѣхъ путей не испытавъ пропасть.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАМАЙ, МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

МУМЕТЪ.

Какое щастїе мнѣ небо посылаетъ,
Великїй Государь, пришествїемъ твоимъ!
Нечаянной твой взоръ тѣмъ больше восхищаетъ,
Чѣмъ больше нуженъ онъ смятенїямъ моимъ.
Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтѣ звучной,
И скорому дивлюсь прїѣзду твоему.

МАМАЙ.

Не можетъ торжества Мамай благополучной
Себѣ къ веселїю оставить одному;
Но хочетъ онаго имѣть и ту причастну,
Которую къ сему блаженству ты родилъ.
Имѣя всю страну Россїйскую подвластну,
Я радость сообщить изъ устъ своихъ спѣшилъ.
Сугубымъ торжествомъ украсить ускоряю,
И славою мой въѣздъ въ великую Орду.
Но славнѣе я быть Тамирою желаю,
Какъ тѣмъ что Дмитрїя въ оковахъ приведу.
Ужѐ все воинство со плескомъ ожидаетъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

МУМЕТЪ.

Побѣда мужество Геройское вѣнчаетъ;
Любовь и дружество Тамиру дастъ тебѣ.
Нарсимъ помощникъ твой, въ семъ градѣ вожделѣнный
Украситъ брачный день, со славой возвратясь,
И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окруженный . . . .

МАМАЙ.

МАМАЙ.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
Сокровища себѣ съ побитыхъ собираетъ,
Съ которыми тогда обратно придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладаетъ,
Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

ЗАИСАНЪ.

О щастливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!

Къ Надиру.

Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша пря?

НАДИРЪ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

МУМЕТЪ.

Достоинъ даръ таковъ Великаго Царя!

МАМАЙ.

Любезный государь! Нарсима оставляя,
Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,
Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,
И общимъ щастіемъ вражды развѣянъ прахъ.
Прости, сказалъ онъ мнѣ; я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я тебя не разсудя гнѣвилъ.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
Чѣмъ ты Димитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,
Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

ЗАИСАНЪ.

Превыше зависти восходитъ добродѣтель,
И презираетъ ту спокойна съ высоты!

МАМАЙ.

Услышавъ таково Нарсимово пріятство,
Не медля брачной я союзъ ему открылъ.
Онъ въ радости сказалъ: о коль любезно братство,
Въ которомъ промыслъ мнѣ съ Героемъ быть судилъ.
Благополученъ Крымъ, и щастлива Тамира,
Тобой возышенны, прославлены тобой!
Но ты подобяся дыханїю зефира,
Поспѣшно въ Крымъ пришедъ Мумета успокой.
Скажи ему, коль мнѣ съ тобою быть полезно;
И будущей твоей Царицѣ объяви,
Что мнѣ толикое супружество любезно;
И о моей къ тебѣ увѣрь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамирѣ покажи, со славой возвратясь;
И торжествуй, ступивъ врагамъ на выи горды,
Что будутъ ницъ лежать, предъ нею преклонясь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, КЛЕОНА *и прежніе.*

ТАМИРА.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвратился;
Дражайшій мой отецъ!

МУМЕТЪ.

Ты видишь здѣсь его.
Предъ коимъ сѣверъ весь пространный преклонился;
Мамая почитай за сына моего.

ТАМИРА.

О строги небеса!

МАМАЙ.

МАМАЙ.

Ты видишь братня друга,
Которой хочетъ вѣкъ къ тебѣ одной горѣть.

МУМЕТЪ.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь отческимъ раченіемъ имѣть.

Къ Мамаю.

Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
Съ тобою царствовать и искренне любить.

МАМАЙ.

Вторымъ я нынь отцёмъ рожденъ на свѣтъ тобою,
Когда ты предпріялъ меня усыновить.

МУМЕТЪ.

къ Тамирѣ.

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ.
И царствуй щастливо въ обширной толь странѣ.
Блистая на земли пресвѣтлымъ Царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынь послушна мнѣ.

ТАМИРА.

Ты воленъ, Государь! законы и природа
Велятъ тебѣ имѣть въ Тамирѣ полну власть.
Какъ спорить я могу? Коль не дана свобода
По волѣ избирать пристойну въ жизни часть.
Но естьли смѣю я . . .

МУМЕТЪ.

Младые не радѣютъ
О томъ, чрезъ что бы имъ ко щастію дойти:
За тѣмъ родители рожденными владѣютъ,
Дабы поставить ихъ на истинномъ пути.

Любовью будешь звать, что нынь зовешь грозою,
И станешь строгости моей благодарить.
Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ! за мною,
Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобой разположить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА, МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и КЛЕОНА.

МАМАЙ.

Несносной горестью смятенный примѣчаю,
Что всуе таковымъ я пламенемъ горю,
Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?
И смѣешь согрубить Великому Царю?
Однако принужду свои къ спокойству мысли,
И младости твою противность припишу.
Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числи,
Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу,
Цари съ концевъ земныхъ сродства со мной желаютъ;
И кажда красоту приноситъ мнѣ страна.
Коль многія по мнѣ Царевны воздыхаютъ!
Ты можешь получить желанья всѣхъ одна.
Ты можешь получить великаго Героя,
Который мужествомъ вселенну удивилъ,
Превысилъ славою Чингиса и Хозроя, . . .
И прадѣда въ себѣ Батыя воскресилъ.
Представь мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рожденъ.
Россія не мои, но ужъ твои побѣды,
Когда я красотой твоей самъ побѣжденъ.

Толикимъ

Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
Не обинуюсь быть просителемъ твоимъ.
Я щастіе свое почелъ бы несравненнымъ,
Когда бы оное считала ты своимъ.

ТАМИРА.

Когда ты многіе привелъ подъ власть народы,
То славы, Государь, толикой не теряй,
И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.

МАМАЙ.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
Котору возвести съ собой на тронъ спѣшу,
Поставить госпожой мнѣ подданнаго міра,
И будучи Царемъ, быть плѣнникомъ ищу?

ТАМИРА.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,
Сидя на Царскаго престола высотѣ,
Что пользы, естьли въ насъ различны будутъ нравы?
Я все равно почту послѣдней нищетѣ!
Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называть;
И на оковы толь несносные взирая,
Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, КЛЕОНА, ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Клеонѣ.

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира можетъ быть, и мнѣ при томъ жена?
И кто Мамаева не устрашаясь грому,
Дерзнулъ взглянуть на ту, что мнѣ обручена?

Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамирѣ толь прелестенъ,
Кого бы мнѣ она хотѣла предпочтить?
Когда открытіемъ смущеніе прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить;
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великихъ двухъ Царей.
Я Царску честь тебѣ давать своимъ позволю,
И матери равно тебя почту своей.

КЛЕОНА.

Я знаю, Государь, колъ власть твоя велика,
И коль должна Царю послушна быть раба!
Но помощи подать не можетъ мзда толика,
Когда имѣетъ брань съ любовію судьба.
Не можетъ воинство съ концевъ всея вселенны
Противу твоего стать гнѣвнаго лица;
Но силой покорять пристойно крѣпки стѣны;
А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
Тѣмъ больше будешь ей противенъ и постылъ.

ЗАИСАНЪ.

Великому Царю толь дерзско отвѣчаешь?

МАМАЙ.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
Оковы, муки, гладъ и вѣчная темница,
И смерть сама легка таку змѣю карать.

КЛЕОНА.

Тамирѣ былобъ то уже живой гробница,
Селиму сердце давъ, Мамаю присягать.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МАМАЙ и ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Селимъ! и кто?

ЗАИСАНЪ.

Селимъ, о щастливъ недостойно!
О общая печаль! о страсти слѣпота!
Селимъ, что не хотя въ Багдатѣ жить спокойно,
Разбоемъ утѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста.
Но страхомъ силъ твоихъ смятенъ склонился къ миру,
И въ городъ сей вошедъ Мумету предлагалъ,
Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;
Однако Царь на то отвѣтъ несклонной далъ.
Къ Селимовой любви Царевна согласиться . . . . .

МАМАЙ.

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горесть! о ударъ! о какъ мой духъ стремится!
Не можетъ больше быть на свѣтѣ мнѣ хула,
Какъ чтобъ соперникъ мнѣ Царевичь былъ Багдатской!
Хотя дерзнулъ сего онъ суетно искать,
Но можетъ возвратясь сказать въ странѣ Евфратской,
Что онъ того же могъ, чего и я, желать.
Теряетъ цѣну всю, что ни было велико,
Какъ естьли тое онъ надѣется имѣть;
Ему хвала, а мнѣ презрѣніе колико,
Что тѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣть!
Но ахъ! что мышлю я, и что я здѣсь коснѣю?
Ужè похитилъ онъ, что должно быть мое!
Любезный Заисанъ, спѣши отмстить злодѣю;
Пойдемъ . . . .

ЗАИСАНЪ.

Смягчи теперь волненіе свое.

Ты будешь, Государь, имѣть свою невѣсту.
И приметъ за сїе достойну казнь Селимъ,
Какъ воины твои къ сему приспѣютъ мѣсту;
Онъ погубитъ себя желанїемъ своимъ.
Муметова себѣ отвѣта ожидая,
Умедлитъ здѣсь, пока ты въ силѣ будешь самъ
Его плѣнить, отъ насъ способства не желая,
Что ради мира нынь чинить не должно намъ.

МАМАЙ.

Поѣхавшїе въ слѣдъ со мною разлучились
И скорости моей сравниться не могли.
Надѣюсь въ разныя дороги устремились,
И ѣздятъ по степямъ разсыпанны въ дали.
И естьли ускорятъ, не могутъ утомленны
Покоя не имѣвъ Селиму отомстить.
Но я продерзостью такою огорченный
Могу ль минуту дать Селиму живу быть?
Сїя рука моя умывшись кровью мерской,
Воздастъ весь долгъ моей озлобленной любви.
Погибнетъ пусть злодѣй и сопостатъ продерской:
А ты любовь свою и ревность мнѣ яви,
Скажи, гдѣ онъ?

ЗАИСАНЪ.

Храни особу ты высоку.
И рукъ не простирай . . . .

МАМАЙ.

Доколѣ мнѣ страдать.
Спѣши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтобъ мерску кровь его Тамирѣ показать!

ЯВЛЕНIЕ

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Какою лютостью къ Селиму онъ пылаетъ!
Какой приходитъ къ намъ отъ словъ тиранскихъ слухъ!
Какой, драгая, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!
О какъ колеблется озлобленный твой духъ!
Мнѣ сердце движется и говоритъ всечасно,
Что скоро лютая постигнетъ насъ напасть!

ТАМИРА.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ не ужасно,
Ни варварска гроза, ни отческая власть!

КЛЕОНА.

Царевна, на кого ты можешь положиться?
Кто можетъ свободить тебя отъ сильныхъ рукъ?

ТАМИРА.

Любовь!
Поди и посмотри, куда Мамай стремится?
въ слѣдъ Клеонѣ
На всѣ напасти жизнь нещастную готовь.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ТАМИРА *одна.*

Бѣги отсель, бѣги, Тамира и спасайся,
Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ принять тебя на корабли готовъ.

Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плаватели всѣ направилися въ путь;
И небо искренней любови поспѣшаетъ:
Ужè намъ и борей способной началъ дуть.
Въ одномъ Селимѣ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я отца не умягчу
Но въ страхѣ трепещу, смущаюсь, цепенѣю!
Ахъ! что продерская, ахъ! что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставивъ,
И брата и сей домъ и стыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,
И кровнаго родства законы преступивъ?
Но каждо мѣсто мнѣ отечество съ Селимомъ;
Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родство.
Оставить всѣхъ и быть въ житьи нераздѣлимомъ
Съ супругами велитъ законъ и естество.
Супружествомъ назвать неистовство дерзаешь,
И налагать страстямъ закона имена?
Нещастная, кому себя ты поручаешь?
Или тебѣ въ любви невѣрность не страшна?
Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
Оставльшую отца и честь на семъ брегу!
Я мѣсто тожъ и страсть подобную имѣю:
Или я лучшія ждать вѣрности могу?
Несноснѣе бѣды мнѣ можетъ быть защита,
Какъ естьли мнѣ Селимъ другую предпочтитъ.
И на чужой странѣ кѣмъ буду я покрыта?
Отцу и брату гнѣвъ и дальность возбранитъ.
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной.

Тамира въ бѣдствіе сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты невѣрности, блюдись.
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положись.
Не тотъ въ немъ блещетъ духъ, не та его порода;
Съ любовію кипитъ Геройская въ немъ кровь.
И коя устрашитъ при немъ меня погода?
Не движется въ волнахъ нелестная любовь.
Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаевыхъ зараженныхъ,
Спѣши за Понтъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.
И какъ ужъ будешь ты въ странахъ толь удаленныхъ,
И тамъ покажется, что близко сей тиранъ!
О промыслъ! о судьба! слезами умягчитесь!
О небо! о земля! о вѣтры! о моря!
На жалость на тоску, на вопль мой преклонитесь,
Покройте отъ руки свирѣпаго Царя.
А вы мѣста гдѣ мы любовію плѣнились,
Затмитесь, чтобъ отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

Конецъ третьему дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

ЗАИСАНЪ.

Какія, Государь, услышишь нынѣ вѣсти!
О тяжкая бѣда! о вѣчна срамота;
Тамира стыдъ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжать намѣрилась отсель въ чужи мѣста!
И безразсудную любовію палима,
Къ Багдатскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ.
Надежду положивъ на льстиваго Селима,
Что былъ недавно врагъ отеческимъ стѣнамъ!

НАДИРЪ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа! къ чему ты привела?

ЗАИСАНЪ.

По щастью я открылъ такое дерзновенье:
Тамира во вратахъ ужѐ градскихъ была!
Я общей за стѣны пошолъ смотрѣть отрады,
Ужѐль Селимъ полки поставилъ на суда;
И видя, что на нихъ все войско и снаряды,
Я путь свой обратилъ съ веселіемъ сюда.
Увидѣлъ, что спѣшитъ тамъ женскій полъ ко брегу,
Смотря во всѣ страны сквозь тонкой свой покровъ.
Я робкому дивясь и скорому толь бѣгу,
На встрѣчу прямо шолъ, провѣдать, кто таковъ.

КакЪ

Какъ странникъ на пути отъ звѣря убѣгая,
Спѣшитъ чрезъ терніе, чрезъ камни и бугры;
Но вдругъ увидѣвъ, что тутъ стремнина крутая,
И должно въ мрачну хлябь стремглавъ упасть съ горы,
Оцепенѣвъ стоитъ, проотивится размаху,
Трепещутъ члены всѣ, мутится свѣтъ очей:
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира такъ отъ страху
Смутилась, обмерла въ продерзости своей.
Укрыться отъ меня во всѣ страны метала сь;
Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и стыдомъ.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную въ отеческой ввелъ домъ.
Что нынѣ мнѣ начать? какъ я Царю открою?
Дай въ помощь, Государь, премудрой твой совѣтъ.

НАДИРЪ.

Внезапно не срази печалїю такою.
Представь себѣ, какъ симъ подвигнется Муметъ!
Я лучше думаю сїю скрыть вовсе тайну,
Дабы въ спокойствїи отцовъ оставить духъ.

ЗАИСАНЪ.

Но я могу попасть въ бѣду чрезъ тое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю достигнетъ слухъ.
То видѣли раби и воины со мною,
И могутъ все ему подробно донести.

НАДИРЪ.

Хотя смягчи ударъ прїятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сїю вмѣсти.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

НАДИРЪ *одинъ.*

Несытая алчба имѣнїя и власти,
Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?
И коего на насъ не устремила зла?
Съ тобою возрасли и зависть и коварство,
Твое исчадїе кровавая война!
Которое отъ ней не стонетъ государство?
Которая отъ ней не потряслась страна?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И стѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячь потъ:
Тамъ видны лишь однѣ развалины и ямы,
При коихъ тучную имѣетъ паству скотъ.
О коль мучительна родителямъ разлука,
Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!
Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою,
Мятутся городы и села и лѣса,
Любовническаго исполненныя вою
И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
Что можетъ быть сего несноснѣе во свѣтѣ,
Когда двоихъ любовь и младость сопрягла?
Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ цвѣтѣ
Густая жадности мрачитъ ихъ пламень мгла,
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдаютъ и совѣсть и дѣтей.
О небо! преклонись, вселенную очисти
Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!

Коль

Коль дало красоту и младость человѣку,
И нѣжны искры вЪ немЪ любовныя зажгло,
ЧтобЪ вЪ радости прожить дражайшую часть вѣку,
То долголь на земли сїе попустишь зло?
На толь Тамирѣ ты прїятность влило вЪ очи,
На то ли нѣжную вЪ нее вложило страсть,
Что бы подверженна Тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

НАДИРЪ и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Тамира! ахЪ печаль! Тамира дорогая
Поиманна, вЪ слезахЪ отчаявшись сидитЪ!
Селима вЪ жизнь свою увидѣть ужъ не чая,
Лишь мысльми на него вЪ отсутствїи глядитЪ,
И имя сладкое едва сЪ плачевнымЪ стономЪ
ДерзаетЪ вЪ горести послѣдней помянуть.
Озлобленна судьбы жестокимЪ толь закономЪ
Руками томными терзаетЪ нѣжну грудь.
БлѣднѣетЪ цвѣтЪ лица, и всѣ трепещутЪ члены,
Холодной страхЪ, тоска, отчаянье и стыдЪ,
Являются вЪ ея очахЪ изображенны.

НАДИРЪ.

Что сдѣлалЪ бы СелимЪ, таковЪ представивЪ видЪ!

КЛЕОНА.

Что сдѣлалЪ бы, когда увидѣлЪ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечетЪ,
Которая стремясь на небеса очами,
Потоки слезные, рыдая горько, льетЪ?

АхЪ! сжалься, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
Всю мысль свою кЪ ея спасенїю впери.

НАДИРЪ.

Не можно отЪ сего Царевнѣ свободиться:
ВоюютЪ противЪ ней великїе Цари.

КЛЕОНА.

ТакЪ пойдетЪ агница за волкомЪ вЪ слѣдЪ Тамира,
На кровь, на смерть людей, на трупы ихЪ смотрѣть;
И радости лишась вЪ супружествѣ и мїра,
Мученье внутрь себя тяжчайшее имѣть?

НАДИРЪ.

Не знаю, что мое внутрь сердце предвѣщаетЪ,
И смутному уму всечасно говоритЪ:
Мамай Царя и всѣхЪ злой хитростью прельщаетЪ;
И около насЪ сѣть коварствЪ его стоитЪ.
За чѣмЪ одинЪ прибѣгЪ? за чѣмЪ спѣшитЪ онЪ бракомЪ?
И что за нимЪ не шлетЪ извѣстїя НарсимЪ?
Сїи окрестности считаю я признакомЪ
Для насЪ и для него и для Тамиры злымЪ.

КЛЕОНА.

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
СлухЪ вЪ городѣ прошолЪ, что онЪ совсѣмЪ побитЪ!

НАДИРЪ.

Всегда есть Божїй гласЪ, гласЪ цѣлаго народа;
Устами онаго Всевышнїй говоритЪ.
Но пусть Мамай надЪ всей вселенной торжествуетЪ;
Однако щастливЪ быть не можетЪ бракЪ такой,
Когда сама любовь противЪ него враждуетЪ.
Совмѣстноль варварству сЪ толь нѣжной красотой?

Воз-

Возможноль въ сей тоскѣ Тамирѣ укрѣпиться
И сердца своего движенья утолить?

КЛЕОНА.

На страсть ея смотря и небо возгорится,
И не умедлитъ зла толикаго отмстить.

НАДИРЪ.

Горами потрясетъ, и воспалитъ пожары,
Или опустошитъ повѣтрїемъ луга,
Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
Потопомъ скверные очиститъ берега.

КЛЕОНА.

Народную молву прїумножаютъ знаки,
Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на трупъ, слѣтаются стада.

НАДИРЪ.

Хоть радостенъ Муметъ, но войска не имѣетъ;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣетъ
Озлобить мечь въ рукѣ держащую любовь.
Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
На пышны горъ верьхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жить.
Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молнїи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрешне себѣ могъ щастье обѣщать.
На лживость онаго никто не полагайся:
Что утромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ нещастїи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.

Неутолимый рокъ все коломъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.
Но симъ смущаются лишь только подлы души,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются съ недвижимыя суши,
И чаютъ на брегу высокомъ потонуть.
Едина видитъ то съ презорствомъ добродѣтель;
Среди громовъ и бурь недвижимо стоитъ;
Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель,
Хоть мiръ обрушится, безстрашну поразитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕЛИМЪ и ПРЕЖНІЕ.

СЕЛИМЪ.

Любовникамъ долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знать,
Ещель Тамира здѣсь?

КЛЕОНА.

О скорбь!

НАДИРЪ.

О горесть люта!
Ахъ! что дерзнули вы нещастные начать!

СЕЛИМЪ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

НАДИРЪ.

Ахъ! естьлибъ гнѣвнаго отцова силу жара
Тамира утолить могла потокомъ слезъ!

Пои-

Поимана въ пути для бѣгства предпріятомъ
Терзается . . . .

СЕЛИМЪ.

Какой вступаетъ въ жилы хладъ!
Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начатомъ,
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
Мамай любовію моею поругаться,
И пламень мой презрѣть намѣрился Муметъ?
Тамира не моя? Мнѣ съ нею не видаться?
И больше никакой ужѐ надежды нѣтъ?
Я вижу что Муметъ меня еще не знаетъ,
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.
Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнуть чаетъ?
Надежду на пескѣ онъ зыбкомъ положилъ!
Забылъ онъ, что моимъ любленіемъ спасенный
Стоитъ сей градъ? И въ немъ того лишитъ меня,
Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
Съ нимъ въ дружествѣ прожить свой родъ соединя?
Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ?
Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?
Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,
И что вражда его возможетъ въ сихъ стѣнахъ!
Я снова на брегу противномъ мнѣ поставлю
И обращу на градъ Ефратскіе полки;
Отъ лютости такой любезную избавлю
И отъ Мамаевой мучительской руки.
Ударитъ женскій стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.
Муметъ увидитъ смерть бѣгущу въ вихряхъ мрачныхъ,
И кровію чертогъ Мамаевъ обагренъ.

НАДИРЪ.

Я самъ бы уклонясь отеческаго града,
Въ пустой степи и жизнь и скорбь свою закрылъ;
Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
Я щасливъ бы весьма въ нещастіи томъ былъ.
Однакожъ, Государь, воспомянувъ Нарсима,
И зная что сіе отечество его,
Меча не возноси къ опровержевью Крыма,
И даннаго держись ты слова своего.

СЕЛИМЪ.

Не я, но самъ Муметъ стѣнъ будетъ разоритель:
Презрѣніемъ своимъ на то мнѣ право далъ
Нарсима въ оныхъ нѣтъ, но лютый въ нихъ мучитель;
Онъ купно бы со мной противъ него восталъ.
Сугуба страсть меня на то вооружаетъ,
То жалость горестна, то искренняя любовь;
Одна во мнѣ стремитъ, другая духъ терзаетъ,
Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуетъ кровь;
Одна велитъ отъ зла невинную избавить,
Другая въ вѣкъ себѣ любезну получить,
Одна всеобщій долгъ естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или безчувственъ я таковъ кажусь Мумету,
Чтобы недвижно могъ стоять, когда Мамай,
Похитивъ силою, что мнѣ дороже свѣту,
Ликуя поведетъ изъ глазъ въ далекій край?
Возможно ли стерпѣть его совѣты мерзски!
О сердце, не мягчись; но разруши въ конецъ;
Мумета низложи. Куда Селимъ продерзскій?
Подумай, что Муметъ любезныя отецъ!

И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
Пусть въ цѣлости стоитъ, и пусть погибнетъ тотъ,
Отъ коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и животъ.

НАДИРЪ.

Пріятель, укроти въ себѣ волненья гнѣвны;
И жизни не давай въ опасность такову.

КЛЕОНА.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,
Отъ пагубы храни любезную главу.

НАДИРЪ.

Когда на сей ты градъ возстать не долженъ войскомъ;
То долженъ ли одинъ? Что хочешь?

СЕЛИМЪ.

Умереть!
Или торжествовать, и въ мужествѣ Геройскомъ
Награду вѣрности прекрасную имѣть.
И правды и любви непобѣдима сила
Противъ насилія со мной на брань пойдетъ.
Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольетъ.
И естьли мужество побѣдой не прославитъ:
Любовь и честь велитъ: довольно; я умру?
Пускай хоть тѣмъ меня отъ муки рокъ избавитъ,
Въ любовномъ жизнь моя погибнетъ пусть жару.
Я лучше съ похвалой оставить ту желаю,
Какъ тяжекъ быть себѣ и небу и земли,
И смерти ждать, въ посмѣхъ отдавъ себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.

Влади-

Владѣетъ нашихъ дней Всевышнїй самъ предѣломъ;
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ;
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть.
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тьмѣ безславїя кончаютъ долгой вѣкъ?
Добротами всходить на верьхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человѣкъ.
Превыше смертнаго я жребїя поставлю
Участїе свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я отъ лютости избавлю,
Вмѣняя ни во что; умру или спасусь!
Пускай отецъ Ея свирѣпой постыдится,
Мою за дочь свою текущу видя кровь,
Узнаетъ злость свою, но поздно научится,
Что можетъ предприять озлобленна любовь!

НАДИРЪ.

Какую принесешь ты въ старости утѣху
Родителямъ своимъ, когда услышатъ вѣсть,
Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ привесть?
Они во срѣтенье давно къ тебѣ взираютъ,
И простираютъ мысль чрезъ горы и валы,
И въ нетерпѣнїи минуты всѣ считаютъ,
Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которымъ прежъ сего себя ты покорялъ;
И вспомни прежнїе свои на сей часъ нравы,
Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ.

СЕЛИМЪ.

Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,
И мной господствуетъ. Ужъ я не тотъ Селимъ . . .

КЛЕОНА.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и ПРЕЖНІЕ.

МАМАЙ.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

СЕЛИМЪ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ сталъ Мамаю?
Или онъ мнѣ имѣть совѣты запретитъ?

МАМАЙ.

Теперь препятствія любви моей скончаю!

СЕЛИМЪ.

Теперь любовь моя насильствію отмститъ!

МАМАЙ.

Весь сѣверъ покоривъ, сего не одолѣю?
Забывъ, продерзостный противится Селимъ,
Кто прадѣдъ мой, и что я въ области имѣю?

СЕЛИМЪ.

Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ.
Но гдѣ твои полки? И гдѣ желаешь? въ морѣ
Иль въ полѣ окончать толику боемъ прю?

МАМАЙ.

Увидишь, дерзостный бѣглецъ, увидишь вскорѣ,
Какому ты дерзнулъ противу стать Царю.

Поди

Поди и возвѣсти, гдѣ обитаютъ мертвы
Праправѣды мои, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.

вынимаетъ саблю.

СЕЛИМЪ.

вынимая саблю.

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой отъ моихъ она желаетъ рукъ.

Сражаются.

ЗАИСАНЪ.

Разнимая.

Великій Государь!

КЛЕОНА.

Ахъ!

НАДИРЪ, *разнимая.*

Ахъ, Селимъ любезный!
Въ какую пагубу несетъ злой рокъ тебя!

ЗАИСАНЪ.

къ Мамаю.

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

КЛЕОНА.

къ Селиму.

Склонились на токи слезны,
Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конецъ четвертому дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, КЛЕОНА, ТАМИРА, ВОИНЫ.

МУМЕТЪ.

Въ какой я крайней стыдъ тобою погрузился!
До коего достигъ при старости я зла!
На толь тебя родилъ, на то ли я крушился,
Тамира, что бы ты преслушна мнѣ была?
За пришлецемъ бѣжать изъ отческаго дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому дѣлу злому?
Какая быть сему довольна можетъ месть?

ТАМИРА.

Когда родилась я въ безщастную минуту,
Чтобъ скорбь тебѣ принесть; то сжалься Государь!
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люту,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ пріятнѣе Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

МУМЕТЪ.

Не я тебѣ, не я, сама себѣ ты строга;
Сама дерзнула ты въ такую мерзость впасть.
Ты въ сердцѣ лютую сама змѣю питаешь,
Котора въ кровь твою пускаетъ смертный ядъ!
Мамая дерзостью безстыдно озлобляешь,
Котораго одинъ тебя достоинъ взглядъ,

Которой къ высотѣ толикiя державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвести,
И въ общество принять своей гремящей славы,
И сердце въ даръ тебѣ Геройско принести.
Къ послѣднему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но естьли я тебя увижу неготову
Сь великимъ симъ Царемъ въ супружество вступить;
То сдѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,
Что я хотя отецъ, однако же и Царь,
Блюдись руки моей упрямствомъ раздраженной,
И будь готова стать съ Мамаемъ предъ олтарь.

Къ Надиру.

Любезный братъ! потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду.

Къ Клеонѣ.

Тебя, преступница, кто можетъ нынь избавить
Отъ казни, что тебѣ за злобу наведу?

Къ воинамъ.

Возмите скверную, и ввергните въ темницу.

КЛЕОНА.

Помилуй государь!

ТАМИРА.

Невинной не казни!

НАДИРЪ.

Ты щедру обрати, о небо! къ намъ зѣницу!

ТАМИРА.

Отеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

ЯВЛЕНIЕ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И строгой перестань противиться судьбѣ,
Забудь, что лучшаго ты щастія достойна;
Будь тѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.
Когда родитель твой любовенъ и разсуденъ:
Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби;
Когда же онъ свирѣпъ и къ умягченью труденъ:
То помня крови долгъ, сноси и не скорби!
Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ,
И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣлъ;
Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ летѣлъ.
Чудовищу сему хоть небо попускаетъ
Еще до времени родъ смертныхъ разорять;
Но нынѣ чрезъ твою невинность воспылаетъ,
И ускоритъ твою и всѣхъ бѣду скончать.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, НАДИРЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

ТАМИРА.

Не дай, о Боже, мнѣ отчаяться въ конецъ!

НАДИРЪ.

И не нашли на насъ превыше силы мести,
Но будь оставленнымъ и въ ярости отецъ!

ВѢСТНИКЪ.

Во гнѣвѣ изъ палатъ Мамай неутолимомъ
Лишь только вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ:
Съ озлобленнымъ тотчасъ увидѣлся Селимомъ,
И тутъ къ сраженїю другъ другу дали знакъ.
Взлетѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля однѣ изъ нашихъ стѣнъ.
Я ѣхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща есть густая,
Среди которой лугъ широкой заключенъ,
Тутъ перьвой ихъ ударъ . . . .

ТАМИРА.

О какъ мой духъ стѣснился!

ВѢСТНИКЪ.

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;
Какъ туча мрачная Мамай ярясь смутился,
Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валъ морской горитъ въ ночи,
Надежда на лицѣ Селимовомъ блистала,
И въ мужествѣ была прїятна красота;
Вездѣ рука его Мамая утѣсняла;
Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ,
Ужѐ и отступалъ и къ бѣгу порывался;
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;
Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами;
Распался разомъ щитъ, и конска голова.
Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,
И ближни потряслись паденїемъ древа.

Селимъ тутъ могъ попрать копытами Мамая:
Однако сшедъ съ коня, къ возставшему спѣшилъ.

НАДИРЪ.

Ахъ дерзость!

ТАМИРА.

Ахъ бѣда!

ВѢСТНИКЪ.

На храбрость уповая,
Къ погибели своей великодушенъ былъ.
Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужъ онъ во власти:
Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы.
Онъ имъ вскричалъ: теперь спасите отъ напасти!
Ударились къ нему . . . . . .

ТАМИРА.

О горькїе часы!
О щедры небеса, и мой животъ скончайте!

ВѢСТНИКЪ.

Мнѣ свѣтъ изъ глазъ отнявъ, погнала прочь боязнь!
Я слышалъ только тамъ: рубите и терзайте.
Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ: прими достойну казнь.

НАДИРЪ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь бездушенъ,
И храбрость множествомъ твоя побѣждена!
На толь ты столько былъ родителю послушенъ,
Чтобъ кости приняла твои чужа страна?

ТАМИРА.

Въ отчаяньи своемъ уже я леденѣю,
Терзаньемъ утомясь любовнаго огня!
Отмсти ты, Государь, отмсти сему злодѣю,
За друга своего отмсти и за меня.

НАДИРЪ.

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Отмщу или умру! Довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любови
На жертву живота остатки моего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА *одна.*

Какую можетъ дать Надиръ ужъ мнѣ отраду?
Селима больше нѣтъ! Мамай вкругъ ополченъ!
Иль сквернаго себѣ его ждать буду взгляду?
И дамъ себя жива чудовищу во плѣнъ?
Одно спасенье мнѣ не ожидать спасенья.
Въ покровъ природа смерть нещастливымъ дала.
Имѣя вольный путь, не избѣгу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Ужь сердце за стѣной Селимово терзаютъ,
Ахъ лютой мой отецъ! убійцы по путямъ.
О какъ и руки имъ твои не помогаютъ!
Поди и насладись невинной кровью самъ.
Насыть слезами грудь дочерними родитель!
И пагубой моей и рокомъ веселись.
Но знай, что будешь слыть на свѣтѣ ты мучитель:
Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
А ты мой братъ, когда сталъ нынѣ другъ Мамаю,
То въ жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когдажъ ты отъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
То въ тотъ же за тобой спѣшить мнѣ должно путь,
И такъ нещастная Тамира умирая,
Родительскихъ ужѐ не будешь видѣть слезъ.
Одна сомкнешь глаза̀, со свѣта убѣгая,
Оставлена отъ всѣхъ, презрѣнна отъ небесъ!

И огорченный духъ сойдетъ въ мѣста подземны,
Себя отъ тяжкихъ сихъ окововъ разрѣша,
И устремиться въ слѣдъ Селиму въ хляби темны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ жить вкупѣ запретилъ,
Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣта, что съ тобой однѣмъ мнѣ могъ быть милъ.
Раскаешься уже, родитель мой; но позно!
Ахъ позно будешь ты надъ мертвою рыдать,
Что принужденіе твое могло мнѣ грозно
Надежду и животъ во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай безчеловѣчный,
Которой отнялъ нынь двѣ жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи безконечны,
Какъ наша предъ тебя приступитъ тѣнь стеня.
Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечтаться,
И лица блѣдныя и кровь вездѣ казать.
Изъ степи будешь въ степь отъ страху укрываться;
Но мѣста не найдешь, гдѣбъ муки избѣжать:
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
Сего, о небеса, тиранну я желаю!
И въ жертву приношу послѣдній съ кровью гласъ;
Уже мнѣ вѣчность входъ къ блаженству отверзаетъ,
И смерть зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима такъ встрѣчаетъ.
А ты мой духъ къ нему еще ли не готовъ?
Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
За чѣмъ рука моя конца не ускоряешь?
Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.

Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
Когдабъ нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ.
Но нынѣ нехочу и въ смерти разлучиться.
Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ.

Хочетъ заколотся.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

СЕЛИМЪ.

схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ.

Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!

НАРСИМЪ.

Любезная сестра, твой здравствуетъ Нарсимъ!

ТАМИРА.

ослабѣвая.

Ужè межъ мертвыми я вижу тѣнь драгую!

СЕЛИМЪ.

Въ какомъ отчаяньи!

ТАМИРА.

И духъ Нарсимовъ съ нимъ!

СЕЛИМЪ.

къ ослабѣвающей Тамирѣ.

Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,
Что врагъ нашъ погубленъ. Ужъ больше не страшись.
Насъ вѣрность и любовь и щастье возвышаетъ;
Великой радостью ты съ нами ободрись.

ТАМИРА.

Возможноль быть тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами!
Я съ вами въ жизнь еще увидѣться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя надъ нами,
О Боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!

Но

Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

Умывшись въ варварской рука моя крови,
Вселенныя концы отъ страху свободила,
Мнѣ мщенье воздала, и вашей долгъ любви.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ЗАИСАНЪ, СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

МУМЕТЪ.

Нарсимъ, ты здѣсь! тебя я вижу, сынъ любезный?
Колику радость ты нечаянно принесъ!
Одинъ ты изсушишь мой потоки слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой,
Всего лишаетъ насъ, что намъ онъ обѣщалъ,
И что ты пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

НАРСИМЪ.

Я всю ужъ, Государь, печаль твою скончалъ,
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

МУМЕТЪ.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣньи ужасаюсь!

НАРСИМЪ.

Коль чудно я для васъ отъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ, тебя, Тамиру и Селима
Избавить отъ бѣды, Мамая погубивъ.
Поверженъ сопостатъ и разоритель Крыма,
Что полкъ мой низложилъ; чуть я остался живъ.

МУМЕТЪ.

О небо!

ЗАИСАНЪ.

Ахъ ударъ!

ТАМИРА.

О промыслъ Милосердый!

НАДИРЪ *къ Заисану.*

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣетъ наша пря?

СЕЛИМЪ.

Сама судьба есть щитъ любови нашей твердый.

МУМЕТЪ.

О льстивыя слова коварнаго Царя!
Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,
И сдѣлай всѣмъ моимъ смущенїямъ конецъ.

НАРСИМЪ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно,
Какое предпрїялъ Мамай, тиранъ и льстецъ.
Ужѐ чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучь.
Въ густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дожжевыхъ гуще тучь.
Ужъ поле мертвыми наполнилось широко,
Непрядва трупами спершись едва текла.
Различный видъ смертей тамъ представляло око,
Различнымъ образомъ поверженны тѣла.
Иной съ размаху мечь занесъ на супостата;
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонетъ подъ конемъ.
Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая,
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Россійскіе полкѝ отвсюду утѣсненны,
Казалося, что въ плѣнъ дудутся иль падутъ.
Мамай разтерзанны противныхъ видя члены
Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надутъ:
Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
Когда онъ живъ еще, немедлѣнно поставь;
Но ежели онъ мертвъ, съ противничей главою
Поспѣшно возвратясь, мнѣ радости прибавь.
Я будучи его тобою отданъ волѣ,
Не медля поскакалъ къ Россійскому полкӳ,
Димитрія искать въ его станӳ и въ полѣ;
По трупамъ перешолъ кровавую рѣку.
Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
И тѣхъ что кругъ меня вооруженны были,
Дерзнули сѣчь. Я тутъ узналъ проклятой ковъ.
Узналъ что не вотще его я опасался,
И къ защищенію себя вооружилъ.
Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся,
И стрѣлу на меня въ свирѣпости пустилъ.
Она пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

МУМЕТЪ.

Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

НАДИРЪ.

Трепещетъ грудь моя!

СЕЛИМЪ.

Коль близко былъ къ кончинѣ!

НАРСИМЪ.

Внезапно шумъ восталъ по воинству вездѣ.
Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
Ужасной въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ;
Реветъ и гонитъ мглу чрезъ горы и долины,
Возноситъ отъ земли до облакъ легкой листъ:

Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ насъ;
Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой гласъ.
Во срѣтенье своимъ Россїяне вскричали,
Великой воспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полкї увидѣвъ встрепетали,
И ужасъ къ бѣгствїю принудилъ всѣхъ Татаръ.
Убивцы отъ меня для страху удалились.
Я къ верьху смутные возвелъ свои глаза.
Тогда надъ Росскими полками отворились,
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
Ударилъ громъ на насъ по оныхъ поборая,
И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
Глазами я искалъ и не нашолъ Мамая;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
Внимая страшный стонъ, съ холма я оглянулся;
Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
Увидѣлъ купно всѣхъ попранныхъ, ужаснулся!
Мамаю отомстить за все я зло спѣшилъ.

МУМЕТЪ.

О щастье льстивое! какъ души ослѣпляешь.
Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ животъ съ надеждой возвращаешь!

СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои тѣмъ насладились,
Что отнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.

Я чаялЪ, что Мамай сЪ другими согласился,
ЧтобЪ множествомЪ меня коварно одолѣть:
Однако я стоять противЪ вооружился,
И предпріялЪ, лишась любезной, умереть.
ТотчасЪ тутЪ усмотрѣлЪ любезнаго Нарсима,
Которой яростью кЪ Мамаю устремленЪ
ЛетѣлЪ кЪ отмщенію колеблемаго Крыма.
ОнЪ тяжко возстеналЪ, мечемЪ сквозь грудь пронзенЪ.
КакЪ тигрЪ ужь на копьѣ хотя ослабѣваетЪ,
Однако посмотрѣвЪ на раненой хребетЪ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетЪ,
И ратовище злясь вЪ себѣ зубами рветЪ:
ТакЪ мечь вЪ груди своей схватилЪ Мамай рукою;
Но палЪ, и трясучись о землю тыломЪ билЪ.
ИзЪ раны черна кровь ударилась рѣкою;
ОнЪ очи злобныя на небо обратилЪ.
РазинулЪ челюсти! но гласа не имѣя,
Со скрежетомЪ зубнымЪ извергнулЪ духЪ во адЪ.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Остались истребить огнемЪ послѣдній ядЪ.

НАДИРЪ.

Толь тяжко сЪ высоты БогЪ гордыхЪ повергаетЪ!

СЕЛИМЪ.

Вторично, Государь, я нынѣ предложу
О томЪ, кЪ чему моя толь сильно грудь пылаетЪ,
И жизни для чего своей я не щажу.

МУМЕТЪ.

Я сЪ небомЪ и сЪ судьбой и сЪ вами соглашаюсь,
Исполню, что велитЪ любовь и красота.
Я щастіемЪ своимЪ и вашимЪ утѣшаюсь!
Живи вЪ веселіи, любезная чета.

Коль

Коль всѣмъ намъ былъ сей день печаленъ и ужасенъ,
Что могъ насъ въ пагубѣ конечной утопить;
Толь будетъ завсегда онъ веселъ и прекрасенъ,
Что въ оный промыслъ васъ судилъ соединить.
Взаимная любовь межъ васъ непринужденна
Всегдашней вѣрностью пусть дастъ инымъ примѣръ.
Мамаева при томъ кичливость пораженна
Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ.
Къ готовому теперь вы олтарю за мною
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество вступить.
Клеониною я хоть оскорбленъ виною,
Но радость нынѣшня велитъ ей все простить.

Конецъ пятому дѣйствію.

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ
ТРАГЕДІЯ.

Въ пяти дѣйствіяхъ.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои, Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, противною бурею занесенъ былъ къ берегамъ Ѳракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ Царевною Филлидою, дочерью Ликурга Царя, послѣ котораго смерти воспиталъ ее Полимнесторъ Князь и правитель Ѳракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону, дочь Пріама Царя Троянскаго, преведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ, съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возъимѣвъ великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь съ Мемнономъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства, а Полимнестора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалостію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склонясь, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесторъ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отселѣ начинается сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДЕМОФОНТЪ, *сынъ Гезея Царя Аѳинскаго.*

ПОЛИМНЕСТОРЪ, *Князь и намѣстникъ Царскій во Ѳракіи.*

ФИЛЛИДА, *Царевна Ѳракійская, дочь умершаго Ликурга Царя.*

ИЛIОНА, *Царевна Троянская, дочь Пріамова, невѣста Полимнесторова.*

МЕМНОНЪ, *Правитель города Сеста.*

ДРАМЕТЪ, *Полководецъ Демофонтовъ.*

КРЕУЗА, *мамка Филлидина.*

ВѢСТНИКЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Ѳракійскомъ, въ царскихъ палатахъ.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, ДЕМОФОНТЪ и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Онъ въ сихъ ужѐ стѣнахъ; о лютая напасть!
Ты знаешь, Демофонтъ, его велику власть.
Желанїе мое какъ можетъ совершится,
Гдѣ Полимнестора мой слабой духъ страшится?
На что ты отлагалъ на что толь долго бракъ?

ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ строгая судьба повелѣвала такъ!
Но что великой страхъ?

ФИЛЛИДА.

Еще ли вопрошаешь?
Давно ужѐ давно ты все подробно знаешь,
Что мнѣ съ тѣхъ поръ страшна и нынь его гроза;
Когда родителю сомкнула смерть глаза.
Онъ жизни своея послѣднїй часъ кончая,
Прости, сказалъ въ слезахъ, Филлида дорогая;
Живи и возрастай щастливо подъ рукой,
Что въ возрастѣ тебя на тронъ возвыситъ мой.
Ты Князю будь какъ мнѣ до времени послушна;
Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
Промолвилъ, и съ тѣмъ духъ послѣднїй испустилъ,
И Полимнесторъ власть надъ царствомъ получилъ.
Черезъ двенатцать лѣтъ коль сильно укрѣпился,
То видѣлъ ты теперь; но какъ ты не смутился?

И неподвижно какъ возмогъ смотрѣть на страхъ.
Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
Смущенныхъ отъ его внезапнаго приходу?

ДЕМОФОНТЪ.

Сїе ли устрашитъ Геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ?
Чего желаю я, то получу одинъ.
И чаешь ты, чтобъ тотъ симъ видомъ взволновался;
Кто Гектора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

ФИЛЛИДА.

О мужествѣ твоемъ не сомнѣваюсь я;
Иной напасти ждетъ печальна грудь моя.
По всѣмъ признакамъ я безсчастна примѣчаю,
Что къ пагубѣ своей любовїю пылаю.
Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чтитъ народъ,
И что владѣть ему остался цѣлой годъ;
Въ отсутствїе его уговорясь съ Мемнономъ,
Мы брачнымъ укрѣпить любовь могли закономъ,
И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
Отсталибъ отъ него, отвергнувъ тягость узъ.
На храбрость бы твою надежду положили,
Противъ его свой духъ и руки обратили.
Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ вступилъ,
Побѣдами свое правленье укрѣпилъ.
Онъ больше прежняго ужъ власть свою умножитъ,
По умысламъ своимъ и бракъ мой расположитъ.
Но ты спокойно могъ сея напасти ждать!
Какъ можешь предо мной себя ты оправдать?

ДЕМОФОНТЪ.

Смущенїя твои, драгая, всѣ напрасны,
И тѣни кажутся однѣ тебѣ ужасны.

Хоть Полимнесторъ здѣсь; но онъ какъ твой отецъ,
Твоимъ сомнѣніямъ желанный дастъ конецъ.
Когда въ младенчествѣ онъ былъ твой покровитель;
То будетъ ли въ твоемъ ужъ возрастѣ гонитель?
И медлѣнность моя вредить не можетъ намъ;
Пока я долгъ отцу въ отечествѣ отдамъ;
То княжеско къ концу владѣніе достигнетъ,
И твой народъ тебя и онъ на тронъ воздвигнетъ.
Въ Аѳинахъ укрѣпя престолъ свой, возвращусь,
И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

ФИЛЛИДА.

Такъ можешь цѣлой годъ пробыть и безъ Филлиды!
Такіе ли казалъ съ начала ты мнѣ виды?
Когда свирѣпый вихрь разбилъ твои суда,
Когда еще текла съ одеждъ твоихъ вода,
Когда изъ челюстей несытыя пучины
На мой ты принятъ брегъ, спасенъ отъ злой кончины;
Ты такъ ли говорилъ? Ты такъ ли припадалъ?
И такъ ли взоръ взводилъ, и такъ ли воздыхалъ?
Слезами и бѣдой твоей я умилилась;
На твой плачевный видъ, на жалку часть склонилась.
Почти безъ чувствъ тебя я въ домъ свой привела,
Спокойство отъ трудовъ и жизнь тебѣ дала.
И для меня Мемнонъ явилъ тебѣ пріятство,
Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богатство,
Которое тогдажъ тебѣ возвращено,
И съ нимъ сокровище мое сообщено.
Какъ можешь, что досталъ убійствомъ ты и кровью,
Сравнить съ тѣмъ, что тебѣ моей дано любовью?
Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла;
Я общимъ все добромъ имѣніе звала.

Съ сугубой хочешь въ домъ корыстью возвратиться,
Троянскимъ и моимъ богатствомъ возгордиться?

ДЕМОФОНТЪ.

О какъ мнѣ рѣчь сїя въ печальну грудь разитъ!
Подумай, что теперь отецъ мой говоритъ:
„Меня противникъ здѣсь отъ царства отлучаетъ,
„А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ таетъ,
„И въ роскоши презрѣвъ естественный законъ,
„Въ ничто вмѣняетъ скорбь отеческу и стонъ.„
Представь, дражайшая, ты гордаго Мнестея,
Что хочетъ хищной снять рукой вѣнецъ съ Тезея,
И въ старости ему онъ казнїю грозитъ:
Представь себѣ, представь Тезеевъ скорбный видъ.
Возлюбленный отецъ, о какъ ты воздыхаешь!
Ты взоры слезные чрезъ воды простираешь,
И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ путь,
И на берегъ едва дерзаешь ты взглянуть,
Гдѣ злой тиранъ тебя насильно утѣсняетъ
Тогда, какъ Грецїю отрада оживляетъ.
Съ побѣдою пришли обратно тамъ Цари,
Восходитъ къ небу плескъ, дымятся олтари.
Троянскимъ златомъ всѣ блистаютъ тамъ чертоги,
Прїемлютъ злато въ даръ отеческїе боги.
Отцы и матери встрѣчаютъ тамъ сыновъ,
И радость изъяснить не достаетъ имъ словъ.
Всѣ слушаютъ отъ нихъ Прїамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы ихъ кончину.
А ты, родитель мой, утѣхи той лишенъ!

ФИЛЛИДА.

Но мною ли онъ въ сей печали погруженъ?

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ.

Такой мнѣ отъ боговъ уже предѣлъ поставленъ,
Что я хоть на сей брегъ отъ яростныхъ волнъ избавленъ,
Однако чтобъ на немъ въ смущеньи утопать!

ФИЛЛИДА.

Но я ли строгостью могла тебя смущать;
И кто препятствовалъ намѣренью скончаться,
И прежде Князя намъ на царство увѣнчаться?
И силу бы твою услышавъ тамъ Мнестей
Державы досягать дерзнулъ ли бы твоей?
Подумалъ ли бы онъ, что Ѳраческая сила
И съ ней рука твоя ему бы не отмстила?

ДЕМОФОНТЪ.

Такъ хочешь, чтобы я не видѣлъ нынь Аѳинъ,
И тамъ не защитилъ отеческихъ сѣдинъ?

ФИЛЛИДА.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслить,
Чтобъ стала я своимъ веселіемъ то числить,
Когда бы ты отца и скиптръ свой позабылъ?
Мнѣ толь же какъ тебѣ, повѣрь, отецъ твой милъ.
Я власть здѣсь укрѣпя, съ тобой бы въ Понтъ пустилась,
Ни острыхъ камней я бъ ни бурь не устрашилась.
Какуюбъ радость твой почувствовалъ отецъ,
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Не знаешь зависти межъ Греками, не знаешь?
И такъ ли два вѣнца совокупить ты чаешь?
Лишь только дойдетъ вѣсть къ сосѣдямъ черезъ Понтъ,
Что принялъ отъ тебя власть Царску Демофонтъ;
То силою въ боязнь приведены моею,
Всѣ обще поспѣшатъ вѣнецъ отдать Мнестею.

Мнѣ

Мнѣ прежде должно власть наслѣдну укрѣпить,
И послѣ съ оною твою совокупить.

ФИЛЛИДА.

Не мысли, Государь, чтобы младыя лѣта,
И слѣпота любви меня лишила свѣта,
Чтобъ мыслей я твоихъ примѣтить не могла,
Которы страсть къ себѣ другая отвлекла!
И рѣчь твоя тебя и взгляды обличаютъ,
И сердца твоего всю тайну открываютъ.
Я вижу изъ твоихъ потупленныхъ очей,
Что больше нѣтъ уже ко мнѣ любви твоей.

ДЕМОФОНТЪ.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

ФИЛЛИДА.

Бѣжишь отъ глазъ моихъ? Ужъ мысли развращенны
Не могутъ утерпѣть моихъ правдивыхъ словъ.
Уже ты къ своему отшествїю готовъ,
И долѣе меня не хочешь удостоить . . . .

ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоить!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Не ясноль кажетъ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
Что я слезамъ своимъ даю безъ пользы течь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Что онъ нарочно бѣгъ отъ брачнаго союза.

КРЕУЗА.

Я сердцемъ трепещу, смущенїя боясь!
Что будетъ, какъ твою любовь узнаетъ Князь?

О Демофонтѣ что, Царевна, онъ помыслитъ,
Котораго врагомъ со Греками онъ числитъ?

ФИЛЛИДА.

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже теперь безщастной мнѣ начать?
Ты рокъ готовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ тайнѣ?
Креуза, ахъ поди, спѣши, старайся крайне,
Вступи съ нимъ обо мнѣ въ пространной разговоръ,
И примѣчай слова, движенія и взоръ:
Тебѣ покажутъ всѣ вопросы и отвѣты,
Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣты.

КРЕУЗА.

Дай, небо, чтобъ въ твоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
Былъ равенъ моему старанію успѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣрить?
И страсти въ немъ другой я не могу измѣрить?
Не тщетно ль жду того, что онъ мнѣ обѣщалъ,
И что мнѣ клятвою стократно подтверждалъ?
Однако такъ моей любовью одолженный
Гнушаться мерзскія не будетъ ли измѣны?
Горячая его къ родителю любовь
Не возмутитъ ли въ немъ такой напастью кровь?
Но я ослѣплена причины вымышляю!
И видя явну лесть, его же извиняю!
Ахъ! какъ мнѣ нынѣ быть? И Полимнесторъ самъ
Является моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ужѐ мнѣ наконецъ пріятною судьбою,
Царевна, суждено увидѣться съ тобою.
Отъ взору твоего три лѣта отлученъ,
Всегда противъ твоихъ враговъ былъ ополченъ.
Раздоры внутренни и внѣшни успокоилъ,
Противныхъ побѣдилъ и съ ними миръ устроилъ.
Не однократно я всю кровь хотѣлъ пролить,
Чтобъ царство для тебя недвижно утвердить;
Но щедры небеса судьбину отвратили
И жизнь мою съ твоимъ наслѣдствомъ сохранили.

ФИЛЛИДА.

Что защищая ты во мнѣ Ликурговъ родъ,
На брани положить готовъ былъ свой животъ:
За то благодарятъ тебя народы многи,
И чтятъ завистніи, и любятъ сами боги.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Симъ щастіемъ хотя я много веселюсь;
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
Увидѣвъ, что въ мое отсутствіе Филлида
И возрастомъ своимъ и красотою вида
До тѣхъ достигла мѣръ, когда ужѐ любовь
Ликургову тобой воставить можетъ кровь.
Едино совершить мнѣ дѣло ужъ осталось,
Чтобъ сердце чрезъ меня достойное сыскалось,
Достойное тебѣ быть въ вѣкъ поручено.

ФИЛЛИДА.

Усердіе твое извѣстно мнѣ давно:

Хотя

Хотя рука твоя симЪ царствомЪ, Князь, владѣла,
Но я лишась отца, вЪ тебѣ его имѣла.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Превыше нынѣ мѣрЪ тобою я почтенЪ,
Что именемЪ я толь великимЪ нареченЪ.
Довольно, естьлибЪ я того былЪ удостоенЪ,
Чтобы черезЪ меня народЪ былЪ успокоенЪ,
Которой вЪ радости ужѐ всесчасно ждетЪ,
Кого твой нѣжной взорЪ и сердце изберетЪ,
ЧтобЪ царствовать сЪ тобой на отческомЪ престолѣ,
О щастливЪ, щастливЪ тотЪ, и всѣхЪ онЪ смертныхЪ болѣ!

ФИЛЛИДА.

Я вѣрю, что народЪ Ликурга не забылЪ,
Которой нравамЪ онЪ похвальнымЪ научилЪ.
По сколько отЪ твоей онЪ ревности желаетЪ,
Моя нещастна грудь того имѣть не чаетЪ.
Я щастлива былабЪ, когда твоя бы власть
Могла мнѣ укрѣпить мою желанну часть.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Хоть всею я еще Ѳракїею владѣю;
Но силы таковой и власти не имѣю,
Какая вЪ нѣжности и младости твоей
БлистаетЪ изЪ твоихЪ плѣняющихЪ очей.
Своею больше ты успѣешь красотою.

ФИЛЛИДА.

Коль мало пользовать могу себя я тою!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ты можешь ею все . . . .

ФИЛЛИДА.

Узнаешь скоро самЪ
Но время приносить тебѣ хвалу богамЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Надѣясь твоего въ великій храмъ прихода,
Несчетно множество стекается народа.
Я войско по мѣстамъ разставилъ, Государь,
И жертву приносить богамъ готовъ олтарь.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Какое принесу я имъ благодаренье;
Когда повержень я послѣ трудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушитъ,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинитъ?

МЕМНОНЪ.

Въ тебѣ ли можно быть какимъ мученьямъ мѣсту?
Въ спокойномъ торжествѣ ты видишь здѣсь невѣсту;
Геройску видишь дочь, Геройскую сестру,
Пылающу къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лишась она, тобой была спокойна:
Супружества съ тобой въ нещастьи достойна.
Желаніе свое ты можешь совершить,
И съ бракомъ торжество сіе соединить.
Она послѣ тебя минуты всѣ считала;
По Троѣ, по отцѣ не столько воздыхала,
Какъ взору твоего, крушилася, лишась
Коль часто слезъ рѣка изъ глазъ ея лилась!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Что часть ея жалка, Мемнонъ, я признаваю,
Съ любовью купно скорбь для ней претерпѣваю.

Сугубо

Сугубо чувствую я бремя на плечахъ!
И что, скажи, теперь я видѣлъ при брегахъ?
Чьѣ флаги на водахъ Борей Ѳракійскій вѣетъ?
И что въ намѣреньи Филлида здѣсь имѣетъ?
Скажи и не утай, что было безъ меня?
Что въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея?

МЕМНОНЪ.

Возможноль отъ тебя мнѣ, Государь, таиться?
И должность и любовь велитъ тебѣ открыться:
За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ Геройской духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна,
Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ.
Отъ берегу въ дали пучина почернѣла,
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла.
Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верьхи, стремились волны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли,
Которы лютость водъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
Ужь руки подняли къ закрытымъ небесамъ.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
Съ остатками Троянъ, нещастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.

Тутъ

Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.
Онъ очи смутныя со страхомъ обращая,
И томныя уста чрезъ силу отверзая,
Къ Филлидѣ, облившись слезами, говорилъ:
Когда небесный гнѣвъ меня такъ поразилъ,
То я уже взирать на небо не дерзаю;
Къ тебѣ, богиня ты, иль смертна, прибѣгаю,
Или, какъ чаю, сихъ владычица бреговъ,
Покрой насъ и превысь щедротою боговъ.
Царевна таковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ,
И нѣжнымъ, преклонясь, отвѣтствовала духомъ:
Спокоенъ будь теперь, и отложи весь страхъ:
Не варварски сердца родятся въ сихъ мѣстахъ.
Хотя не знаемъ мы, какого ты народа,
Но бѣднымъ помогать велитъ сама природа.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Кто сей нещастный былъ?

МЕМНОНЪ.

Царя Тезея сынъ.
Онъ сердца нашея Царевны господинъ!
Народъ его, что съ нимъ отъ пагубы избавленъ,
Спокойствомъ ободренъ, и флотъ его исправленъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

О вѣсти странныя! о чудный судъ боговъ!
Но пойдемъ ихъ спросить; я ко всему готовъ.

Конецъ перьваго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Ты склонность кажешь мнѣ всея надежды болѣ!
И чѣмъ я заплачу твоей толь щедрой волѣ?
Я странствую, гонимъ отъ волнъ и отъ небесъ;
Ты въ скорьби, Государь, отраду мнѣ принесъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

И я тѣмъ веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣть сына,
Которой мужествомъ ему себя сравнилъ,
И тѣмъ подъ Троею Героямъ общникъ былъ,
Которыхъ на нее послали гнѣвны боги.
Не вы, не вы, они Пріаму были строги!

ДЕМОФОНТЪ.

Умѣренность твою чему могу сравнять?
Величествомъ души Пріама больше зять!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

То все еще теперь у Промысла во власти;
Достигнетъ до своей и Иліона части!
Отъ ярости боговъ убѣгнетъ ли она,
Котору чувствуетъ отца ея страна,
То день поставленный покажетъ намъ конечно!

ДЕМОФОНТЪ.

Иль рвеніе боговъ на Трою будетъ вѣчно?

Когда

Когда уже и въ насъ смягчилися сердца;
То имъ ли злобиться на бѣдныхъ безъ конца?
Когда представлю я въ умѣ своемъ Пріама,
Терзаюсь мыслями отъ жалости и срама,
Что Греческой рукой Царева сѣдина,
О варварство! въ его крови обагрена.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Теряетъ славу всю свирѣпствомъ побѣдитель;
Но часто долженъ онъ невольно быть мучитель,
Какъ надобно своихъ предохранить отъ зла.
Тебѣ всегда за то пребудетъ похвала,
Что о нещастіи поверженныхъ жалѣешь;
Ты злобу тѣмъ своихъ враговъ преодолѣешь.
Когдабъ жалѣли такъ отшедъ всѣ Греки прочь,
Сіебъ Пріамову могло утѣшить дочь.

ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ знать другихъ сердецъ движенія не можно;
Но объявить сіе могу тебѣ не ложно,
Что въ жизни я себя великимъ бы почелъ,
Когдабъ ей доказать сердечну жалость смѣлъ,
Которую объ ней - - - - -

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я въ томъ не возбраняю;
Но силы ласковымъ словамъ твоимъ желаю,
Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,
Что Троя отъ боговъ, не вами сожжена.
И видя, что о томъ, кто воевалъ, крушится
Могла бы отъ тоски хоть мало свободиться.

ДЕМОФОНТЪ.

Всѣ силы положу, чтобъ Грековъ посрамить,
И Иліону въ той надеждѣ утвердить,

Что

Что тѣ же укротясь, возставятъ боги Трою.
О естьлибъ сею могъ воздвигнуть я рукою!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Я объявивъ его къ твоей невѣстѣ страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходить къ ней власть!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не далъ бы; но чтожъ? Другое нынѣ время!
И боги съ моего снимаютъ сердца бремя.
Покажутъ щедрой тѣ на Иліонѣ судъ,
Устроятъ все объ ней и щастье ей дадутъ.
Меня ихъ власть къ другой любови понуждаетъ:
Мой духъ противиться ихъ воли не дерзаетъ!

МЕМНОНЪ.

Что слышу, Государь?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Отъ Олтаря отвѣтъ!
Ты слышалъ въ храмѣ громъ, Мемнонъ, и видѣлъ свѣтъ,
Когда я приступивъ, предъ Марсомъ преклонился,
И какъ отъ жертвы дымъ предъ онымъ вскурился;
Тогда военный богъ щитомъ своимъ потрясъ,
Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
„Для Трои на себя не привлекай ты гнѣву,
„Врученную тебѣ люби вѣкъ дочь Цареву.
Толь ясныя слова не смѣю толковать;
Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять;

Чтобъ быть Ликургова по власти оныхъ трона
Но нынѣ отступи: приходитъ Иліона.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Увидѣвъ, Государь, на единѣ тебя,
Я смѣюль рѣчь зачать, твой духъ не оскорбя.
Весь городъ веселясь, въ очахъ твоихъ сіяетъ,
И можетъ быть мой взоръ тебѣ лишь досаждаетъ,
Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь предъ собой не ту ужъ Иліону,
Что прежде славою отеческаго трону
Украшенна, тебѣ была обручена,
Со свѣтлымъ празднествомъ въ сей градъ приведена;
Но съ Троею всего величества лишенну,
И только лишь къ тебѣ надеждой укрѣпленну.
Какъ сердце бы твое мнѣ не было дано,
Осталося бы мнѣ отчаянье одно.
Я въ Троѣ, въ Гекторѣ, въ Пріамѣ умираю;
И только лишь къ тебѣ любовію дыхаю:
Возставь и укрѣпи!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я долженъ самъ упасть!
О строгая судьба! о горестная часть!

ИЛІОНА.

Я вижу, Государь, что раззоренна Троя
Лишаетъ и тебя веселья и покоя!

Но

Но ежели тебѣ еще я такъ мила,
Какъ въ тѣ часы, когда изъ Трои я пришла!
То всю свою тоску въ сей день преодолѣю:
И ты спокоенъ будь спокойностью моею.
И Гекторъ и Троилъ, Геккуба и Пріамъ
Въ тебѣ одномъ моимъ являются очамъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парісомъ иль Пріамомъ,
То былъ бы щастливъ я ужѐ въ нещастьѣ самомъ.

ИЛІОНА.

Ты можешь Государь, теперь мнѣ ими быть.
И Трою на брегу Ѳракійскомъ защитить,
Которую еще неукротимы Греки,
Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки,
Коварно утѣснять и здѣсь не престаютъ,
И мѣста оныя остаткамъ не даютъ.
Въ отсутствіе твое бурливая погода
Разбила корабли противнаго народа.
Тезеевъ сынъ отъ волнъ спасенъ остался живъ,
Здѣсь странствуя живетъ. Онъ время улучивъ,
(Того я знать не тщусь, за правду, иль притворомъ:)
Мнѣ часто о любви досаднымъ разговоромъ
Терзалъ мой скорбной духъ, несносной сопостатъ,
Котораго одинъ мнѣ пуще смерти взглядъ.
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзаетъ
Другой любви искать, чрезъ что онъ объявляетъ,
Что онъ на всякой часъ на злость свою готовъ.
На всѣхъ онъ, Государь, сплетаетъ хитрый ковъ,
Отмсти ты за меня; отмсти ты за Филлиду,
За Трою, за весь родъ, за собственну обиду.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я сеюбѣ кровь его рукою пролилъ самъ,
Когда бы было то угодно небесамъ;
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,
И мечь мой на него поднять не позволяетъ.

на сторону.

Хотя одной постылъ, хотя другой онъ любъ;
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопостатъ сугубъ.
Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!
Но мстить ему за то, о боги, я не смѣю!

указывая на Иліону.

За тѣмъ я вамъ ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей; скрѣпите грудь мою
Исполнить вашъ отвѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛІОНА *одна.*

Гдѣ мнѣ искать покрова?
Не слышала теперь ни одного я слова,
Которымъ бы признакъ онъ нѣжности мнѣ далъ!
Что смутны отъ меня онъ очи отвращалъ?
Ахъ Троя, ты упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу, что и здѣсь безсмертныхъ гнѣвна сила
Не престаетъ Троянъ остатки утѣснять,
И тотъ уже меня не хочетъ защищать,
Къ которому меня во брачные чертоги
Поставила любовь, Пріамъ и сами боги.
Что нынѣ предпріять они велятъ ему?
Соперникъ Демофонтъ сугубо по чему?
Или къ Филлидѣ онъ любовію пылаетъ?
Но чтожъ сопернику отмстить онъ не дерзаетъ?

И что меня еще вручаетЪ онЪ богамЪ,
Когда покрыть отЪ бѣдЪ скоряе можетЪ самЪ,
Когда они свой взорЪ отЪ Трои отвратили?
ВЪ какой вы пагубѣ насЪ, боги, погрузили!
Мы равну сЪ Греками имѣемЪ плоть и кровь:
И ваша быть должна ко всѣмЪ равна любовь,
Но ГрекамЪ вы отцы, ТроянамЪ вы Тиранны:
Они вознесены, а мы лежимЪ попранны!
Однако естьли такЪ васЪ огорчилЪ ПрїамЪ,
Что кровїю воздать не могЪ и ГекторЪ вамЪ;
Но вЪ гнѣвѣ вы своемЪ хотѣли видѣть Трою
Зазженну вЪ жертву вамЪ противною рукою,
И войско и народЪ и стѣны истребить;
То что ужЪ можетЪ васЪ на ярость побудить?
Представте прежнюю Прїамову державу,
ГероевЪ и полки, величество и славу,
Гдѣ нынѣ пепелЪ, дымЪ, развалины и прахЪ
И кости на пустыхЪ разсыпаны поляхЪ,
МладенецЪ лишь одинЪ сЪ бесчастною сестрою
Не можетЪ вЪ бѣдности сыскать себѣ покою,
Почти уже плѣненЪ живетЪ вЪ краю чужомЪ!
Еще ли можете бросать на насЪ свой громЪ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ИЛЛОНА и ДЕМОФОНТЪ.

ИЛЛОНА.

Еще ли умножать идешь мои печали!

ДЕМОФОНТЪ.

Еще судьбы меня, еще кЪ тебѣ послали,
Которыя такой поставили предѣлЪ,
Чтобы нѣжно сердце я всегда кЪ тебѣ имѣлЪ.

Коль часто оскорбленъ къ тебѣ быть зарекаюсь;
Толь часто преступивъ за рокъ свой, возвращаюсь.
Суровой твой отвѣтъ скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;
Но нынѣ съ жалостью любовь открыла путь;
Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаетъ:
Что жалость о тебѣ сугубо представляетъ.
Оставленна отъ всѣхъ, лишенная всего,
Ужель послушаешъ совѣту моего?
Подвигнутъ ли тебя мои потоки слезны;
Когда стенанія и вздохи безполезны,
Которы нынѣ ты пускала къ небесамъ,
Являя жалкой видъ безчувственнымъ очамъ?
Другой ужè красой, повѣрь, онѣ плѣнились,
Отъ нѣжностей твоихъ во вѣки затворились.

ИЛІОНА.

Невѣрной!

ДЕМОФОНТЪ.

И кому!

указывая на Иліону.

ИЛІОНА.

Подобенъ въ томъ тебѣ.
Филлидаль отъ тебя сего ждала себѣ?

ДЕМОФОНТЪ.

Онъ лакомству, а я любви поработился;
Онъ царствомъ, я тобой, дражайшая, плѣнился.
Любви онъ и своей невѣстѣ измѣня,
Тебя освободилъ и оправдалъ меня.
Филлидинъ будетъ духъ, повѣрь, о семъ спокоенъ:
Что благодарность лишь, не жаръ мой къ ней пристоенъ.
Сугубо я свой долгъ ей изъ Аѳинъ воздамъ:
Тебѣ, дражайшая, я отдаюся самъ.

ИЛІОНА.

Какъ можешь требовать, чтобъ я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

ДЕМОФОНТЪ.

Преступнику!

ИЛІОНА.

Пускай хотябъ таковъ онъ былъ,
Или пускай бы насъ Пріамъ не обручилъ;
Но сносно ли бы мнѣ твое желанье было?
И мысль одна объ васъ мнѣ грозное страшило!
Когда представится въ моемъ мечтаньѣ Грекъ,
Кровавы вижу я потоки нашихъ рѣкъ,
Пылаетъ домъ отцевъ; сестру влекущъ изъ храма
Рыдающу среди ругательства и срама.
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнъ окованныхъ ведутъ,
По дѣтяхъ матери, терзая грудь, ревутъ.
Раздранны вижу тамъ я Гекторовы члены,
И страшно въ слухъ мой бьютъ валящїяся стѣны.
Подъ каменнымъ бугромъ нещастна стонетъ мать!
Возможно ли тебѣ любви моей желать?

ДЕМОФОНТЪ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я стѣны раззорялъ отца своей любезной!
Но можетъ ли твой гнѣвъ, Царевна, и въ сей часъ
Пылать противъ меня? еще ли не погасъ?
Не мною Гекторъ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обагренна.
Ахъ естьлибъ я тебя еще до брани зналъ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ востaлъ.
Отецъ меня послалъ со воинствомъ подъ Трою:
То много ли я тѣмъ виновенъ предъ тобою?

Я дорого плачу потоки вашихъ слезъ,
И больше зла терплю, какъ Троѣ я нанесъ!
Я въ жертву далъ себя грызущей нутрь печали,
И больше самъ горю, какъ Пергамы (*) пылали.
Ты мучишь; хоть тебя всему я предпочолъ!
Бывалъ ли я когда таковъ Троянамъ золъ?
Но естьли не смягчитъ твой духъ мои мученья,
Когда ты требуешь еще себѣ отмщенья;
Могуль хотя тогда тебѣ я угодить,
Какъ Грекамъ и себѣ за васъ я буду мстить?
Мой духъ къ тому готовъ и жизнь моя готова;
Я жду лишь отъ тебя, драгая, только слова.
Со мною станешь ты, и съ нами Полидоръ
Съ богатствомъ на брегу въ тѣни Троянскихъ горъ.
На слухъ со всѣхъ сторонъ Фрагїйцы соберутся,
И къ облакамъ верьхи Троянскіе прострутся.
Великость царствъ въ одной не состоитъ стѣнѣ,
Но въ полной жительми, обильной всѣмъ странѣ.
Воздвигли Трою тѣ сопренну Геркулесомъ,
И нынѣ обновятъ попранну Ахиллесомъ.
Отецъ твой возвратилъ ихъ силою весь вредъ
Которой претерпѣлъ нещастливой твой дѣдъ.
По жребью получилъ я въ Троѣ ту корону,
Чѣмъ твой отецъ вѣнчанъ по древнему закону.
На Полидоровъ ту, на твой верьхъ возложу,
И сѣтующему народу покажу,
Что паки живъ Прїамъ и обновляетъ Трою.
Но какъ возведена на тронъ свой будешь мною,
То можноль мнѣ себя такой надеждой льстить,
Чтобы мнѣ у тебя и тамъ врагомъ не слыть?
Я больше для тебя, драгая, предпрїемлю,
Отеческу свою пренебрегая землю.

Тамъ

(*) Старое имя города Трои.

Тамъ ждетъ меня своя порфира и вѣнецъ,
Тамъ ждетъ меня, крушась при старости отецъ.

ИЛІОНА.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи безполезны:
Оставь меня, не множь мои потоки слезны!
Кто можетъ снова намъ тѣ стѣны соградить,
Которыхъ не возмогъ и Гекторъ защитить?
Ни царство ужъ меня ни слава не прельщаетъ,
Которыя въ ничто судьбина превращаетъ.
Въ любви моей не толь велика есть цѣна,
Чтобъ честь твоя для ней была повреждена.

ДЕМОФОНТЪ.

Слыть братомъ Гектору всей чести имя равно,
И въ томъ же власть порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ славно.
Оставилъ Грековъ онъ сестру твою любя:
Я то же сдѣлаю и больше для тебя.
Ты удостой меня хоть взглядомъ, дорогая,
И посмотри, лице и очи примѣчая,
Возможно ли въ моей груди таиться льсти?
И можноль мнѣ страданія снести?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ИЛІОНА и ФИЛЛИДА.

ИЛІОНА.

къ Филлидѣ

Любезная моя Царевна, дай отраду.

ФИЛЛИДА.

отступая назадъ

Я вамъ лишь наношу препятствіемъ досаду!

ИЛІОНА.

удерживая Филлиду.

Оставлену отъ всѣхъ одна ты не оставь.

ДЕМОФОНТЪ.

Къ чему злой рокъ привелъ . . . .

ФИЛЛИДА.

къ нему.

Теперь себя оправь. . . ?

Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;
Забудь, что вѣчной срамъ туда пойдетъ съ тобою.
Мои заслуги ты забудь, и два вѣнца,
И вѣрность, и любовь, и совѣсть, и отца.
Но мнѣ чтобы о семъ и памяти лишиться,
Пойду безсчастная . . . но гдѣ мнѣ будетъ скрыться?

ИЛІОНА.

Я слѣдую тебѣ, погибну иль спасусь.

ДЕМОФОНТЪ.

Дражайшая, пожди, позволь. . . .

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, *одинъ.*

Какъ я мятусь!

О коль свирѣпыя въ моемъ бьютъ сердцѣ волны!
Противными страстьми и грудь и мысли полны!
Я жалостью къ одной и нѣжностью плѣненъ,
Другой заслугами и должностью врученъ,
Смотря на первую, пронзенъ позабываюсь;
Но на другу взглянувъ, я въ совѣсти терзаюсь.
Любовь, желанье, стыдъ, отчаянье, боязнь
Воюютъ внутрь меня: о коль велика казнь!

Гдѣ

Гдѣ мужество мое? Гдѣ крѣпость неизмѣнна?
Лежитъ отъ слабостей моихъ преодолѣнна!
О какъ ты развращенъ, безсчастной Демофонтъ!
Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами Понтъ!
Нещастье бы къ одной тебя не обязало,
И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
Что дѣлать ужъ теперь? И кто мнѣ дастъ совѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и ДРАМЕТЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Скрѣпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драметъ!

ДРАМЕТЪ.

Доколѣ, Государь, ты будешь колебаться?
Доколѣ будешь въ плѣнъ страстямъ здѣсь отдаваться?
Тогда какъ Греція того всечасно ждетъ,
Ужель Пріамова наслѣдства больше нѣтъ?
И вѣтры щастію ея споспѣшествовали,
Когда къ симъ берегамъ твой флотъ они пригнали.
И случай повелѣлъ и Полимнесторъ самъ,
Чтобы Пріамовъ сынъ былъ отданъ въ руки намъ.
Хотя еще онъ малъ, но Грековъ устрашаетъ:
Что къ нашей пагубѣ въ немъ Гекторъ возрастаетъ.
Представь, когда на нашъ онъ устремлялся флотъ,
Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверьхъ водъ.
Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ токи;
И раны наложилъ коль Греціи глубоки!
Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
Коль много тамъ сиротъ, коль много плачетъ вдовъ!

Всѣ Гречески Цари съ отцемъ твоимъ согласно
Тобою отвратить желаютъ зло ужасно,
Чтобъ стѣнъ Прїамовъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,
Ихъ дѣтямъ и тебѣ потомъ бы не отмстилъ.
Но страсть твоя гаситъ тѣ искры возбраняетъ,
Отъ коихъ съ прочими и твой градъ воспылаетъ.
Себѣ и обществу страсть вредну истребляй;
Коль долго случай есть, отечество спасай.

ДЕМОФОНТЪ.

Оставило оно при старости Тезея,
И защищать его не хочетъ отъ Мнестея;
То должно индѣ мнѣ прибѣжища искать,
И вмѣсто помощи за то ему отмщать.

ДРАМЕТЪ.

Послушай, Государь, рѣчей моихъ спокойно;
Природѣ ли твоей начать сїе пристойно?
Какъ можетъ отъ чужихъ того желать Тезей;
Чего напрасно ждетъ отъ крови онъ своей?
Тебѣ отца спасти всего достоитъ прежде,
И многихъ съ нимъ Царей не обмануть въ надеждѣ;
Которые тебя за вѣрность наградятъ;
Когдажъ преслушаешь: подумай, какъ отмстятъ!
Толь много царствъ покрыть всѣ способы имѣешь.
Филлида въ путь съ тобой спѣшитъ, что ты коснѣешь?

ДЕМОФОНТЪ.

Я выше бы всего Филлиду почиталъ,
Какъ Илїоны бъ я на свѣтѣ не видалъ!

ДРАМЕТЪ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье страсти,
Послушать Грецїи, отца покрыть въ напасти,
И очи отвратить и заперетъ свой слухъ
Отъ всѣхъ мечтаній тѣхъ что твой смущая духъ,

Пре-

Препятствуютъ скончать страхъ общій съ Полидоромъ.
Дерзай и не мятись себѣ пріятнымъ взоромъ,
И промыслъ для того тебѣ сей случай далъ,
Чтобъ сердце мужеско теперь ты показалъ.
Предъ всѣми Греками я буду въ томъ свидѣтель,
Коль сильну страсть въ тебѣ попрала добродѣтель.

ДЕМОФОНТЪ.

Я знаю что вездѣ похвальню то, Драметъ,
Когда кто слабости уму подъ власть даетъ.
Мнѣ совѣсть и отецъ, Филлида и всѣ Греки
Велятъ, чтобы забылъ Троянку я во вѣки.
Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечетъ?

ДРАМЕТЪ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелесть въ ровъ ведетъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Я вижу лутчее, и видя похваляю;
Но хуждшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!
Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,
Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотрись.
Гдѣ дочь Пріамова нещастну грудь пронзила . . .
О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
Какимъ путемъ, Драметъ, я въ сѣть сію вошелъ! . . .
Какъ Иліону я впервые усмотрѣлъ,
Представилъ во умѣ поверженную Трою!
И видя малые остатки предъ собою,
Подумалъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызетъ,
Что нѣтъ уже отца, ни храбрыхъ братей нѣтъ!
Печальна красота нещастьемъ умножалась,
И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась.
Тутъ склонность жалости, и склонности любовь
Послѣдовали внутрь, и вкралася мнѣ въ кровь;
Объемлетъ чувства всѣ . . . .

ДРА-

ДРАМЕТЪ.

Искореняй мысль злую,
И первой тщись любви поработить другую.

ДЕМОФОНТЪ.

Я благодарность тамъ любовью называлъ,
Какъ здѣсь саму любовь за жалость почиталъ,
Со обоихъ сторонъ понятіемъ неяснымъ
Покрытъ, иду путемъ со мною несогласнымъ.
Я чувствуя въ себѣ ихъ силу обоихъ,
Обѣимъ слѣдую, и ни одной изъ нихъ!

ДРАМЕТЪ.

Какой нибудь къ тому ты приведенъ причиной;
Но сердце оставляй Филлидѣ ужъ единой,
И слово данное и вѣрность къ ней держи.

ДЕМОФОНТЪ.

Но какъ я то начну? любезной другъ, скажи,
Прогнѣванной ужѐ предъ очи какъ предстану,
Глубоку отъ другой имѣя въ сердцѣ рану?

ДРАМЕТЪ.

Лишь только ты теперь себя преодолѣй,
Любовь ея къ тебѣ возобновится въ ней,
Сильнѣе прежняго отъ слезъ твоихъ вспылаетъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Надежда чрезъ тебя ужъ духъ мой ободряетъ;
Я нынѣ овладѣлъ толь сильными страстьми.
Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье отними;
Крѣпи въ намѣреньи, хвали мою побѣду,
Не дай съ похвальнаго мнѣ совратиться слѣду.
О вѣрность искренняя! ты слабость истребя,
Дай силу мнѣ склонить Филлиду и себя.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Царевна, совершивъ я должныхъ жертвъ обряды,
Искалъ послѣ трудовъ желанныя отрады.
Сраженья частыя, далекіе пути,
Труды, что для тебя одной я могъ снести,
Велятъ отдаться мнѣ любезному покою.
Но усмотрѣвъ тебя печальну предъ собою,
Къ спокойствію себя принудить не возмогъ,
И утѣша тебя послѣдовалъ въ чертогъ.
Какіи противности тебя поколебали?
Я смѣю ли подать совѣтъ тебѣ въ печали?
Я смѣюль угадать; кто могъ твой духъ смутить,
И угадавъ, тебя отъ скорьби свободить?

ФИЛЛИДА.

Не наводи, ахъ, Князь! на мысль мнѣ больщей ночи?
И такъ уже стыдомъ мои покрылись очи;
Оставь на единѣ безщастную вздыхать.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Тебя ли я могу терзаніямъ отдать?
И долгъ меня къ тому и ревность понуждаетъ,
И младость и краса твоя повелѣваетъ;
Чтобы отъ тщетныхъ мукъ теперь тебя спасти,
Отъ страсти свободить и въ чувство привести.

Ахъ!!

Ахъ! что прельщаешься чужею ты страною?
Или отечество ужъ гнусно предъ тобою?
Или такого въ немъ ужѐ Героя нѣтъ,
Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступить не предосудитъ свѣтъ,
Ктобъ равенъ Греку былъ достоинствъ всѣхъ хвалою?
Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
Въ которомъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,
И въ очи ж въ уста жаръ внутренній стремитъ;
Не зная, будетъ ли тобой оно щастливо,
Мученія въ лицѣ изображаетъ живо.

ФИЛЛИДА.

Не вѣрь, ахъ! Князь, словамъ, и взглядамъ ты не вѣрь,
По виду внѣшнему чувствъ внутреннихъ не мѣрь.
Чужаго сердца знать движеній не возможно!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Оно въ груди моей, я знаю то не ложно!

ФИЛЛИДА.

Что слышу я еще! ты очи, Князь открой,
И посмотри, что здѣсь Филлида предъ тобой.
Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя отрады,
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, какъ дочь любить принадлежитъ тебѣ;
Иного пламени не воспаляй въ себѣ.
Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Иліоны?
Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когда безсмертные повергли ужъ Троянъ,
Когда Пріамъ, Парисъ, и Гекторъ ихъ попранъ,
И острый мечь пресѣкъ младый вѣкъ Поликсены;
Въ крови и пеплѣ дымятся падши стѣны;

Когда они весь родъ искоренить хотятъ:
Боюсь, что и меня съ нимъ купно поразятъ.
Безумно грудь свою поставить противъ грому,
И на боговъ возстать.

ФИЛЛИДА.

О какъ ты дѣлу злому
Дать хочешь видъ добра, и страсть свою закрыть!
Престань передо мной и мыслїю грѣшить.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Или ужъ грѣхъ любить лице мнѣ толь прекрасно?
Или, дражайшая, трудился я напрасно,
Когда я собственны забавы презиралъ,
И день и ночь о томъ лишь только помышлялъ,
Дабы распространить еще твою державу,
И царски воспитавъ, твою умножить славу?
Прїятностьми, что иной покрыты разцвѣли,
Кромѣ меня владѣть кто долженъ на землѣ?
Я нѣжилъ ихъ восходъ, и зрѣлости ждалъ жадно;
То плодъ ихъ потерять мученье безотрадно!
Кто лучше моего здѣсь знаетъ силу правъ,
Обычай подданныхъ, и твой, Царевна, нравъ?
И кто, какъ я, въ уздѣ удержитъ ихъ свободу,
И склонностямъ твоимъ отдастъ себя въ угоду?
Ахъ вспомни, что Ликургъ по смерти говорилъ!

ФИЛЛИДА.

Хотя владѣнїе тебѣ онъ поручилъ;
Однако сердце онъ въ моей оставилъ власти.
Не могутъ повелѣть Цари любовной страсти.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Такъ буду я крушась въ чужихъ рукахъ смотрѣть
На тую, что велятъ и боги мнѣ имѣть?

Я щастливъ былъ здѣсь, когда бы я волнами
Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами.
Я сердцемъ бы твоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
И что при томъ? другой любви искать бы смѣлъ!
Ахъ сжалься, погляди на отческiе бреги
Исполненны вездѣ прiятности и нѣги!
Или они тебя не могутъ побудить,
Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
И рѣки, и поля, и горы воздыхаютъ,
И видомъ жалостнымъ тебя увѣщаваютъ:
Филлида не лиши твоей насъ красоты!
Тоголь не чувствуешь? тоголь не слышишь ты?

ФИЛЛИДА.

Престань такими, Князь, терзать меня словами;
И дай мнѣ умягчить тоску свою слезами.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я жалостью твоей смущаясь, отхожу,
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Невѣрности отмстить ты полну власть имѣя,
Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя,
Пришельца своему, и Демофонта мнѣ,
Кроваву Грецiю любезной той странѣ,
Гдѣ тронъ твой, гдѣ на свѣтъ впервые ты воззрѣла?

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Нигдѣ не слыхано толь злобственнаго дѣла!
Невѣрность кругъ меня, тая свой лютой ядъ,
Являетъ ласковой и полной желчи взглядъ.
Присягу преступивъ одинъ подлогъ скрываетъ,
Другой не такъ меня какъ скипетра желаетъ.

Что нынѣ я начну, куда я обращусь?
Или отъ льстиваго къ невѣрному склонюсь?
Филлида укрѣпись и бурямъ стань протиеу,
Закрой отъ нихъ глаза, оставь надежду лживу.
Предписаннаго жди мученїямъ конца,
Неблагодарнаго забудь, забудь льстеца.
Но позабыть его чѣмъ больше я желаю,
Тѣмъ больше въ мысль беру, и тверже вкореняю!
Никакъ любовь тебѣ, никакъ не измѣняю!
Но что мнѣ въ томъ, когда его не преклоню?
Такъ стану преклонять преступника мольбою?
Такъ буду, Демофонтъ, я плакать предъ тобою?
Какъ слезны станешь ты потоки презирать?
Но я, лишь обратись, готова все начать!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

КРЕУЗА.

Царевна! по твоей исполнила я волѣ.
Теперь ужь ничего не остается болѣ,
Какъ только чтобы твой послѣдней былъ приказъ,
По коему сгоритъ флотъ Греческій тотъ часъ.
Закрыты на судахъ лѣсистыми горами
Стоятъ рабы твои съ готовыми стрѣлами,
Чтобъ пламень оными на корабли пустить,
И Демофонтъ путь въ Аѳины прекратить.

ФИЛЛИДА.

Пускай и самъ огнемъ скончается невѣрной!

КРЕУЗА.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,

Царевна, мѣрности при мщенiи держись,
И безотраднаго раскаянья блюдись!

ФИЛЛИДА.

Ты зная отъ него меня теперь презрѣнну,
Что мстить препятствуешь за мерзскую измѣну?
Мой плѣнной духъ и такъ склоняется къ нему,
Противится себѣ, противится уму,
И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ,
То что ей твой совѣтъ, Креуза, помогаетъ?
Что гнѣвъ мой прекратить твой хочетъ разговоръ?
Незлобiя во мнѣ не кажетъ ли мой взоръ?

КРЕУЗА.

Ахъ, вспомни, какъ моимъ совѣтомъ ты гнушалась:
Но нынѣ я твоей печалью оправдалась;
Тогда было тебѣ не слушать льстивыхъ словъ.

ФИЛЛИДА.

И здравой умъ на все не можетъ быть готовъ.
А поступать въ любви, Креуза, осторожно,
И мысль знать по рѣчамъ, повѣрь, что не возможно.
Тамъ кажется ни въ чемъ худыхъ не будетъ слѣдствъ,
Ни въ чемъ не видно тамъ необходимыхъ бѣдствъ:
Опасность кажется сама въ ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За страстью я своей не видѣла умомъ,
Что Демофонтовъ домъ на берегу чужомъ.
И сладость, что текла прелестными устами,
Не жаромъ рождена, но хладными волнами!
Я думалалъ тогда, что мнѣ онъ только льститъ?

КРЕУЗА.

Минута жаръ зажгла, минута погаситъ.

Любовь

Любовь съ надеждою живетъ, и умираетъ,
Отъѣздъ его любовь и скорбь твою скончаетъ.

ФИЛЛИДА.

Такъ отпущу его, Креуза, не отмстивъ?
Такъ насмѣявся онъ, отсель уѣдетъ живъ?
Но мнѣ ли требовать отъ Демофонта мести?
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!
Казнить его спѣшу; но имъ еще полна:
Хотя отчаялась, еще ему вѣрна!

КРЕУЗА.

Исполненной тебѣ прїятнаго толь яда
Противны способы, противна вся отрада.
Когда болящему сама болѣзнь люба,
То сила всѣхъ лѣкарствъ бездѣльна и слаба.

ФИЛЛИДА.

Филлида, умирай; но возвративши славу,
Отмсти, и презирай любовь, животъ, державу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ФИЛЛИДА, КРЕУЗА и ДРАМЕТЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Исполни праведно отмщенїе на мнѣ,
Я оправдать себя не тщусь въ своей винѣ.

ФИЛЛИДА.

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Продерзостной предсталъ еще передо мною!

ДЕМОФОНТЪ.

Воздыханїямъ моимъ, ахъ, небо, помоги!

ФИЛЛИДА.

Преступникъ, удались, отъ глазъ моихъ бѣги.

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, позволь сказать хотя едино слово:
Я казни лишь прошу, и ничего другово.
Еще ли чаешь ты въ коварности успѣть?
Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ сѣть?
Довольно ужъ, что ты за всѣ мои прїязни,
Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни,
Шесть мѣсяцовъ ко мнѣ горячность притворялъ,
Которой въ сердцѣ ты отнюдъ не ощущалъ.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздать мнѣ за прїязнь собою.
На толь старалась я о корабляхъ твоихъ,
Чтобы похитить честь и жизнь мою чрезъ нихъ!
Богъ моря, богъ войны, богъ вѣтра, богъ любови,
Какъ станутъ мстить, на месть твоей не станетъ крови.

ДЕМОФОНТЪ.

Когда уже въ моихъ словахъ нѣтъ столько силъ,
Дабы увѣрить въ томъ, что я тебя любилъ,
Что я не вольно впалъ въ такое преступленье,
Что лютое терплю раскаявши ь мученье,
Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;
То будетъ въ томъ мнѣ смерть свидѣтель предъ тобой.
Когда я не могу увѣрить въ томъ слезами,
Увѣрься же теперь кровавыми струями.

хочетъ заколотъся

ФИЛЛИДА.

хватая за руку и съ нею прочие держатъ.

Ахъ дерзской!

ДРАМЕТЪ.

Для боговъ!

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ.

къ Филлидѣ.

Ты хочешь чтобъ я жилъ,
Когда ужъ я тебѣ, и самъ себѣ постылъ?

ФИЛЛИДА.

Ты хочешь смертію меня увѣрить злою,
Что предъ тобой гнусна и жизнь твоя со мною?
Ты хочешь для того со свѣта убѣжать,
Чтобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видать?

ДЕМОФОНТЪ.

Чтобъ жизни дать конецъ безславной толь и слезной,
Чтобъ тягостну не быть и небу и любезной.

ДРАМЕТЪ.

Вкладываетъ Демофонту шпагу.

Не будь, ахъ Государь, себѣ и намъ жестокъ:
Живи и вѣрностью загладить тщись порокъ.

КРЕУЗА.

Вы вспомните залогъ любовнаго союза!

ФИЛЛИДА.

Ахъ то ли, то ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
Чтобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склонять?

ДЕМОФОНТЪ.

За тѣмъ ли не даешь животъ свой мнѣ скончать,
Чтобъ слышалъ я свой срамъ, которой горше смерти?
Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью стерти!

Опять хватается за шпагу, но они недопускаютъ выняшь.

ФИЛЛИДА.

Свирѣпой, чаешь ты, я мало слезъ лила?
И мало для тебя я претерпѣла зла?

ДЕМОФОНТЪ.

Причину золъ твоихъ искоренить желаю:
Чтожъ воли отъ тебя на то не получаю?

Позволь

Позволь мнѣ умереть; или прости вину,
Съ которой жизнь свою раскаявшись кляну!
Когдабъ я могъ сказать, твой гнѣвъ не умножая,
Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,
Какая внутрь меня была тогда борьба:
Тобъ ты увѣрилась, ахъ! коль ты мнѣ люба!

ФИЛЛИДА.

Ты любишь! и бѣжать готовъ отсель всечасно!
Любить и прочь бѣжать, какъ можетъ быть согласно?
Что толь несносное примѣтилъ ты во мнѣ?
Въ какой я, покажи, обличена винѣ?
Я тѣмъ ли предъ тобой, я тѣмъ ли погрѣшила,
Что не крушивъ тебя, любовь свою открыла?

ДЕМОФОНТЪ.

Чѣмъ ты безвиннѣе, драгая предо мной,
Тѣмъ больше множится порокъ мой предъ тобой;
Но ты мнѣ отпусти толь тяжко погрѣшенье,
И щедрой прослыви на свѣтѣ чрезъ прощенье.

на колена становится

ФИЛЛИДА.

Ахъ, что желаешь ты еще меня крушить,
Съ надеждою во мнѣ и муку обновить?
Непостоянствомъ какъ, о какъ твоимъ терзаюсь!
Прошедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
Иль волею въ другой обманъ себя отдамъ?

на сторону

Но смерть мнѣ не проститъ, проститъ мнѣ вѣчной срамъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Прости!

ДРАМЕТЪ.

Дражайшія сердца соединитесь,
И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

КРЕУЗА.

къ Филлидѣ

На жалость преклонись.

ФИЛЛИДА.

О какъ мой духъ смущенъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощенъ.

ФИЛЛИДА.

На что меня твои вопросы принуждаютъ?
Не ясноль слабости мои тебѣ являютъ,
Отчаянье и скорбь, и слабая гроза
Смущенныя слова и полны слезъ глаза!

поднимаетъ

Свирѣпой, торжествуй: ужѐ я признаваюсь,
Что тщетно въ страсти я передъ тобой скрываюсь.
Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.
Ахъ чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!
Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;
Но радость всю въ тебѣ и щастье полагаю.
Въ державѣ я своей пріемлю твой законъ,
Вручаю сердце, жизнь, отечество и тронъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Хотя о таковомъ прощеньѣ сомнѣваюсь,
Что въ несказанномъ я порокѣ признаваюсь;
Но страхъ отъемлетъ мнѣ возлюбленный твой видъ,
Залога склонности твоей просить велитъ.
Позволь, дражайшая, принять свою мнѣ руку,
И во все истреби мою сердечну муку.

принявъ руку цѣлуетъ

Коль долго я сея держуся на землѝ,
Толь долго, небо, мнѣ быть щастливу вели!

Я принялЪ чрезЪ нее спасенье отЪ пучины,
Ее я лобызалЪ, избавясь отЪ кончины.
Я ею первой знакЪ любови получилЪ.
Кому нещастной ахЪ! кому я измѣнилЪ?
Ты всѣ противности мои позабывая,
Преступнику даешь прощенїе, драгая!
Безсмертные, когда оставлю я ее,
Мое исторгните отЪ свѣта бытїе.
Пусть ПонтЪ пожретЪ меня свирѣпыми волнами,
Когда желанный брегЪ ужЪ будетЪ предЪ глазами;
Пусть буду на пустомЪ песку не погребенЪ,
ОтЪ птицЪ и отЪ звѣрей на части расхищенЪ!

ДРАМЕТЪ.

Любови обновивЪ союзЪ неоцѣненный,
УжЪ время поспѣшать вамЪ вЪ путь опредѣленный.

ФИЛЛИДА.

ОтЪ Полимнестора какЪ можемЪ утаить?

ДЕМОФОНТЪ.

Любовь моя, любовь все можетЪ побѣдить!

Конецъ третьему дѣйствїю.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Какое щастіе тебя ко мнѣ ведетъ,
Отъ коего мой духъ еще отрады ждетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я здѣсь искалъ тебя.

ИЛІОНА.

Ужель стенаній сила
Тебя къ нещастливой на жалость преклонила?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я видя, что тебя сомнѣнія мятутъ,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждутъ:
Пресѣчь и рушить ихъ, Царевна, поспѣшаю;
Тебѣ то будетъ все пріятно, уповаю.

ИЛІОНА.

О небо, возсіяй въ мою затмѣнну грудь,
И сердцу томному дай нынѣ отдохнуть!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не пришолъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманы
И сладкой ядъ влагать для большей скорби въ раны
Но искренность моя не можетъ утаить
Того, что боги мнѣ велѣли совершить;
Я вѣрность обѣщалъ хранить тебѣ нелoжно,
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.

Когда

Когда бы я къ тебѣ любови не имѣлъ,
Когдабъ сердечной жаръ и нынѣ не кипѣлъ:
То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
И клятву преступить мнѣ можно безпорочно,
Сказалъ бы, что не знавъ я твоего лица,
Не красоту твою, но представлялъ отца,
Богатство представлялъ и въ славной силѣ Трою,
И все что было въ ней я называлъ тобою.
Но я довольствуясь достоинствомъ твоимъ,
Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ таковымъ.
И жалость и любовь къ тебѣ меня терзаетъ,
И гнѣвной мнѣ отвѣтъ отъ олтаря смущаетъ!
Ахъ, естьли бы и то подобной былъ подлогъ,
Ахъ, естьлибъ я и то почесть въ неправду могъ,
О! естьлибъ преступить возмогъ я безъ боязни,
Ни мнѣ ниже тебѣ не ожидая казни,
Что далъ отъ олтаря мнѣ строгой Марсъ въ отвѣтъ!

ИЛІОНА.

Къ надеждѣ ли меня иль къ пагубѣ влечетъ?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,
Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.
Чрезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
Чрезъ Грековъ же хотятъ и исцѣлить отъ ранъ;
Ихъ стѣны обновить Героя посылаютъ,
И красоты твоей меня они лишаютъ;
Велятъ, которую я воспиталъ, любить;
Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручить,
Ихъ волѣ и тому, кто воспаленъ тобою,
Лежащу обѣщалъ тебѣ возставить Трою.

ИЛІОНА.

Возможноль, чтобы тѣжъ насъ боги сочетать
Хотѣли, и тотъ часъ невинно разлучать?
И можешь волѣ ихъ не медля согласиться,
Какъ ежели она противъ твоей, стремится?
Не смѣешь противъ ней ты слова испустить?
Ахъ, тѣмъ ли хочешь ты невѣрность утаить?
Вотще ко храму ложь прибѣжище имѣетъ;
Сквозь святости покровъ коварства ядъ чернѣетъ.
Ты видомъ лишь однимъ послѣдуешь богамъ,
Но дѣломъ востаешь противу оныхъ самъ.
Ты хочешь скипетръ чужой отнять, не устрашаясь;
Но съ трономъ упадешь, не право возвышаясь.
Пускай что можешь ты въ продерзости успѣть,
И младость нѣжную тиранствомъ одолѣть,
Какую чаешь въ томъ себѣ имѣть забаву?
Какую можешь тѣмъ снискать на свѣтѣ славу?
Ты ненавистію отвсюду окруженъ,
И лютыми смертьми по всякъ часъ устрашенъ,
Отъ той самой страшась, душею возмутишься,
Для коей преступишь присягу не боишься.
Но правда чистая всегда предъ тѣмъ скверна,
Въ комъ злость проклятая живетъ вкоренена.
Когда бы ты еще имѣлъ любви хоть мало,
И сердце бы ко мнѣ хотя легко пылало;
То могъ либъ ты снести, чтобы кровавой Грекъ
Отъ взору твоего въ полонъ меня повлекъ;
Дабы тамъ въ торжествѣ онъ могъ меня представить,
И сопостатъ себя въ отечествѣ прославить;
Дабы съ презрѣніемъ народъ увидѣлъ тамъ,
Котору поручилъ тебѣ въ чертогъ Пріамъ.

Не

Не лучше ли сказать, что нынѣ Иліона
Не блещетъ славою отеческаго трона,
Что нынѣ не льститъ вѣнецъ и не смущаетъ страхъ,
Что въ Греческихъ гремѣлъ отъ Гектора полкáхъ?
Ты чаешь, что онъ мертвъ? онъ живъ, ужѐ вставаетъ:
Земля предъ нимъ врата, тряхнувшись, отверзаетъ!
О Гекторъ! поспѣшай, и за сестру отмсти,
И брата своего въ младенствѣ защити!
Оружїемъ звучитъ, огнемъ вооруженъ!
А ты, предатель мой, еще не устрашенъ?
Мечемъ ужъ надъ твоей онъ головой сверкаетъ.
Коль темна ночь глаза и духъ мой помрачаетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, истиненъ твой гнѣвъ! я лютой твой тиранъ!
Но волей ли моей союзъ любви попранъ?
Столь много рѣчь твоя меня не укоряетъ,
Какъ совѣсть внутрь грызетъ меня и обличаетъ!
Я строгой бы готовъ противиться судьбѣ,
И въ жертву принести себя одной тебѣ;
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше тѣмъ тебя безщастну погубляю.

ИЛІОНА.

О жалость звѣрская, жалѣть и убивать!
Незлобїе мое ты можешь презирать?
Я въ самой часъ, когда ты лютыми устами
Священный рвешь союзъ положенный межъ нами,
На ненависть себя принудить не могу,
И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.
Но больше не хочу стараться быть любезна.
Ужѐ моя къ тебѣ надежда безполезна!

Блистаетъ съ красотой Филлидиной вѣнецъ,
Мнѣ слёзы лишь однѣ оставилъ мой отецъ!
Безчеловѣчной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты всѣ считаешь.
Ужè ты не меня, но и себя забылъ:
Твои всѣ мысли съ той, которой ты постылъ.
Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ,
Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каковъ они союзъ межъ нами утвердили.
Ты чистой жаръ ко мнѣ безстуднымъ погаси,
И сердце предъ олтарь преступно понеси.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я съ онымъ приступить къ богамъ не обинуюсь,
Когда отвѣту ихъ и волѣ повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИЛІОНА *одна.*

Чего не можетъ злость проклята предпріять?
Велитъ, забывъ вражду, за Грека посягать!
Велитъ мнѣ позабыть отечества паденье,
И братей и сестры несносное мученье.
Какъ Гекторъ былъ попранъ, лишенъ по смерти гроба,
Какъ матери моей растерзанна утроба,
Пронзенный какъ Пріамъ предъ олтаремъ лежалъ,
Въ сыновней и въ своей крови животъ скончалъ!
Какъ мнѣ не представлять ту ночь безчеловѣчну,
Что день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну?

И лютыхъ хищниковъ торжествовавшихъ крикъ,
Которой мнѣ и здѣсь наноситъ страхъ великъ.
Какъ Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ буйствѣ яромъ;
Чрезъ сродниковъ моихъ стремилися тѣла,
Изъ коихъ по землѣ густая кровь текла.
Въ такой ли отпустилъ чертогъ меня родитель?
Такой готовишь бракъ, о лютый, мнѣ, мучитель!
Однако тѣмъ своихъ очей не насладишь;
Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ стоишь.
Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила?
Но мести слабыя мнѣ недовольна сила.
Онъ долженъ пагубу увидѣвъ возстенать,
Вотще раскаяться, безъ пользы духъ отдать.
И месть моя ничто, когда онъ не узнаетъ,
Что муку отъ моей руки претерпѣваетъ.
Ужъ время; что стою? но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здѣсь, и прочь не тщусь бѣжать.
Еще смущеннымъ я умомъ того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу!
Съ какимъ презрѣнїемъ оставилъ онъ меня!
Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ отчаяньѣ еще надежда мнѣ сїяетъ.
Но въ чемъ надежду я еще имѣть могу:
Онъ въ сердце вкоренилъ во вѣкъ уже другу!
Одна надежда мнѣ, надежды всей лишиться:
И съ братомъ въ тѣжъ мѣста нещастливымъ укрыться.
Укроюсь? и своихъ не нaслажду очей,
Какъ будетъ жизнїю гнушаться онъ своей?
Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора
Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишится взора,

Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачетъ Деифилъ,
Котораго отецъ на муку имъ вручилъ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Ты жалобы оставь, Царевна, безполезны;
Помогутъ ли тебѣ теперь потоки слезны?
Троянскіе спасать остатки поспѣшай,
И брата отъ руки противничей скрывай.

ИЛІОНА.

Когда уже и здѣсь мы не нашли защиты;
То кѣмъ нещастные мы можемъ быть покрыты?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МЕМНОНЪ *одинъ*,

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла преобращаетъ рокъ!
Сего дня сверженъ внизъ, кто былъ вчера высокъ;
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;
Тотъ вечеромъ постылъ, кто утромъ былъ любезенъ.
Давно ли Трои верхъ касался облаковъ,
Гдѣ нынѣ смрадными костьми наполненъ ровъ?
Давноль со славой дочь Пріамову встрѣчали,
Что нынь отверженна терзается въ печали?
О ты величества и бѣдности примѣръ
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
О Троя, ты сердца Геройскія родила,
И въ пепелѣ своемъ упадши ихъ покрыла!

На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?
На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?
Ахъ, лучшебъ со стѣны низринуту разбиться,
И ей въ крови своей невинной обагриться,
Со братними костьми соединясь лежать,
И купно пепелъ свой съ отеческимъ смѣшать,
Какъ нынѣ приклонить куда главу не зная,
Не видѣть горести неслыханныя края!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Что медлишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
И что изъ глубины ты испускаешь стонъ?
Никакъ препятствія въ намѣреньи случились;
И наши тайные совѣты ужъ открылись?

МЕМНОНЪ.

Опасности ни въ чемъ не видно никакой,
И флотъ къ отшествію со всѣмъ исправленъ твой;
Филлида на него по всякой часъ взираетъ,
И по стопамъ твоимъ во слѣдъ итти желаетъ.
Лишь только тьмой твои суда покроетъ ночь,
Отъ нашихъ береговъ пустись щастливо прочь.
Въ отсутствіе твое, въ отсутствіе Филлиды
Правленіе земли другіе примешъ виды.
Дотолѣ Князю я отъ ревности служилъ,
Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ;
Но нынѣ онъ свои законы преступаетъ,
И тѣмъ отъ нихъ меня и прочихъ свобождаетъ.

Ты

Ты ревность искреннюю къ Царевнѣ сохрани,
И утвердивъ престолъ въ Афинахъ не косни;
Воспоминай всегда мое послѣдне слово:
Здѣсь сердце подданныхъ принять тебя готово.

ДЕМОФОНТЪ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,
Прости, и обоихъ въ отсутствіи люби.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и ФИЛЛИДА.

ФИЛЛИДА.

Ты видишь, что тебя я ради предпріемлю?
Дерзаю чрезъ валы итти въ чужую землю!
Не Полиместора я устрашась бѣгу,
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь;
Но и въ опасности съ тобой не опасаюсь.
Когда ты мнѣ не льстишь, когда ты вѣренъ мнѣ,
То вѣренъ будетъ намъ и путь во глубинѣ.

ДЕМОФОНТЪ.

Хоть тягостны труды, но наградитъ отрада,
Когда постигнемъ мы отеческаго града.
Коль радостно тебя увидитъ тамъ Тезей!
Какое множество сберется тамъ людей!
Признаки по путямъ побѣдъ моихъ поставятъ,
И пѣсни брачныя къ торжественнымъ прибавятъ.
Прекрасно солнце! ты зайди за глубину,
На горизонтъ пусти скорѣе тьму ночну:

И прежде не блистай пресвѣтлыми лучами,
Пока сей брегъ отъ насъ не скроется валами;
Сей брегъ, отъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
Но неотступно внутрь сердецъ его держимъ.
Межь тѣмъ съ Мемнономъ скрыть я долженъ намъ дорогу,
Чтобъ, ежель Княжескъ полкъ ударитъ вдругъ тревогу,
Успѣли въ городѣ намъ вѣрные полки
Спасти насъ отъ его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минуту.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Оставшись, чувствую тоску на сердцѣ люту.
Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ! поди,
И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
Что смутной въ землю взоръ, унывши, потупляешь?
Ты стонешь! ахъ! о чемъ? ты слезы проливаешь!
Далекаго пути, драгая, не страшись,
Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

КРЕУЗА.

Не путь меня, не путь далекой устрашаетъ,
Но близкая бѣда всѣ чувства отягчаетъ.
Коль много терпишь зла отъ нѣжной простоты!
О коль коваренъ онъ! о коль злощастна ты!
Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!
Намъ отнялъ въ скорби рокъ послѣднюю утѣху!

ФИЛЛИДА.

Престань смущать меня, безвременно таясь!
О! какъ я изъинюсь, когда увѣдалъ Князь?

Н

Но Демофонтъ ко мнѣ поспѣшно возвратится.

КРЕУЗА.

Ты больше на него не можешь положиться!

ФИЛЛИДА.

Ахъ сердца не пронзай . . . . .

КРЕУЗА.

Хоть поздо, будешь знать,
И время не велитъ нещастья умолчать.

ФИЛЛИДА.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

КРЕУЗА.

Я мимо проходя Троянскіе чертоги,
Увидѣла, спѣшитъ изъ нихъ къ судамъ Драметъ,
Младенца на рукахъ закрытаго несетъ,
И озирается страшливыми глазами:
Я видя тутъ рабу обмытую слезами,
Спросила, для чего она стоитъ смутна?
Отвѣствовала мнѣ: Царевна предана!
И князь не убоясь ни Бога ни закону,
Въ супружество даетъ другому Иліону,
И придетъ, говорятъ, поспѣшно Демофонтъ,
Безчастну тайно взять и увести чрезъ Понтъ!

ФИЛЛИДА.

Ахъ! лютой мой злодѣй, какъ могъ ты притвориться?
И какъ посмѣла я на лживомъ утвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ, спѣши,
И въ зломъ отчаяньи нещастной послужи;

Вели

Вели пуститься въ Понтъ стоящимъ подъ горами,
И воздухъ огустить горящими стрѣлами,
Чтобъ тучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Есть ли кто лукавѣй на земли!
Меня оставивъ здѣсь въ пріятной толь надеждѣ,
И больше нѣжности мнѣ показавъ какъ прежде,
Въ послѣдни изъ моихъ пошелъ прельщенныхъ глазъ!
О лютая судьба! о коль свирѣпой часъ!
Я твоего стою прихода ожидая,
Когда въ путь за тобой послѣдуетъ другая!
Но ты продерзской самъ почувствуешь тоску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я путь твой пресѣку:
Когдажъ не возмогу, то кровь моя струями
Тебя изобличитъ, кипя во слѣдъ съ волнами.

Конецъ четвертому дѣйствію.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и КРЕУЗА.

МЕМНОНЪ.

Багряные лучи закрыла ужъ заря,
Изъ глазъ отъемлетъ ночь и землю и моря.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
И представлялъ въ умѣ полки вооруженны,
Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,
Присудствовала мной у здѣшнихъ береговъ,
Чтобы Ѳракїяне тебя здѣсь ощущали,
Хотя бъ отшествїе твое отсюду знали.
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще!

ФИЛЛИДА.

Намѣренья мои погибли всѣ вотще.
Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ, полнымъ яду!
Теперь мнѣ кто подастъ отчаянной отраду?

МЕМНОНЪ.

Какая нынѣ скорбь врачитъ твой снова духъ?

ФИЛЛИДА.

Такою наглостью не оскорбленъ твой слухъ?

МЕМНОНЪ.

Какою?

ФИЛ-

ФИЛЛИДА.

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходитъ,
И въ пагубу меня конечную приводитъ!

МЕМНОНЪ.

Не представляй себѣ нещастїя сего . . . .
Но къ намъ Драметъ спѣшитъ; увѣрься отъ него.

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ.

ДРАМЕТЪ.

Царевна, корабли стоятъ готовы къ бѣгу,
И только ждутъ они тебя одной со брегу.
Способной Аквилонъ, покрытой горизонтъ,
Къ отшествїю съ тобой имѣетъ Демофонтъ.

ФИЛЛИДА.

Троянкѣ буду я послѣдовать рабою?
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Оставя свой престолъ, я буду тамъ взирать,
Какъ будетъ онъ себя на царство съ ней вѣнчать?

МЕМНОНЪ.

Я вижу, мнѣнїе тебя терзаетъ ложно.

ДРАМЕТЪ.

Прїамова дочь здѣсь.

ФИЛЛИДА.

Какъ быть тому возможно?

Когда ты брата взялЪ ужѐ на корабли,
Сестра ли отЪ него осталась на земли?

ДРАМЕТЪ.

Ужѐ теперь таить не дозволяетЪ время.
Тебѣ извѣстно, что Троянско ГрекамЪ племя
Противно на сердцахЪ, ужасно на поляхЪ:
Остатки онаго еще наводятЪ страхЪ!
За тѣмЪ я тщился здѣсь младаго Полидора
ОтЪ Иліонина во вѣкЪ отторгнуть взора;
И нынѣ я могу ужѣ ГрекамЪ показать,
Что Троя больше ихЪ не можетЪ устрашать.
Троянскія возстать не могутЪ больше стѣны:
Не можетЪ впредь ПарисЪ похитить вЪ нихЪ Елены.

ФИЛЛИДА.

АхЪ, коль ужасна вѣсть! какЪ бѣдство отвратить?

МЕМНОНЪ.

АхЪ небо, какЪ могло сіе ты попустить?
Нещастная сестра какую скорбь терпѣла!

ДРАМЕТЪ.

И кровь во мнѣ самомЪ отЪ жалости кипѣла,
КакЪ вЪ ИліонинЪ я посмѣлЪ вступить чертогЪ;
Но воли преступить отечества не могЪ.
Она едва вЪ слезахЪ промолвила, рыдая:
Когда насЪ истребить судьбина хочетЪ злая,
Когда насЪ предаетЪ, кто долженЪ защищать;
Осталось отЪ самихЪ враговЪ отрады ждать.
ОтЪ рукЪ неправедныхЪ покройте бѣдныхЪ, Греки!
Хотя свирѣпы вы, однако человѣки.

Отъ васъ я избѣжавъ, вселилась межь звѣрей,
Что носятъ на себѣ лишь видъ одинъ людей.
Промолвила, и мнѣ сама вручила брата.

МЕМНОНЪ.

О скверная алчба могущества и злата!

ФИЛЛИДА.

Но гдѣ мой Демофонтъ?

ДРАМЕТЪ.

Чтобъ ты могла притти
Безбѣдно на суда, отъ брегу по пути
Онъ ставитъ стражей самъ: за тѣмъ что вѣтръ способной
Прибавилъ много силъ въ часъ къ плаванью удобной.

ФИЛЛИДА.

Креуза отвратить нещастье поспѣши!
И руки злобныя отъ гнѣва удержи!

КРЕУЗА.

Раскаянїе твое едваль уже не позно.
О небо, проводи безъ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ.

ФИЛЛИДА.

увидѣвъ Иліону.

Коль неразсудно злюсь, любезной, на тебя!

ИЛІОНА.

Царевна, отъ меня что хочешь скрыть себя?

Не

Не скучнымъ досаждать къ тебѣ иду я споромъ
И не завистливымъ о щастьѣ разговоромъ;
Но слёзы горькія передъ тобой пролить,
И бѣднымъ помощи въ гоненіи просить.
Невинной Полидоръ на пагубу отъ муки,
И изъ тиранскихъ взятъ въ противнически руки,
Одинъ вашъ будетъ путь, но разной тамъ конецъ.
Его свирѣпа смерть, тебя тамъ ждетъ вѣнецъ!
Ты вѣдая меня и мысльми въ томъ невинну,
Чтобъ я къ смущеніямъ твоимъ дала причину,
Драгая, не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
Но помня, какова любовь межъ насъ была,
Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
Предстательствомъ спаси отъ смерти Полидора.
Достигни щастливо тебѣ желанныхъ странъ,
Чтобъ мучился, лишась надежды, нашъ тиранъ.

ФИЛЛИДА.

Я чувствовать могу болѣзнь твою сердечну,
Коль тягостно нести злость толь безчеловѣчну!
Но тотъ, кто долженъ самъ спасенія искать,
Какъ можетъ оное другому обѣщать?

МЕМНОНЪ.

оборотясь на сторону.

Что ночи темноту надъ моремъ прогоняетъ?

ФИЛЛИДА.

Ахъ, люта злость мою надежду пресѣкаетъ!

ДРАМЕТЪ.

Чѣмъ небо намъ грозитъ!

ФИЛЛИДА.

Гдѣ помощи искать?
Спѣши со мной, Драметъ, спасать и умирать.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Нещастье наши всѣ совѣты разрушаетъ,
И предпріятой путь Филлидѣ запираетъ.
Горитъ нещастнаго, ахъ! Демофонта флотъ,
И помощи лишенъ среди глубокихъ водъ!
О! сжальтесь вы хотя, морскія, сжальтесь, волны,
Востаньте на пожаръ, востаньте гнѣва полны.
Дождевны облаки, о небо, раствори,
И вихри пламенны потопомъ усмири!
Но крикъ при берегахъ и большій страхъ отъ треску
И умноженіе сіянія и блеску
Погибелію намъ отчаяннымъ грозятъ.

ИЛІОНА.

Теперь противникамъ за Трою боги мстятъ.
Когда они Троянъ державу разрушили,
Свирѣпствомъ и боговъ ко гнѣву побудили.
Они ихъ отпустивъ отъ нашихъ береговъ,
Хотятъ всѣхъ погубить среди крутыхъ валовъ.
О ты объ нихъ, Мемнонъ, печалясь, воздыхаешь;
Ты Трою раззорять тираннамъ помогаешь.

МЕМНОНЪ.

Когда бы вѣдала намѣренья мои,
Оставила бы ты роптанія свои.
Кто можетъ ближе всѣхъ къ Пріамову быть трону
Какъ тотъ, кому онъ самъ въ чертогъ далъ Иліону?

И

И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ быть,
Какъ тотъ, кого могла Филлида полюбить?
Я обое къ концу привесть желалъ, Царевна!
Но вижу, рушитъ все въ конецъ судьбина гнѣвна.
Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣетъ Князь!
Какъ можетъ дать отвѣтъ Филлида возвратясь?
Флотъ нынѣ Греческой ему ужь не ужасенъ:
Въ желаніи своемъ онъ будетъ безопасенъ.
Неизбѣжимая тебѣ грозитъ бѣда.
И мнѣ, безсмертные, достойна та ли мзда?
Кто нынѣ насъ спасетъ?

ИЛІОНА.

Тотъ бѣдство презираетъ,
Кто больше ужь себѣ спасенія не чаетъ.
Ни молнія меня, ниже Зевесовъ гнѣвъ,
Не можетъ устрашить: ударь не укоснѣвъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ИЛІОНА, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Аѳинской флотъ горитъ!

къ Иліонѣ.

Ты здѣсь! и гдѣ Филлида?

ИЛІОНА.

Гнушаясь твоего несноснаго ей вида,
Ни пламени ни водъ бѣжитъ не устрашась,
Я здѣсь, и чтобъ тебя тоской терзать, спаслась.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Нечаянная мнѣ и строга перемѣна,
Которою скорбитъ душа моя смущенна!

МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Теперь услышимЪ мы, кЪ чему насЪ рокЪ влечетЪ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и ВѢСТНИКЪ.

МЕМНОНЪ.

Какой судьба конецЪ смятеніямЪ даетЪ
ЧѣмЪ пламень намЪ грозитЪ, свирѣпствуя надЪ ПонтомЪ?

ВѢСТНИКЪ.

Филлиды больше нѣтЪ сЪ любезнымЪ ДемофонтомЪ!
Лишились жизни!

МЕМНОНЪ.

АхЪ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Несносной мнѣ ударЪ!

ИЛІОНА.

АхЪ! какЪ плачевныя погасЪ любови жарЪ?

ВѢСТНИКЪ.

Толь много бѣдствЪ сказать лишь только начинаю,
Откуду мнѣ начать, я вЪ ужасѣ не знаю!
Когда покрыла ночь со флотомЪ глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
ПоставивЪ ДемофонтЪ суда ко брегу строемЪ,
Чтобы любезную привесть на нихЪ сЪ покоемЪ,

На встрѣчу къ пристани лишь ѣхать поспѣшалъ,
Куда ее привесть Драмета онъ послалъ:
Внезапно изъ за горъ тамъ весла зашумѣли,
И стрѣлы огненны до облаковъ взлетѣли.
Упали съ высоты на насъ какъ сильной градъ.
Ужѐ на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
Пылаютъ парусы, валятся райны въ море,
Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь только слышно: горе!

ИЛІОНА.

О коль великой страхъ!

МЕМНОНЪ.

О лютая гроза!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мои глаза!

ВѢСТНИКЪ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закрутились.
Противны двѣ на насъ стихіи согласились.
И каждой тамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
И влажностію жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ пожгла огня неукротима сила,
Иныхъ несытая пучина поглотила.
И какъ я съ корабля старался въ ботъ сойти,
Я Демофонта вдругъ увидѣлъ на пути.
Пронзенъ, окровавленъ едва ужѐ дыхаетъ:
Стрѣла еще въ груди зажженная пылаетъ.
Я въ страхѣ возстенавъ, другихъ на помощь звалъ;
Отъ двухъ смертей исторгъ, и къ брегу съ нимъ присталъ;
Но въ сердцѣ трепетія трепещущемъ осталась:
Любезная душа отъ тѣла разлучалась.

Еще

Еще онъ, ахъ! тогда изъ глубины вздохнулъ,
И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ.
На берегъ пламенемъ шумящимъ освѣщенный,
Филлида къ намъ спѣшитъ, Драметъ съ ней устрашенный.
Увидѣла его безгласна предъ собой,
Старалась во слезахъ поднять его рукой,
И рѣчью возбудить хотѣла безполезной:
Промолви, Демофонтъ, промолви, мой любезной.
Онъ мрачные еще глаза свои открылъ,
И на нее взглянувъ впослѣдни затворилъ.
Промолвить силился еще между стенаньемъ,
Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ воздыханьемъ!

ИЛІОНА.

Нещастливой любви нещастливой конецъ!

МЕМНОНЪ.

Какъ будетъ возрыдать оставленной отецъ!

ВѢСТНИКЪ.

Филлида съ горестнымъ стенаньемъ возгласила:
На то ль, чтобы убить, тебя я полюбила?
И такъ ли путь пресѣчь тебѣ хотѣла я?
Не ты невѣренъ я измѣнница твоя.
Ахъ пусть бы ты ушолъ, ты могъ бы возвратиться.
И я ещебъ могла хотя надеждой льститься.
Теперь тебя ко мнѣ никто не возвратитъ,
И только смерть одна съ тобой совокупитъ.
Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,
И путь себѣ за нимъ со свѣта отворила.
Креуза рветъ власы; отчаянной Драметъ
Вотще надъ хладными тѣлами слезы льетъ.

ИЛІОНА.

Мнѣ поздо смерть ея надежду возвращаетъ.

МЕМНОНЪ.

Ахъ въ ней теперь Ликургъ вторично умираетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Теперь мнѣ отнята надежда до конца!
Презрѣла ты меня, послушала льстеца!
И съ нимъ въ отчаяньи, о дерска! умираешь,
Однако тѣмъ моихъ желанїй не скончаешь.
Я столько на землѝ тебѣ противенъ былъ,
Что свѣтъ тебѣ со мной, Филлида, сталъ не милъ.
И чтобы мною ты очей не раздражила,
Прекрасны очи ты во вѣки затворила.
Ты отъ меня бѣжишь за Демофонтомъ въ слѣдъ,
И чаешь, что ужь тамъ меня твой взоръ минетъ?
Гнушаешся еще ты послѣ смерти мною?
Или не смѣю стать я тамъ передъ тобою?
Я слѣдовать тебѣ не устрашусь во адъ,
И стану тамъ казать тебѣ противной взглядъ.
Я буду тамъ стенать, трястись въ несносной казни,
И къ жалости тебя подвигну и къ боязни.
Ты тамъ, чтобъ отъ меня могла себя укрыть,
Не можешь ужь себя въ другой разъ умертвить.
Что долго смерти ждать?

Хочетъ заколотъся.

ИЛІОНА.

схвативъ за руку.

Пожди еще минуту:
Не всю ты претерпѣлъ на свѣтѣ муку люту.

къ вѣстнику.

Младенецъ, что Драметъ похитилъ на суда,
Спасенъ ли?

ВѢСТНИКЪ.

Погубилъ огонь или вода.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Безсчастной Полидоръ!

ИЛІОНА.

Дейфилъ неповинной!
Ты лютости моей, тираннъ, былъ самъ причиной.
Раченіемъ моимъ закрытъ мой Полидоръ
Отъ злобы твоея Ѳракїйскихъ далѣ горъ.
За наглости твои, за зло непостоянство,
За гордой мнѣ отказъ, за мерское тиранство,
Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ отмстить,
И сына твоего противникамъ вручить.
Но месть сїя легка явилась предъ богами,
Дейфила сожгли они между валами.
Мнѣ должно бы его на части растерзать,
И растерзавъ отцу на пищу сына дать:
Дабы къ тому твоя несытая утроба
Рожденному тобой служила вмѣсто гроба.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, что еще въ мой глаза блистаетъ свѣтъ?
Филлиды больше здѣсь и Дейфила нѣтъ!
Я нынѣ скипетръ, власть и славу презираю,
И только громнаго удара лишь желаю.
Еще я не могу боговъ къ тому склонить,
Прошенїемъ на казнь и злобой побудить?
Но смерти что ищу на казнь себѣ напрасно?
Я чувствую въ себѣ мученїе ужасно!

Филлида,

Филлида, Демофонтъ и ты, ахъ, Деифилъ!
Въ срединѣ сердца мнѣ геенну воспалилъ.
Какая кругъ меня бунтуетъ непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Свѣтила идутъ всѣ обратно на востокъ,
Законы естества преобращаетъ рокъ.
Всѣ боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Пріамову противъ меня возстали.
Нептунъ стремитъ на брегъ морскую глубину:
Пожрать меня бѣжатъ чудовища по дну:
И вѣчные Плутонъ заклепы отверзаетъ,
Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаетъ.
Зіяетъ челюстьми несытой Флегетонъ:
Тиранновъ слышу тамъ безчеловѣчныхъ стонъ.
Но что еще? между ревущихъ вѣтровъ спором
Является Зевесъ пламенновиднымъ взоромъ.
Межъ мрачныхъ и грозой отягощенныхъ тучь,
Изъ рукъ его гремитъ быстротекущій лучь.
Суровая змія мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,
И внутрь и внѣ болѣзнь и страхъ меня терзаетъ,
Разверстая земля, кровавы небеса,
Кипящія моря, горящіе лѣса
На пагубу мою себя приготовляютъ.
Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?
Когда меня терпѣть не можетъ естество:
Скончай меня, скончай, о сильно Божество.

Конецъ трагедіи.

Письмо о пользѣ стекла Генералу-Порутчику Ивану Ивановичу Шувалову 1752 году.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже менераловъ
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ возторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено; огонь его родитѣль.

С натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тягосту земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь;
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.

Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденiе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.
Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивились!
Подобное тому сыскать искусствомъ тщились.
И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство:
Превысило своимъ раченьемъ естество.
Тѣмъ стало житiе на свѣтѣ намъ щастливо;
Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
И видимъ въ немъ примѣръ безхитростныхъ сердецъ,
Кого льзя видѣть сквозь тотъ подлинно не льстецъ.
Стекло въ напиткахъ намъ не можетъ скрыть примѣсу;
И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилу завѣсу.
Но столько ли уже, стекло, твоихъ похвалъ,
Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще сталъ?
Никакъ! сiе твоихъ достоинствъ лишь начало;
Которы мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостьми нашъ краткiй въ мiрѣ вѣкъ;
Не рѣдко впадаетъ въ болѣзни человѣкъ!
Онъ ищетъ помощи хотя спастись отъ муки,
И жизнь свою продлить, врачамъ дается въ руки.
Не рѣдко намъ они отраду могутъ дать,
Умѣвъ приличныя лѣкарства предписать;
Лѣкарства, что въ стеклѣ хранятъ и составляютъ,
Въ стеклѣ одномъ онѣ безвредны пребываютъ.
Мы должны здравiя и жизни часть стеклу:
Какую надлежитъ ему принесть хвалу?

Хоть

Хошь вмѣсто онаго замысловаты Хины
Сосуды составлять нашли изъ чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобратившъ въ фарфоръ,
Красой его къ себѣ народы привлекаютъ.
Что плавая, морей свирѣпость презираютъ.
Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
Когда бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ отвращаетъ,
Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.
Имѣетъ отъ стекла часть крѣпости фарфоръ:
Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
Сады, гульбы, пиры, и все что есть прекрасно,
Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы отъ стекла приобрѣло велики,
Доказываютъ то Финифти, Мозаики,
Которы въ вѣкъ хранятъ Геройскихъ бодрость лицъ,
Пріятность нѣжную, и красоту дѣвицъ;
Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Стисняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть;
Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?

Потомъ

ПотомЪ какЪ человѣкЪ зимой сталЪ безопасенЪ;
Еще при томЪ желалЪ, чтобЪ цвѣлЪ всегда прекрасенЪ
И вЪ сѣверныхЪ странахЪ вЪ снѣгу зеленой садЪ,
ЦейлонЪ бы посрамилЪ, пренебрегая хладЪ.
И удовольствовалЪ онЪ мысли прихотливы;
Зимою за стекломЪ цвѣты хранятся живы;
ДаютЪ пріятной духЪ, увеселяютЪ взорЪ,
И вамЪ, красавицы, хранятЪ себя вЪ уборЪ.
Позволь, любитель музЪ, я рѣчь свою склоняю,
И кЪ нѣжнымЪ симЪ сердцамЪ на время обращаю.
И музы сЪ оными единаго сродства;
Подобна вЪ нихЪ краса и нѣжныя слова.
Щастливой младостью твои цвѣтущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стихЪ отЪ оныхЪ кЪ симЪ пренесть не возбранятЪ.
Прекрасной полЪ, о коль любезенЪ вамЪ нарядЪ!
Дабы прельстить лицемЪ любовныхЪ суевѣровЪ,
Какое множество вы знаете манеровЪ;
И коль искусны вы уборЪ перемѣнять,
ЧтобЪ вЪ каждой день себѣ пріятность нову дать.
Но было бЪ ваше все старанье безЪ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху,
КогдабЪ вы вЪ зеркалѣ не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, стекло употребя.
Когда блестятЪ на васЪ горящіе алмазы,
Двойной кипитЪ вЪ насЪ жарЪ сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше вЪ нихЪ цѣны,
Когда кругЪ нихЪ стекломЪ цвѣтки наведены:
Вы кажетесь намЪ вЪ нихЪ пріятною весною,
ВЪ цвѣтахЪ наряженной усыпанныхЪ росою.

Во свѣтлыхЪ зданіяхЪ убранства таковы.
Но вЪ чемЪ красуетесь, о сельски Нимфы, вы?

При-

Природа въ васъ любовь подобную вложила,
Желанья нѣжны въ васъ подобна движетъ сила;
Вы также украшать желаете себя.
За тѣмъ прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
Кладете ихъ на грудь, и вяжете кругъ шеи.
Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна:
Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
Когда лишась цвѣтовъ, поля у васъ блѣднѣютъ,
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ,
Безъ оныхъ чтобы вамъ въ нарядахъ помогло,
Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?
Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привлекаетъ,
Какъ блещущій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
Или еще на васъ въ немъ больше красота,
Когда любезная въ васъ свѣтитъ простота.

Такъ въ бисерѣ стекло подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходитъ кругу.
Имъ красится народъ въ полуношныхъ степяхъ,
Имъ красится Арапъ на южныхъ берегахъ.
Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, простаки,
Что тамъ драгой металлъ изъ сребреной рѣки
Даютъ Европскому купечеству охотно,
И бисеру берутъ количество несчотно;
Но тѣмъ, я думаю, они разумнѣй насъ:
Что гонятъ отъ своихъ бѣдамъ причину глазъ;
Имъ оны времена не будутъ въ вѣкъ забвенны,
Какъ пали ихъ отцы для злата побіенны.
О коль ужасно зло! На что ли человѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?
На что ли разрушивъ естественны предѣлы,
На утломъ деревѣ обшелъ кругомъ свѣтъ цѣлый?

За тѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,
Чтобъ тамъ себя явить свирѣпаго врага?
По тягостномъ трудѣ снесенномъ на пучинѣ,
Гдѣ предалъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,
Едва на твердый путь отъ бурь избыть успѣлъ,
Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
Уже горятъ царей тамъ древнїя жилища;
Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ пища!
И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ трупамъ въ ровъ!
Съ перстнями руки прочь и головы съ убранствомъ
Сѣкутъ несытые и златомъ и тиранствомъ.
Иныхъ свирѣпствуя въ средину гонятъ горъ,
Драгой металлъ изрыть изъ преглубокихъ норъ,
Смятенїе и страхъ, оковы, гладъ и раны,
Что наложили имъ въ работѣ ихъ тиранны,
Препятствовали имъ подземну хлябь крѣпить,
Чтобъ тягота надъ ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
Безсчастные: или по истиннѣ блаженны,
Что вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
Работы тяжкїя, ругательства и мукъ!

Оставивъ Кастилланъ невинность такъ попранну,
Съ богатствомъ въ отечество спѣшитъ по Океану,
Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купить.
Но златомъ волнъ морскихъ не можно утолить.
Подобный ихъ сердцамъ Борей поднявъ пучину,
Навелъ ихъ животу и варварству кончину,
Погрязли въ глубинѣ съ сокровищемъ своимъ,
На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
То бури, то враги толь часто ихъ терзали,
Что рѣдко до бреговъ желанныхъ достигали.

О коль великой вредъ! отъ зла раждалось зло!
Виной толикихъ бѣдъ бывало ли стекло?
Никакъ! Оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.

По долговременномъ теченьи нашихъ дней
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искуство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одна лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?

Взирая въ древности народы изумленны,
Что грѣетъ, топитъ, льетъ и свѣтитъ огнь возженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные знать хотя, кто съ неба могъ принесть,
Представили въ своемъ мечтаньѣ Прометея,
Что многи на земли художества умѣя,
Различныя казалъ искуствомъ чудеса:
За то Минервою былъ взятъ на небеса.
Похитилъ съ солнца огнь и смертнымъ отдалъ въ руки.
Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки.
Продерзскаго къ горѣ великой приковалъ,
И сильному орлу на растерзанье далъ.
Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,
На коемъ снова плоть на муку выростаетъ.
Тамъ слышенъ страшный стонъ, тамъ тяжка цѣпь звучитъ,
И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шумитъ.

О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ ясно.
Піиты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грѣхи.
Мы пламень солнечный стекломъ здѣсь получаемъ;
И Прометею тѣмъ безбѣдно подражаемъ.
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ табакъ;
И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
Не свергла ль въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ,
На знатны вымыслы сложилъ неправой толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?
Не огнь ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь обнесши чародѣемъ?
Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
Что зависть скрывъ себя подъ святости покровъ,
И груба ревность съ ней неправду строя ковъ,
Отъ самой древности воюютъ многократно,
Чѣмъ много знанія погибло невозвратно;
Коль точно зналибъ мы небесныя страны,
Движеніе планетъ, теченіе луны,
Когда бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,
Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни боги
Терпятъ великой трудъ всегдашнія дороги;
Вертится вкругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ:
И страждутъ туже казнь, какъ дерзской Иксіонъ;

И неподвижная земли Богиня Веста
Къ упокоенїю сыскать не можетъ мѣста.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенїя боговъ
Закрытъ былъ звѣздный мїръ чрезъ множество вѣковъ.
Боясь паденїя неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь мїръ сей сотворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ!
Что агнцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно;
Сїе одно, сїе казалось быть опасно.
Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ.
Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудѣ,
Запутанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ,
Презритель зависти и варварству соперникъ:
Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ,
Сугубое земли движенїе открылъ.
Однѣмъ кругъ центра путь вседневный совершаетъ,
Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ,
Онъ циклы истинной Системой растерзалъ,
И правду точностью явленїй доказалъ.
Потомъ Гугенїй, Кеплеры и Невтоны,
Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнїя въ томъ нѣтъ.
Клеантовъ не боясь мы пишемъ всѣ согласно,
Что истиннѣ они противятся напрасно.
Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ иной.

Вездѣ

Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣніи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости, и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворитъ кромѣ Его такое?
Насъ больше таковы идеи веселятъ,
Какъ Божій нѣкогда описывая градъ
Вечерній Августинъ (*) душею веселился.
О коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
Когдабъ разумну тварь толь тѣсно не включалъ,
Подъ намибъ жителей, какъ здѣсь, не отрицалъ,
Безъ Метематики вселенной бы не мѣрилъ!
Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
Доказываетъ то подземной Католикъ,
Кадя златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
Ужѐ Колумбу въ слѣдъ, ужѐ за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,
И видимъ множество божественныхъ тамъ дѣлъ,
Земель и острововъ, людей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ тѣмъ и странныхъ тамъ животныхъ,
Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчотныхъ.
Возмите сей примѣръ, Клеанты, ясно внявъ,
Коль много Августинъ въ семъ мнѣніи направъ;
Онъ слово Божіе употреблялъ (**) напрасно,
Въ Системѣ свѣта вы тожъ дѣлаете власно.
Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.

Толь

(*) О градѣ Божіи, книга 16, гл. 9.
(**) Тамъ же.

Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею кругъ ней Луной течетъ.
Которую хотя весьма пространну знаемъ,
Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О коль велико ихъ создавше Божество!
О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Онъ на малой шаръ сойти.
Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся!
Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣденія тьму!
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не ложны,
Поставлены Творцемъ; другіе не возможны.
Въ благословенной нашъ и просвѣщенной вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?

Хотъ острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей.
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей;
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малой ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ живошны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.

Великъ

Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ Онъ наполнилъ Понтъ, и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей оно коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно;
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры,
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры;
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится,
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ,
Коль могутъ щастливы селяне быть оттолѣ!
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

Далече до конца стеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ уже слова похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть.

Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?

Услышавъ

Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
И видя быстрой блескъ, мятется слабый умъ;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣбъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы изтолковать, что молнїя и громъ,
Такїя мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичь, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущенїи толикомъ,
Что въ заблужденїи теряли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Поколѣ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не нашли.
Вертясь стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственный сверканїемъ и трескомъ
Дивился сходству умъ: но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ,
Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ прїятныхъ дни и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченїя имѣлъ,
Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вожделѣнны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что таже сила тучь гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движенїемъ изходитъ,

Что

Что зная правила изъисканны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истиннѣ стекло увѣритъ насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила,
И махины ужè пристойны учредила.
Я слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу.
На время ко стеклу весь трудъ свой приложу.

Ходя за тайнами въ искуствѣ и природѣ,
Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала
Гласитъ премудрости и щедрости дѣлà
Златыя времена! О кроткіе законы!
Народу своему прощаетъ миліоны;
И пользу общую отечества прозря,
Ученію велитъ разшириться въ морѝ,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою своею!
А ты, о Меценатъ, предстательствомъ предъ Нею,
Какой наукамъ путь стараешся открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ Ней возпоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ въ бытіи животвориться духомъ!
Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.

Кто склонность въ щастіи и доброту являетъ,
Тотъ щастіе себѣ недвижно утверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ Тебѣ и хвалитъ обое,
И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе.

СЛОВО

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

Говоренное Ноября 26 дня 1749 года.

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, Слушатели! въ которой подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ ЕЯ на Всероссійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея Владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца беспрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ ЕЛИСАВЕТЫ; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верьхи

свои

свои благополучїемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостїю препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпїемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣнїемъ предстоя олтарю Господню чинъ священный, съ куренїемъ благоуханїй возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церьковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружїя достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россїйскаго воинства, показующаго свое усердїе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды ПЕТРОВЫ совершаемые нынѣ бодростїю Августѣйшей Его ДЩЕРИ; индѣ по прошествїи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ, ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ но усерднымъ пѣнїемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненїе воспоминаютъ, и сугубымъ веселїемъ день сей препровождаютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Азїйскимъ разъѣжжая степные обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенїя достигнуть, и толикимъ зрѣнїемъ насладиться; однако духомъ возно-

симся,

симся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами; которыя наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присутствіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное Ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи ПЕТРОМЪ Великимъ установленное общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣса закрыть не могутъ божественнаго Ея зрака начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста повелѣвающія насъ возставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердить ихъ благостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Предстателю изъ

своихъ ближайшихъ, есть только великое благодѣянїе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращенїи наукъ, и превозносЯ великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодаренїе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленїю благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлымъ Ея на Отеческїй престолъ возшествїемъ осїянный, въ который съ нашимъ особливымъ веселїемъ общее празднество соединяется? Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкѣ изливается. Напрягаются крайнїя силы разума и слова изобразить Монаршескїя Ея добродѣтели, увеселенїе подданныхъ, удивленїе свѣта, славу и украшенїе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпрїемлю, когда при толь знатномъ собранїи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣянїе, величайшей на свѣтѣ Государынѣ, благодаренїе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерїю сыскать краснорѣчїе, гдѣ обширнѣе разпространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великїя Монархини? Когда языкъ мой щедротами Ея ободренный удобнѣе обращаться, когда голосъ мой велико

кодушїемъ

кодушіемъ Ея укрѣпленный громчае возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ Ней искреннія ревности приметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе Ея злодѣевъ. Приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предпріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество свобожденныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечь на казнь повин-

ныхъ

ныхъ кровїю еще необагренный. Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ приятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! всѣ преславны, всѣ прелюбезны. Изо всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ естъ корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтельми виноградъ произрасши процвѣтаетъ. Изо всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла̀ и заслуги къ отечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ Ея Величества, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго МИХАИЛА, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго раззоренные храмы, собирающаго расточенныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго АЛЕКСѢЯ, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе

поддан-

подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церьковь истребленїемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечь свой на Сармацїю, и Россїи издревле принадлежащїя великїя княжества праведнымъ оружїемъ Россїи возвращающаго; представилъ бы я ПЕТРА именемъ Великаго, дѣлами большаго, влїянною себѣ отъ Бога премудростїю просвѣщающаго Россїю и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечь и скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленїемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю, и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружїя, среди шумящихъ ядръ, непоколебиму духомъ, премудрому Государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ его рукою, и пресѣченныя смертїю предпрїятыя дѣла многотрудившагося Россїйскаго Геркулеса на рамена свои прїемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощить всю свою силу, не исчисляя подробну, но токмо знатнѣйшїя представляя. Того ради не изображаю словомъ блистающїя лѣпоты лица Ея, являющїя прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенїю вѣнца рож-

денной, ни устъ щедроту источающихъ, ни очей возрѣнїемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ человѣколюбивая Государыня взоръ Свой обращаетъ. Всякъ видитъ, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ Великїй ПЕТРЪ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россїю; такъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ; такъ простиралъ Свою руку, учреждая художества и науки, повелѣвая устроить полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ возносилъ главу, въѣжжая въ побѣжденные грады и попирая поверженное непрїятельское оружїе; толь бодро шествовалъ, осматривая свои начинающїяся стѣны, строящїеся корабли, исправляющїеся суды, и среди моря со дна востающїя пристани и крѣпости: не представляю внѣшнихъ Монархини нашея достоинствъ, но внутреннїя душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарованїя, которыхъ лику предходитъ любезное Богу, любезное человѣкомъ благочестїе, крѣпкое утвержденїе государствъ, красота вѣнцевъ Царскихъ, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединенїе человѣческаго общества. Коль великїя нестроенїя, брани и человѣкоубїйства въ народахъ единой крови и единаго языка отъ раздѣленїя вѣры происходятъ; толь напротивъ того крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаетъ ихъ единство вѣры, которая хотя много ученїемъ, однако больше примѣрами укрѣпляется. Благополучна Россїя, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великїй въ Ней примѣръ къ утвержденїю въ православїи видитъ. Видитъ повсюду

какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіяніе свое умножающія церькви: съ удивленіемъ взираетъ, что толь многихъ государствъ Повелительница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто твердостію вѣры укрѣпляема, строгимъ пощеніемъ и сухоядѣніемъ тѣло свое изнуряетъ: которой не токмо великолѣпныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаютъ противъ супостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій во брани, Богъ благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходитъ! Коль великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ аки невѣста въ день брачный торжествующая Россійская церьковь, блистая порфирою и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окруженна славою къ пресвѣтлому жениха своего престолу, и показуя ему свое великолѣпіе вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя ЕЛИСАВЕТА: украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею добротою славы; возноситъ рогъ мой въ поднебесной: вознеси Ея надъ всѣми обладательми земными; посѣщаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ:

посѣти Ея благодатію твоею неотступно; утверждаетъ столпы мои въ Россіи: утверди здравіе Ея непоколебимо; споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія; споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ сопостатовъ, и благословеніемъ твоимъ и силою твоею свыше осѣни Ея воинство. Сему священному церькви святыя гласу согласуется всѣхъ подданныхъ желаніе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ славы Господь во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ Августѣйшія Единодержицы нашея есть предводитель и защитникъ, и высокою десницею своею управляетъ Ея мужество, которому ни внутрь Россіи вкоренившіеся, ни отвнѣ наступающіе непріятели не могли стать противу. Сіи побѣждены въ едино лѣто; а оные въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою стражею вѣнецъ отеческій, и Скипетръ сильною рукою держимый и великою властію объятую Россію взять въ свое повелительство, есть дѣло и мужескому сердцу страшное, и великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша, съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходитъ со крестомъ Дѣвица, последуютъ вооруженные воины. Она отеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ Ней пылаютъ; Она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіанъ, они изволеніе Тоя совершить поспѣшаютъ; Она приближаясь

жаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту стать противу за Оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? омертвѣли стрегущіе, видя пришествіе Петровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею изъ трепещущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, возсіялъ престолъ вступленіемъ, и веселящимся Россіанамъ казалось, что и стѣны Петровы двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтійскіе бреги; приступающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые супостаты оцепенѣли, и завистливый взоръ свой вспять обращая больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ ПЕТРЪ Великій въ мужественной Своей ДЩЕРИ живущій, представлялись имъ отцы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многія тысячи ихъ народа ведомаго въ плѣнъ на отдѣленныя половиною свѣта степи; мечтались имъ горящіе ихъ грады и веси, приготовленныя Россійскія галеры ходить по суху, какъ по морю: Россійскія галеры и выѣжжающіе противъ нихъ изъ волнъ морскихъ всадники. Правда, что побѣждены уже были непріятели при стѣнахъ Вильманстрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротивленіе, и побѣда куплена немалымъ пролитіемъ крови. Но когда Отеческій скипетръ и мечь приняла мужественная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкоторымъ бурнымъ дыханіемъ возметаемы непріятели, съ трепетомъ въ бѣгство обратились; и при защищеніяхъ своихъ,

при

при крѣпкихъ стѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ при рѣкахъ быстрыми водами стремящихся, не токмо противиться не дерзнули, но и оглянуться на нихъ едва смѣли, видя, что ни топкія болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крутыя не могутъ препятствовать праведному Елисаветину гнѣву, и ревности молніеносныхъ Ея воиновъ. Наконецъ такъ утѣснены отвсюду, такъ окружены были моремъ и землею отъ Россійской силы, что естьли бы не толь великодушную Побѣдительницу имѣли, то никто бы изъ нихъ спасенъ не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ отечествѣ ихъ возвѣстить было не кому, кромѣ звучныя славы Ея Величества. Сія побѣда тѣмъ паче прочихъ была предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови; и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятельми имѣла, но токмо продерскихъ вѣроломцовъ за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитаетъ поступать со врагами великодушно. Сего не токмо при совершенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго Ея на Отеческій престолъ вступленія великій примѣръ надъ внутренними супостатами Ею показанъ. Прибѣгла къ Ней смущенная Россія и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала: пріими меня въ матернія Твои объятія, пріими наслѣдную Твою державу, и врожденнымъ Тебѣ бодрымъ Отеческимъ духомъ презирай всѣ препятства. Надѣйся на Бога: онъ праведному Твоему предпріятію предводитель будетъ. Надѣйся на

Себя:

Себя: Ты едина истинная наслѣдница; Ты Дщерь моего Просвѣтителя. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы подвигну къ Твоему защищенїю, и чрезъ главы и трупы Твоихъ непрїятелей отворю путь къ престолу. Но великодушная Государыня паче изволила наслѣдной Своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролитїемъ крови, и наконецъ больше опасаясь бѣдствїя Отечеству, нежели себѣ Величества желая, склонилась къ правленїю, или вящше къ сохраненїю государства. Возшедъ на высоту толикїя власти, отлучившимъ Ея отъ законнаго наслѣдства, согрубившимъ неистовою гордостїю и безсовѣстнымъ утѣсненїемъ огорчившимъ кое мщенїе наноситъ? По закону Божїю, по государственнымъ правамъ и по желанїю Россїйскаго народа, на лютую смерть и на растерзанїе осужденныхъ, токмо отдаленїемъ отъ пресвѣтлаго лица Своего наказуетъ; недостойныхъ жизни токмо самовольныя жизни лишаетъ, и великое восшествїя Своего геройское дѣло украшаетъ крайнимъ Своимъ великодушїемъ. Которымъ такъ обильно одарена Монархиня наша, что оное въ пространной Россїи не вмѣщается, но истекаетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швецїя Ея оружїемъ, но больше побѣждена великодушїемъ; страшится Ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу. Ибо прїобрѣтши толь великїя преимущества непобѣдимая Государыня, съ побѣжденными въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, преступившимъ вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнить можетъ,

однако

однако отдаетъ все обратно, и ужѐ поверженнаго и противиться не могущаго возставляетъ, тотъ не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини нашея добродѣтель, большій примѣръ великодушія показуетъ Россійская Героиня. Ибо не токмо, отпустивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружїе свое простираетъ къ ихъ защитѣ; отвращаетъ съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностїю утверждаетъ. Сїе разсуждая, и взирая на цвѣтущее состоянїе Россійскаго государства, на изобилїе пространнаго нашего Отечества, и на умѣренность, которою Государыня наша толикое множество покланяющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслить вамъ, сосѣды наши, чтобы Ея благородное сердце къ присвоенїю чужихъ земель склонилось? Имѣющая толикое пространство полей плодоносныхъ, болотъ ли непроходимыхъ пожелаетъ? Простирающая Скипетръ Свой на протекающія въ Ея послушанїи изобильныя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучїе ли мхи польстится? Господствующая въ земли медъ и млекоточащей, на камни ли неплодные съ желанїемъ взирать будетъ? Что храброе Россійское воинство ко брани устроено, что флотъ готовъ къ покрытїю водъ Балтійскихъ, что всѣ военныя прїуготовленія успѣваютъ; сїе все не войну отъ Россїи наносимую предвозвѣщаетъ, но показуетъ премудрость прозорливыя нашея Героини. Искусный мореплаватель не токмо въ страшное волненїе и бурю, но и во время кротчай-

кротчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смотритъ на востающія тучи, исчисляетъ разстояніе отъ береговъ, мѣритъ глубину моря и отъ потаенныхъ водою камней блюдется. Подобнымъ образомъ премудрая ЕЛИСАВЕТА, хотя радуяся взираетъ на Своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ отъ Ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печется: ограждаетъ ихъ распростертымъ по земли и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, мыслями воюющихъ проницательнымъ окомъ назираетъ; открываетъ потаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; разсуждаетъ о прошедшемъ, разсматриваетъ настоящее, и будущее предвидитъ. Того ради, естьли кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый Ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что иссякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы опустившись въ равныя поля претворились; помыслитъ что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. Покойся въ радости возлюбленное отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ Премудрыя твоея Повелительницы наслаждайся. Колъ безопасно твое благополучіе! Колъ несравненно съ протчими твое блаженство! Другіе на

дымящїяся развалины раззоренныхъ отъ непрїятеля градовъ своихъ со слезами взираютъ; но ты на восходящїя къ облакамъ новыя великолѣпныя зданїя радостный взоръ возводишь. Другїе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ; но ты единодушныхъ сыновъ единыя общїя всѣхъ Матери согласнымъ подданствомъ украшаешся. Иные отъ пресѣченїя купечества, отъ разрушенїя художествъ, отъ попранїя земледѣльства, наготу и алчбу претерпѣваютъ; но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастаютъ науки и художества, и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ военнаго шума и страха свободились, однако видятъ плачевные слѣды своихъ сопостатовъ, и суровой оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя въ безпрерывной тишинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ привидѣнїяхъ военные страхи возмущаютъ. Сїе твое дражайшее и святое спокойство отъ единаго премудраго попеченїя Прозорливыя твоея Государыни происходитъ. Ея провидѣнїе и промыслъ довольствуетъ тебя изобилїемъ, увеселяетъ общимъ согласїемъ, обогащаетъ купечествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаетъ возлюбленнымъ миромъ, и громкою твоею славою вселенную наполняетъ. Сїе совершенное наше удовольствїе, общее увеселенїе, обильное обогащенїе, прїятное украшенїе, сїю всемирную нашу славу умножаетъ несравненная Монархиня божественнымъ Своимъ человѣколюбїемъ, когда

когда возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человеческое могущество превзойти не можетъ, крайнимъ къ подданнымъ Своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія восходитъ. Что пріятнѣе человѣческому сердцу, и что чрезвычайнѣе на свѣтѣ быть можетъ, какъ Государыню, Повелительницу величайшей части свѣта, отъ всѣхъ племенъ и владыкъ земныхъ почитаемую, ласковымъ взоромъ, кроткою бесѣдою и милосердымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удостоевающую видѣть? Но мы таковымъ пріятнымъ зрѣніемъ услаждаемся по вся дни. Отличается Человѣколюбивая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ Ея подданныхъ не кичливымъ воззрѣніемъ, не уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ Величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при вратахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужасъ и трепетъ, но кроткое человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость, и надежный стражъ Величества вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно, стѣнъ самихъ ужасаясь, ниже трепещущія стопы сомнительно простираютъ; но предваряющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священные Ея чертоги свѣтлымъ лицемъ шествуютъ. Нѣтъ нужды испытать сокровенныя ихъ мысли: является на каждаго очахъ красота общаго удовольствія, и на распростертыхъ челахъ радостныхъ сердецъ знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца

взирающихъ на толь снисходительное Величество! И кое прохлажденіе втекаетъ въ кровь оцепѣнѣвающихъ повинныхъ; когда о милосердіи своея Государыни помышляютъ, къ котораго изображенію человѣческое слово едва довольно быть можетъ! Ни что есть толь похвально, какъ кротость, ни единой добродѣтели благоутробія нѣтъ любезнѣе, ни чѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощеніемъ повинныхъ и свобожденіемъ отъ надлежащей казни. Но гдѣ велегласнѣе милость на судѣ хвалится, гдѣ крѣпче обьемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощеніе тѣснѣе сопрягаются, гдѣ осужденіе и свобожденіе союзнѣе другъ друга лобзаютъ, какъ предъ высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА престоломъ? Пускай другіе лишая жизни, обагряя мечь свой кровію, умаляя число подданныхъ, повергая предъ народомъ растерзанные человѣческіе члены, устрашить злыхъ и пороки истребить тщатся; но премилосердая Монархиня наша больше благоутробіемъ и щедротою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными; но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строго и не рѣдко безчеловѣчною казнію хотятъ искоренить злобу; но Она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Естьли кто имѣя великій садъ, только объ одномъ истребленіи тернія печется, забывъ плодоносныя древа и прекрасные цвѣты напаять потребною влагою, тотъ не въ долгомъ времени увидитъ древа свои сухи и безплодны и цвѣты увянувшіе отъ зноя; напротивъ того, кто древа плодо-

плодоносныя и процвѣтающія травы въ пристойное время орошаетъ, презирая плевы и токмо прохожденіемъ попирая, тотъ насладится изобиліемъ древъ плодоносныхъ и красотою цвѣтовъ возвеселится, которые усилившись изсушать тучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекратится тѣхъ ращеніе и корень истлѣетъ. Подобнымъ образомъ хотя и полезно есть строгое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели тщетно, и больше приводитъ въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляетъ; напротивъ того награжденіе добродѣтели и снабдѣніе заслугъ при кроткомъ наказаніи пороковъ, едино сильно, едино къ исправленію нравовъ человѣческихъ довольно: ибо чувствуя себя презрѣнныхъ и попраныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель наслаждающуюся праведною своею мздою, завистію угрызаемы истаютъ, или обратившись, ревностнымъ подражаніемъ того же достойными себя учинить стараться будутъ. Таковымъ благоразумнымъ милосердіемъ щедрая Государыня въ широко распростирающейся Россіи расплодить добродѣтель и пороки искоренить тщится! Наказуетъ Матерски, Монаршески снабдѣваетъ, исправляетъ безъ строгости, съ избыткомъ награждаетъ, воскрешаетъ избавленіемъ преступившихъ, заслужившихъ благодѣяніемъ ободряетъ. Таковую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россійское государство чувствуетъ, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливаетъ, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ притупится и слово оскудѣетъ, нежели подробну

подробну Ея благодѣянія исчислить; однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея Родителей сïе собранïе, великодушнымъ щедролюбивыя Государыни призрѣнïемъ, такъ удовольствовано и такъ снабдѣно, что крайнѣйшею благодарностïю усердствуя, ни вящшаго себѣ благополучïя представить, ниже къ засвидѣтельствованïю своего удовольствïя и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можетъ. Сïе благодѣянïе тѣмъ больше, тѣмъ преславнѣе и ПЕТРОВОЙ ДЩЕРИ достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащагося здѣсь юношества, но до всякаго чина и званïя, до всего Россïйскаго государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо не токмо мы довольствуясь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА щедротами, иные въ откровенïи естественныхъ таинъ, и въ изслѣдованïи пречудныхъ дѣлъ Премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся; иные преподая наставленïе учащимся, съ радостïю чувствуемъ являющïеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащïеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченïя о своихъ потребностяхъ, только о наученïи стараться могутъ; но общее благополучïе предлагается. Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной ПЕТРОМЪ Россïи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокïй славы Его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать Его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ Астрономïя пространное рукъ Его зданïе: весь видимый мïръ сей, и

чудныхъ

чудныхъ дѣлъ Его многообразную хитрость Физика показуетъ, подая обильную и богатую матерїю къ познанїю и прославленїю Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду къ взаимному сообщенїю своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положенїе мѣстъ, теченїе рѣкъ, разстоянїе градовъ, величину, изобилїе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенїя и правительства разныхъ народовъ? Сїе ясно показуетъ Географїя, которыя всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствїю и къ храброму защищенїю отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сїи приводятъ на память Исторїя и Стихотворство, которое прошедшїя дѣянїя живо описуя, какъ настоящїя представляетъ: обоими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкїя древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ не прелестный путь произволенїю, укрощаетъ человѣческїя страсти и естественные и гражданскїе законы утверждаетъ? Сїе исполняетъ Философїя. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравїя? Обои сїи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленїя разныхъ махинъ, и знанїя внутренняго вещей сложенїя? Сїе открываетъ Химїя; Механика оныя составляетъ. Всѣ сїи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ

къ

къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтутъ, и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произраститъ здѣсь насажденное ПЕТРОМЪ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя ДЩЕРИ, прекрасное премудрости древо; возраститъ и вѣтьви свои распростретъ по всей вселенной. Отверста богатою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной высотѣ, на самомъ верьху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ

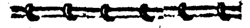
льдовъ

льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными Божїими чудесами, подъ ЕЛИСАВЕТИНОЮ державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россїи, прозорливостїю Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою Ея силою огражденной? О коль великое благодѣянїе отъ сего Монархини нашея щедролюбїя во весь свѣтъ распространится! О коль вожделѣнно благополучїе ваше, Россїйскїе юноши, которые толикою милостїю щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представте себѣ будущее ваше состоянїе, къ которому вы избраны, со благоговѣнїемъ внимайте, что Августѣйшая ИМПЕРАТРИЦА, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилѣжно; Я видѣть Россїйскую Академїю изъ сыновъ Россїйскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣренїе Моихъ Родителей, сего Мое произволенїе требуетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству ПЕТРОВА великая слава. Простирайтесь въ обогащенїи разума и въ украшенїи Россїйскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ; прилагайте крайнее старанїе къ естественныхъ вещей познанїю, и ревностно старайтесь заслужить Мою милость. Сїе щедрое ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнїе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченїи вашемъ. И вы, которымъ

входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ; упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго Ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верьховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда что прекрасное сіе музъ жилище къ несказанной нашей крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище премѣнило, на которое мы едва безъ стенанія и слезъ взирать можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ утѣшеніе, на едино щедролюбіе Всемилостивѣйшія Государыни нашея уповаемъ, вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ такого щастія, которое бы великодушіемъ Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбіе несравненныя МОНАРХИНИ нашея! толикою добродѣтелью украшенъ престолъ Всероссійскій! Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда онъ смертныхъ милуетъ; толь благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышать и приношенія пріимать соизволяетъ; толь мужественныхъ и великодушныхъ, когда враговъ ихъ повергнуть и по-

срамить

срамить хочетъ; толь премудрыхъ, когда блаженство ихъ умножить предпріемлетъ; толь человѣколюбивыхъ, толь милосердыхъ и толь щедрыхъ, когда ихъ утѣшить, умножить и ущедрить преклоняется. Красуйся великими сими Вышняго дарами, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! и божественными Твоими благодѣяніями увеселяйся. Куда Твое пресвѣтлое око ни обратится, вездѣ радостныя лица Твоихъ подданныхъ, вездѣ избавленныхъ Твоимъ великодушіемъ, и только милосердіемъ Твоимъ живущихъ, вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и Тобою возвышенныхъ видитъ. Вся сѣверная страна хотя во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ, по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, отъ земли плодами, отъ моря богатствомъ, отвсюду Твоимъ щастіемъ изобилующая, многочисленными торжествующихъ гласы превозноситъ Твое преславное на отеческій престолъ возшествіе, и оныя восклицанія, которыя тогда отъ внезапной радости и отъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повторяетъ. Наше неописанное удовольствіе и крайняя благодарность хотя никоимъ краснорѣчіемъ изображены быть не могутъ; однако искреннюю ревность и рабскую вѣрность нашу ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ симъ засвидѣтельствовать тщимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божію власть на земли имѣющіе не столько на хитросплетенныя риторическія сложенія, сколько на чистое усердіе взираютъ.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ,

Говоренное Апрѣля 26 дня 1755 года.

Священнѣйшее помазанїе и вѣнчанїе на Всероссїйское государство Всемилостивѣйшїя Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему отечеству Божїе снисхожденїе, каковому въ Ея рожденїи и въ полученїи отеческаго достоянїя чудимся. Дивно Ея рожденїе предзнаменованїемъ царства; преславно на престолъ возшествїе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено прїятїе Отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденїемъ Великїя Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическїя сомнительныя гаданїя, отъ положенїя планетъ произведенныя, ниже другїя по теченїю натуры бывающїя перемѣны и явленїя, но ясные признаки Божїя провидѣнїя послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непрїятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденїемъ сея Великїя Дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ Побѣдителя приходящая въ миръ встрѣтила ЕЛИСАВЕТА. Не перстомъ ли здѣсь указующїй является Про-

Промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненïе обѣтованнаго вамъ предзнаменованïями благоденства. ПЕТРЪ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непрïятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; ЕЛИСАВЕТА для подобныхъ родилась трïумфовъ. ПЕТРЪ возвративъ законному Государю корону, въ отеческïй градъ шествовалъ; ЕЛИСАВЕТА въ общество человѣческое вступила, для возвращенïя себѣ потомъ Отеческой короны. ПЕТРЪ сохранивъ Россïю отъ расхищенïя, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; ЕЛИСАВЕТА увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сïянïе отрады, избавивъ отъ мрака печалей. ПЕТРЪ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушïемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; ЕЛИСАВЕТА отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбïемъ, кротостïю, щедротою. Коль чудныя Божïя судьбы видимъ, Слушатели! съ рожденïемъ побѣду; съ облегченïемъ Родительницы избавленïе отечества; съ обыкновенными при рожденïи обрядами чрезвычайное торжественное шествïе; съ пеленами побѣдительныя лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанïя! Не всѣми ли сими рожденной тогда ЕЛИСАВЕТѢ предвозвѣщенны Отеческïя добродѣтели, предвозвѣщено Отеческое царство?

Въ доступленïи онаго сколь много Всемогущïй Промыслъ споспѣшествовалъ Ея геройству, о томъ радостныя воспоминанïя во вѣки не умолкнутъ. Ибо Его

силою

силою и духомъ подвигшись Героиня наша, Всероссійскому государству, достойдолжной Его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію, и общему блаженству знатной части свѣта, принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ, поработилъ тебя нѣкогда чужому языку; и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на Отеческій престолъ Великая ЕЛИСАВЕТА; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутренніе болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, прощивное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше Россійскою, нежели

жели Агарянскою кровїю. Въ благословенные дни наши великодушная ЕЛИСАВЕТА вкоренившїйся вредъ внутрь Россїи безъ всѣхъ нашихъ томленїй истребила въ краткое время; и болѣзнующее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи; возстани и ходи, Россїя. Оттряси свои сомнѣнїя и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенїя въ мысляхъ представляетъ намъ, Слушатели, воспоминанїе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненїя, но и отъ презрѣнїя тогда свободились. Что прежде избавленїя нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россїяне, Россїяне, ПЕТРА Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренїя; не возводятъ Дщерь Его на престолъ Отеческїй; Она оставлена, не помогаютъ; Она отринута, не возвращаютъ; Она пренебрегаема, не отмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣянїе! Но несравненная Героиня возшествїемъ Своимъ отняла поношенїе отъ сыновъ Россїйскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердїя не доставало, но сносило ЕЯ великодушїе; не наша ревность оскудѣвала, но Она не хотѣла пролитїя крови; не нашему малодушїю оное приписывать должно, но Божескому промыслу, которой благоволилъ показать тѣмъ свою власть, Ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянїя устроилъ намъ Вышнїй вступленїемъ на Отеческїй престолъ Великїя ЕЛИСАВЕТЫ!

Чтожъ

Чтожъ нынѣшній праздникъ? Верьхъ и вѣнецъ прежде-реченныхъ. Вѣнчалъ Господь Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатїю, ободрилъ благонадежною радостїю, и благословилъ громкими побѣдами, восшествїю Ея подобными. Ибо какъ внутреннїе враги побѣждены безъ пролитїя крови; такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается Монархиня наша въ порфиру; помазуется на Царство, вѣнчается, прїемлетъ Скипетръ и Державу. Радуются Россїяне, и плесками и восклицанїями воздухъ наполняютъ; ужасаются супостаты и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ Россїйскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота; но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя ЕЛИСАВЕТЫ; отъ единаго Ея великодушїя ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованїя благословеннаго Ея владѣнїя во всемъ вышереченномъ видимъ, и вожделѣнному сбытїю ихъ съ радостїю чудимся! По примѣру Великаго Своего Родителя даетъ Государямъ короны, успокоеваетъ мирнымъ оружїемъ Европу, утверждаетъ Россїйское наслѣдство; истекаетъ злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствїю; избавляются подданные отъ тягости; земля не обагряется Россїйскою кровїю ни внутрь ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы приращаютъ; возвышаются великолѣпныя зданїя, исправляются суды, насаждаются науки среди государства, повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

И

И такъ когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоносным вѣнчаніемъ, и украшенное преславными дѣлами Отеческое царство возвысила; то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная Наслѣдница. Слѣдовательно похваляя ПЕТРА, похвалимъ ЕЛИСАВЕТУ.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ Героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ Ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако на конецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами, соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими праздственными восклицаніями; наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ всевожделѣнный залогъ Своея къ намъ Божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или

паче истощить на похвалу нашего Героя. Сїе предпринимая, откуду начну мое слово? От тѣлесных ли Его дарованій? от крѣпости ли сил? Но оныя явствуют в преодолѣніи трудов тяжких, трудов неисчетных, и в разрушеніи ужасных препятствій. От Геройскаго ли виду и возраста, с величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многих, которые начертанное в памяти его изображеніе живо представляют. удостовѣряют разныя государства и городы, которые славою Его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣлам Его соотвѣтствующему и великим Монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдѣніе, без котораго не возможно было произвести дѣл толь многих и великих. Того ради непосредственно приступаю к их предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей Муж ни от кого лучше похвален быть не может, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды Его исчислит; естьли бы только исчислить возможно было.

И так сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволит, важнѣйшія токмо дѣла Его упомянем; потом преодолѣнныя в них сильныя препятствія; на конец его добродѣтели, в таковых предпріятіях споспѣшествовавшія.

К великим Своим намѣреніям премудрый Монарх предусмотрѣл за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе разпространить в отечествѣ; и

людей

людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ Его отеческое попеченїе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанетъ. Ибо неоднократно облетая, на подобїе Орла быстропарящаго, Европейскїя государства, отчасти повелѣнїемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ, оставить на время отечество, и искусствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествїя по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкїя врата великїя Россїи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобїе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, то выѣжжающїе для прїобрѣтенїя знанїй въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россїйскїе, то приходящїе съ разными искуствами, съ книгами, съ инструментами иностранные, безпрестаннымъ текли движенїемъ. Тогда математическому и физическому ученїю, прежде въ чародѣйство и волхванїе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитанїе, въ освященной Петровой Особѣ приносилось. Таковымъ сїянїемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобилїе многоразличныхъ нашихъ удовольствїй, которыхъ прежде великаго Россїи Просвѣтителя предки наши не токмо лишались; но о многихъ и понятїя не имѣли. Коль многїя нужныя вещи,

которыя прежде изъ дальныхъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россїю приходили, нынѣ внутрь государства производятся, и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другїя земли снабдѣваютъ. Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россїя, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованїя надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго тисненїя, но и нужнѣйшаго желѣза, къ прїуготовленїю оружїя, съ чѣмъ бы стать противъ непрїятеля. Изчезло сїе нареканїе отъ просвѣщенїя Петрова: отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь отечества обильно разпростираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемныя внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное Россїйское воинство противъ непрїятеля оружїе, прїуготованное изъ горъ Россїйскихъ, Россїйскими руками.

О семъ для защищенїя отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенїя внутрь государства важныхъ предпрїятїй, о семъ нужномъ учрежденїи порядочно войска, коль великое имѣлъ Великїй Монархъ попеченїе, коль стремительное рвенїе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканїе, тому всему когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель Премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великїй Государь Царь АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЬ, между многими пре-

славными

славными дѣлами, положилъ начало регулярнаго войска, котораго спомоществованїемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ Польшѣ и прїобрѣтенныя обратно къ Россїи Провинцїи. Но все Его о военномъ дѣлѣ попеченїе съ жизнїю пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и Россїйское воинство больше въ многолюдствѣ, нежели въ искусствѣ показать могло свою силу, которая сколько по томъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ безполезныхъ военныхъ предпрїятїй; а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагубныхъ стрѣлецкихъ возмущенїй, отъ неимѣнїя порядочной расправы и расположенїя произшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслить, чтобы двенадцати лѣтъ Отрокъ, отлученный отъ правленїя государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя Своея Родительницы отъ злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами на Его родственниковъ и доброжелателей и на Него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непрїятели, почувствовали и вострепетали; и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется? Кто могъ помыслить, что бы отъ дѣтской, какъ казалось: игры толь важное, толь великое могло возрасти дѣло? Иные видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружїе разсуждали, что сїе одна Ему только была забава, и по тому сїи новонабранные люди Потѣшными

ными назывались. Нѣкоторые имѣя большую прозорливость, и примѣтивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сїяющее остроумїе, и въ движенїяхъ сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль Великаго Монарха могла ужѐ тогда ожидать Россїя! Но набрать многїе и великїе полки, пѣхотные и конные, удовольствовать всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружїемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерїю полевую и осадную, къ чему не малое знанїе Геометрїи, Механики и Химїи требуется, и паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ; казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатной недостатокъ и лишенїе Государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что по томъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянїя, противу невѣроятїя оставившихъ надежду, и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго ропотанїя самои зависти, загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россїянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленїе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченїемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскїй на Траяна Кесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятїя отъ него Консульскаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!* Какїя восклицанїя, какїе плески ПЕТРУ Великому быть долженствовали, для Его бесприкладнаго снисхожденїя? Видѣли, видѣли

отцы

отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣста прекрасны мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящія корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однѣмъ столомъ, тую же пріемлющаго пищу; видя лице Его пылью и потомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ни чѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилѣжнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что Монархи ни чѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства приростить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣтную войну съ короною Шведскою, и по томъ въ другіе походы, наполнило громомъ оружія, и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо

ливо; но противныхъ преимущество и Россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему униженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя Россійское войско было по большей части двулѣтное, противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрой переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ вторыйнадесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться; однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой, и докончать побѣду; такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская Лейбгвардія и не мало протчаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ Онъ призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради Гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною распустивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ нещастливыхъ обстоятельствъ, нижели для неискусства войскъ Россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто, и по томъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди; когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего Героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства

надъ

нами вами услышите; не въ поношенїе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ сильнаго Россїйскаго народа, стоять противъ ПЕТРА Великаго, противъ Мужа, посланнаго отъ Бога на удивленїе вселенныя, и на конецъ быть отъ Него побѣжденнымъ, есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла; и по согласїю всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ устоять предъ лицемъ его гнѣва; когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ Его воздвигнутъ ПЕТРЪ Великїй. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, прїобрѣтенное отъ премудраго наставленїя и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя Россїйское воинство сраженїями числить прїобыкло; не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильные имѣло успѣхи въ заведенїи новаго войска благословенное начинанїе и ревностное раченїе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско къ регулярству давно прїобыкшее изъ областей непрїятельскихъ, дерзостїю къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ въ воин-

скомъ упражненіи все время положившихъ; войско всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меньшими. Но онѣ не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ; чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти. Которыми хотя онъ сильно возмутился; однако мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтное войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самаго предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнѣлся вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомѣрными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ воздалъ ПЕТРУ совершенною побѣдою надъ симъ презрителемъ Его раченій; которой противу своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ Героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ; но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечшающейся въ мыслахъ строй-ной храбрости Россійской.

Толь знатными побѣдами прославивъ съ Собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ Свое воинство, наконецъ доказалъ, что Онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался! Ибо не токмо узаконилъ, чтобы

оное

оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде Государяхъ, не рѣдко къ не малому упадку могущества и славы отечества, происходило; но и содержать всегда въ исправной готовности. О истинное Отеческое попеченїе! Многократно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы толь великимъ трудомъ и съ толь чуднымъ успѣхомъ предпрїятое обновленїе Россїи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣнїи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россїю славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою короною, когда усердныя поздравленїя и должные ему титулы *Императора, Великаго, Отца Отечества*, приносились, не преминулъ подтвердить публично Правительствующему Сенату, что надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что Ему сїи высокїе титулы не были прїятны, безъ наблюденїя и содержанїя впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшїя, и обученїе свое съ побѣдами соединившїя, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, ПЕТРОМЪ показанныя, и свѣтъ удивившїя.

Пространная Россїйская держава на подобїе цѣлаго свѣта едва не отвсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ

распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверьхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между оражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, естьли бы такое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло, въ отдаленной древности приключилось и не былобъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ.

Въ

Въ сихъ мы съ удивленїемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенїя въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не льзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ ПЕТРЪ Великїй. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнїя, что въ обоихъ былъ не утомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанїя всего, что ни случается въ сраженїяхъ на сухомъ пути, не токмо прошолъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ: дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенїя должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать; подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещїю малаго ботика, но дѣйствїемъ и славою великаго, изобрѣтенїе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченїю основать флотъ, и на морской глубинѣ показать Россїйское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума Своего силы во всѣ важнаго сего предпрїятїя части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно; ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанїя не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великїй Государь предпрїемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присудствїи всего Царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россїйскаго

госу-

государства, и при знатномъ собранїи дворянства, те радующихся, то поврежденїя здравїю Его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы, и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый Учитель и Просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленїе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ Московскихъ, по томъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванїя, отлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ Величество Своея Особы между простыми работниками въ чужой землѝ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившїеся съ нимъ купно въ обученїи, какъ Россїянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенїю и сооруженїю кораблей нужной не оставилъ, которой бы Своими руками не умѣлъ здѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое прїобрѣлъ искуство, что Голландїя не могла ужѐ удовольствовать Его глубокаго понятїя. По томъ коль великое удивленїе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ Россїянинъ; но Самъ толь великаго государства Обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенїя скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанїя и повелительства въ Голландїи и въ Британїи до-

стигъ

стигъ совершенной теорїи, и практики къ сооруженїю флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великїй Государь не токмо повелѣнїемъ и награжденїемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великїя Россїйскїя рѣки, я къ вамъ обращаюсь щастливые береги, посвященные Петровыми стопами и потомъ Его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкїе къ составленїю корабля прїуготованные члены не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложенїемъ руки Его къ скорому теченїю устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностїю совершали великїя громады! Коль чуднымъ, и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣнїемъ наслаждались стекшїеся народы, когда оныя великїя зданїя къ сошествїю на воду приближались! Когда неусыпный ихъ Основатель и Строитель многократно то наверьху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотренные недостатки исправлялъ повелѣнїемъ, ободренїемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ Своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченїемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ, баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикїе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ госу-

государства, раченїемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаянїемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ Собою; но и безчувственному дереву показалъ преславной знакъ благодарности. Покрываются Невскїя струи судами и флагами; не вмѣщаютъ береги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанїя, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое щастїе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтенїе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпїемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствїя; и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпрїятїи, и неутомимой въ совершенїи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ Великїй нашъ Защитникъ!

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ Его содержащаго исчисленїя, уже чувствую утомленїе, Слушатели; но великое и пространное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ дабы къ совершенїю теченїя слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанїю и произведенїю въ дѣйство толь великой морской и сухопутной силы, сверьхъ сего къ

строенїю

строенїю новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенїю рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленїю пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнымъ походамъ, къ строенїю публичныхъ и приватныхъ зданїй новою архитектурою, къ сысканїю искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенїя наукъ и художествъ, на содержанїе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно, и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ старанїе, какъ бы внутреннїе и внѣшнїе государственные зборы умножить безъ народнаго раззоренїя. И по врожденному Своему просвѣщенїю усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ; но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденїе утвердится. Ибо когда еще не было число всего Россїйскаго народа, и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, преселиться и странствовать по своему произволенїю не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великїя рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и городы разорялись. Превратилъ, премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилѣжанїе, раззорителей въ защитниковъ; когда исчислилъ подданныхъ множество утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать;

чрезъ что умножилось, и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ, и число людей въ наборахъ; умножилось прилѣжанїе и строгое военное ученїе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество.

Сколько другїя къ сему служащїя премудрыя учрежденїя спомоществовали, о томъ умолчеваю: упомяну о приращенїи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣренїямъ и раченїямъ Петровымъ: отворилъ рукою Его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ при городахъ храбростїю Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великїя рѣки для удобнѣйшаго проходу Россїйскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческїе договоры съ разными народами. И такъ приращая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденїй. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россїя, отъ долговъ была свободна.

Чтожъ? уже ли всѣ великїя дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертанїемъ? О коль много еще размышленїю, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, Слушатели, я вашему знанїю препоручаю, коль много требовало неусыпности основанїе и установленїе правосудїя, учрежденїе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, государственныхъ коллегїй, канцелярїй и другихъ мѣстъ присудственныхъ съ узаконенїями, регламен-

гламентами, уставами; расположенїе чиновъ, заведенїе внѣшнихъ признаковъ, для оказанїя заслугъ и милости; на конецъ политика, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сїе сами въ просвѣщенныхъ ПЕТРОМЪ умахъ вашихъ представте. Мнѣ только остается предложить едино краткое всего изображенїе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпрїятїй приключилось кому отлучиться изъ Россїйскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло; буде такая земля есть на свѣтѣ; по томъ бы возвратясь въ Россїю, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанїя и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшенїями, новое строенїе крѣпостей, новой флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченїе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чтобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ, что онъ былъ въ странствованїи многїе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или на конецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣнїи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова, видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствїяхъ бывшихъ на пути исполинскаго Его теченїя? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состоянїе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствїя раждаются. Что приращенїю нашего благополучїя могло быть

сего противнѣе, когда Россїю обновляющему ПЕТРУ и купно отечеству извнѣ нападенїя, извнутрь огорченїя, отовсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдства прїуготовлялись? Война дѣла домашнїя, домашнїя дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала́ быть вредительна. Подвигнулся великїй Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть Европейскїя государства, познать ихъ преимущества: дабы возвратясь, употребить ихъ въ пользу Своихъ подданныхъ. Только лишь прешелъ владѣнїя Своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великїя и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россїйской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскїя, и будущему своему Повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенїю отъ устроенныхъ коварствъ, стезю открыли, и преодолѣнныя Имъ опасности Балтїйскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути Своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ. Но ахъ! Неволею пресѣкаетъ Свое преславное теченїе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знанїе отечеству нужное: съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ Нему, къ единому своему упованїю, простерши руки восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодаренїемъ признаваю: но прежде укроти свирѣпыхъ: Ты растался

со

со Своимъ домомъ, со Своими кровными, для приращенія моей славы; съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное нестроеніе: оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и простымъ видомъ скрываешь лучи Своего Величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури! Таковыя противности воспящали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его пріуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній ПЕТРУ преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножилъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ Своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣжжая въ срѣтеніе

тѣлу

тѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнїя исполненнымъ дѣйствїемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи Невскїя. Чудное видѣнїе! Гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, вѣры ради Ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленїя кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскїя брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ Ними, какъ нѣкогда Ерихонскую Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестїемъ одарилъ Богъ несравненно премудростїю. Какая важность въ разсужденїяхъ; безпритворная въ словахъ краткость, въ изображенїяхъ точность, въ произношенїи сановитость, жадность къ познанїю, прилѣжное вниманїе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ; въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сїи Петровы дарованїя приняла новой видъ Россїя, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего Отечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непрїятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше влїянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское мужество: оною удивилъ вселенную,

симъ

симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ Своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученїяхъ безстрашїе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанїя бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденїя; младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами Своея Родительницы, прошенїемъ Братнимъ и знатныхъ персонъ моленїемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученїя, коль многїя презиралъ опасности, для обновленїя Россїи. Плаванїе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенїя. Коль много кратъ морскїя волны возвышая гордые верьхи свои непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою Своемъ войскѣ ПЕТРА, между градомъ пуль непрїятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ Свой, и полки къ смѣлому сраженїю ободряющаго. И ты знойная Персїя ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествїю нашего Героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаенымъ оружїемъ и лукавствомъ городы.

Больше

Больше примѣровъ о Геройскомъ Его духѣ, для краткости не предлагаю, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присутствіе и Его предводительствомъ бывшихъ: но представляю Его великодушіе великимъ Героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ; споможеніе союзниковъ; мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлѣжитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ Свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ Побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе поставленныхъ отъ Бога на земли обла-

обладателей есть управляти мiръ въ преподобiи и правдѣ; награждать заслуги, наказывать преступленiя. Хотя военныя дѣла и великiя другiя упражненiя, а особливо прекращенiе вѣку много препятствовали Великому Государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многiе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленiе многочисленные дни отдохновенiя, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому Родителю Дщери, въ безмятежное и благословенное Ея владѣнiе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудiе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препятствующiя злодѣянiя къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкiя преступленiя, объявилъ Свою сердечную радость прiятiемъ ихъ къ столу Своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ Его казнь стрѣлецкая. Представте себѣ, и помыслите, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣнiе о подданныхъ, что Своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ насилованныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и

острое оружїе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествие пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сїе ежели не отмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнию; уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемые домы разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пепелѣ. Всѣ сїи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечнаго правосудїя наблюденїе принудило Его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ Его подданнымъ. Превосходенъ дарованїями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сїе больше безприкладнымъ снисхожденїемъ умножилъ, украсилъ. Часто межь подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и Монаршеское присутствїе показующаго великолѣпїя и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: Его снисхожденїе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселїя и отдохновенїя предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселїя, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселенїе за столомъ Его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и

сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченїями жилъ какъ прїятелями въ прохлажденїи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ Свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ Своимъ посѣщенїемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденїемъ, нынѣ явилось благодѣянїемъ. За отдохновенїе почиталъ Себѣ трудовъ Своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующїя и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присудствїи дѣла вершили. Различныя художества не токмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможенїемъ къ приращенїю поспѣшали; публичныя строенїя, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основанїи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершенїи наградителя. Чтожъ Его путешествїя, или лучше быстропарящїя летанїя? Едва услышало гласъ повелѣнїя Его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтїйское море; едва путь Его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающїя ему Каспїйскїя волны. И вы великїя рѣки, Южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ, и прочїя скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго ПЕТРА въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить!

слить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленїемъ смотримъ, по какимъ путямъ Онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновенїе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ прїятель обращался съ подданными Своими. Какъ небесныя свѣтила теченїемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ Онъ попеченїемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движенїи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданїяхъ межъ трудными разсужденїями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строенїи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенанїемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтїйскаго, Каспїйскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ ПЕТРА Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ ПЕТРЪ, но многїе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ ПЕТРОМЪ малы. Иной завоевалъ многїя государства; но свое отечество безъ призрѣнїя оставилъ. Иной побѣдилъ непрїятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбїя, и вмѣсто трїумфа слышалъ плачь и рыданїе своего отечества.

Иной

Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянїя и наслѣдства не имѣлъ Разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципїоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то ПЕТРЪ здѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я; каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановенїемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятїю, найти надобно; кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣтаю.

За великїя къ отечеству заслуги, названъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ Его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, Которая на Отеческой престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣянїями Своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великїе труды Петровы, за попеченїе Екатеринино, за слезы, за воздыханїе, которыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россїи благодѣянїя, награди долгоденствїемъ и Потомствомъ.

А ты великая душа, сїяющая въ вѣчности и Героевъ блистанїемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внукъ Наслѣдникъ; Правнукъ по желанїю нашему родился; мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены: Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сїе приношенїе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Конецъ второй части.

СОДЕР-

СОДЕРЖАНІЕ

второй части.